

ЗАДОНСКИЙ, АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ПИЛЬСКИЙ, ПЕТР МОИСЕЕВИЧ

Зоин роман

Рига : Дидковский
1930

University Library of Tartu: XIV 1942:3113

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

Андрей Задонскій

Зоинъ Романъ

Вступительная статья
ПЕТРА ПИЛЬСКАГО

Изданіе М. Дидковскаго

1930

/

Рига

/

1930

Всѣ права сохранены
за авторомъ
Alle Rechte vorbehalten
Copyright by the author

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

Основныя настроенія Андрея Задонскаго.

Люди находятъ себя, какъ зарытый кладъ: нужно долго рыться, неутомимо искать, чтобы докопаться до запрятанной тайны.. Многіе ли роются?

Большинство людей не ищетъ, а живетъ. Ихъ единственнымъ гранильщикомъ становится профессія. Такъ вырабатываются типы педагоговъ, военныхъ, бухгалтеровъ, судей, купцовъ. Совсѣмъ иначе слагается духовный міръ людей искусства. Это — трудная жизнь, и трудный путь, горькія, но и счастливыя радости.

Въ своемъ ростѣ художники становятся неузнаваемыми. Я думаю — нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ готовить собраніе своихъ сочиненій. Перелистываешь эти страницы, — итогъ длинной жизни, — перечитываешь рассказы, написанные въ далекую пору молодости, и сердце сжимается боязливымъ трепетомъ: сколько искренности, но и сколько ошибокъ, какая нѣжность и какая неумѣлость, — ты и не ты!

Все одаренное растетъ. Не измѣняясь стоитъ на мѣстѣ только усохшее, застывшее, окаменѣвшее. Есть рощи и есть деревообдѣлочныя мастерскія, и въ рощахъ все — въ непрерывномъ ростѣ, никогда не законченное, въ мастерскихъ — все завершено и все мертво.

Вотъ сейчасъ я читаю рассказы Андрея Задонскаго. Они составили его вторую книжку. Первая называлась «Ступени». Конечно, и въ той и другой есть общія фамилныя черты, — отраженіе ихъ создателя, — и все-таки, какая разница! Въ своемъ послѣдовательномъ развитіи Андрей За-

донскій въ этомъ рядѣ разсказовъ выраженъ и ярче и полнѣй.

По однѣмъ «Ступенямъ» было бы очень трудно его опредѣлить. Теперь это легче. Вотъ писатель, всѣми своими пристрастіями живущій здѣсь, а не тамъ, въ Сов. Россіи. Совершенно невозможно вообразить себѣ ни одного изъ этихъ разсказовъ напечатаннымъ въ какомъ-нибудь совѣтскомъ органѣ. Темы Андрея Задонскаго, его настроенія, тонъ передачи, герои, — все овѣяно идеализмомъ и нѣжностью. Тутъ прежде всего свѣтлая грусть, вздохи о прошломъ, любовь къ старинѣ, лелѣніе ушедшаго быта, усадебный уютъ, чистыя дѣвушки, юношескія увлеченія, безбурность страстей, мягкія прикосновенія.

Сердцемъ и слухомъ Андрея Задонскаго владѣютъ тургеневскіе мотивы. Это не значитъ, что онъ находится подъ вліяніемъ великаго автора «Дворянскаго Гнѣзда», но въ его разсказахъ живутъ отклики именно Тургенева, перекликаніе со старой барственностью, съ исчезнувшей мечтательностью.

У Андрея Задонскаго прелестны женщины, благоухаетъ расцвѣтающая любовь, трепетно живутъ въ свѣтлыхъ предчувствіяхъ молодыя души, звучитъ музыка, за усадебной оградой распускаются помѣщичьи сады и надо всѣмъ разлить ласковый свѣтъ.

Обычный фонъ его картинъ переноситъ насъ въ глушь, въ поля и парки, въ уѣздные, рѣже въ губернскіе города, и въ этихъ описаніяхъ чувствуется умиленіе передъ гложущей и уже загложшей, отошедшей жизнью. Это — дворянскія вѣянія, дворянскія пристрастія, дворянская уплывшая красота, дворянскіе особняки, дворянскія помѣстья. И дѣвушки, и тетушки, и бабушки, и приѣзжающіе изъ большого города племянники несутъ съ собой ароматъ дворянскаго духа, дворянскихъ навыковъ и манеръ.

У Андрея Задонскаго легко подмѣчается одна, какъ бы несущественная, и въ то же время очень характерная подробность, — мелочь сразу, однако,

переносающая васъ въ прошлое, отрывающая отъ сегодняшняго дня. Во всѣхъ его разказахъ — ѣзда непремѣнно на лошадахъ, пыльные дороги, коляски, повозки. Лишь одинъ единственный разъ появился автомобиль, но и тутъ принесъ съ собой холодъ, боль и разочарованіе. Зато коляски и кареты движутся предъ нашими глазами, обласканныя тепломъ, спокойной домовитостью своихъ владѣльцевъ, ихъ увѣренной властностью и гордой неторопливостью.

Въ оттепельный вечеръ, на Масляной, къ освѣщенному подъѣзду Грандъ-Отеля подъѣзжаетъ помѣщичій возокъ, фыркаетъ четверка гнѣдыхъ, скалитъ желтыя челюсти и дымятся вспотѣвшія спины. («Зоянъ романъ»). И бабушка пріѣзжала изъ своей усадьбы въ каретѣ, запряженной четверкой соловыхъ, старый кучеръ Гордѣй, съ однимъ слѣпымъ глазомъ, еле сдерживалъ барственный бѣгъ лошадей, и бабушка выходила изъ кареты и ставила на подножку маленькую ногу въ прунелевомъ башмакѣ. («Фарфоровыя старушки»). Послѣ вечера, проведеннаго въ имѣніи Хатнемъ, разъѣзжаются гости и «за тополями у подъѣзда въ синемъ мракѣ исчезаютъ фонари послѣдней кареты и уже издали слышится на пыльной дорогѣ мягкой топотъ драгунской полукровки.» («Разказъ о смѣшливой княжнѣ») И съ артиллерійскаго полигона подъ Кіевомъ ѣдутъ на музыку въ Купеческомъ саду тоже въ двухъ экипажахъ, слышенъ «медленный, шагъ за шагомъ, топотъ копытъ по занозистому пыльному настилу». («Вальсъ Глинки»). Ѣздятъ зимой въ саняхъ, осенью въ каретахъ, ѣздятъ въ коляскахъ и только разъ появился автомобиль, — изъ за ракитъ показался сивій радіаторъ и «почти въ ту же секунду огромная и громкая машина вынырнула изъ за косогора»: въ ней пріѣхалъ избалованный молодой графъ Анатолій Гаяринъ, принесшій первое огорченіе довѣрчивому сердцу княжны.

Андрей Задонскій ласкаетъ и грѣетъ человѣческую довѣрчивость, эту красивую черту благородныхъ и безхитростныхъ душъ.

Вотъ почему онъ такъ нѣженъ къ дѣтямъ, любить «дѣвочку Олю», вмѣстѣ съ ней горюетъ, жалѣетъ и огорчается, что «ее толкали, всѣ кричали, мама взяла за руку, потащила, и она бѣжала, слотыкаясь, и плакала», плакала «о домикѣ своемъ, оставшемся далеко въ темнотѣ, о дѣтской кроваткѣ своей бѣлой, объ альбомчикѣ, потерянномъ, какъ все другое». За довѣрчивое отношеніе къ жизни, за отдачу своего сердца авторъ любитъ Зою, печально окончившую свои дни, схороненную на мюнхенскомъ католическомъ кладбищѣ.

У Андрея Задонскаго довѣрчивы, свѣтлы и чисты и смѣшливая княжна и деревенская «дѣвчонка въ скромномъ національномъ костюмѣ», взволновавшая молодого столичнаго скрипача Яна Бейка на вечеринкѣ волостныхъ айзсарговъ, и едва расцвѣтающая Нина, но также довѣрчивы и старушки, и старики, и пожилыя тетушки. Въ душахъ этихъ молодыхъ и состарившихся людей живетъ великодушіе и терпимость, умѣніе радоваться чужой радостью прощать чужія слабости, — родовыя черты русскаго барства, носителя изысканной культуры.

У Андрея Задонскаго повсюду красивые аксесуары, лица, — обстановка, вѣера, ложи, грезовскія головки, англійскій романъ, вечерніе дуэты въ гостиной, на стѣнахъ картины, гдѣ юноша въ туфляхъ, чулкахъ, парикъ играетъ на флейтѣ, дѣвушки — въ кринолинахъ, сидящій въ глубокомъ креслѣ старикъ — въ халатѣ и туфляхъ, дремлютъ антресоли, стоятъ широкіе сафьяновые диваны, у тонныхъ старушекъ — морщинистыя, холеныя руки, гуляютъ, бесѣдуютъ, хлопчутъ княгини и княжны, — міръ, отходящій въ преданіе, уплывшая полоса русской жизни.

Но кромѣ парковъ, садовъ, старинныхъ залъ, нѣжныхъ дѣвушекъ, фарфоровыхъ старушекъ, Задонскій очень любитъ музыку. У него поютъ дуэты, играютъ на роялѣ, звучитъ оркестръ, фигурируютъ скрипачи, знаменитые музыканты, молодые піанисты. Преодолевъ гамму, уроки музыки, сжигаемый жаждой славы, скромный піанистъ Аль-

фонсъ мечтаетъ стать гениальнымъ, какъ только что концертировавшій знаменитый Антонъ Ховарда. И сила мечты совершаетъ чудо. Они обмѣниваются ролями, талантами, даже возрастомъ, но счастливый мигъ приходитъ и уходитъ: власть мечты бываетъ великой, но не всемогущей и на свѣтѣ нѣтъ чудесъ. Также подъ звуки «Вальса Глинки» возникаютъ и проносятся неясныя, счастливыя и радостныя волненія первой любви, но и скрипачъ Янъ Бейкъ влюбляется въ простую дѣвушку подъ наивныя мелодіи духового оркестрика («Въ глуши»).

Въ разказахъ Андрея Задонскаго предъ нами проходятъ люди разныхъ возрастовъ, они испытываютъ различныя чувства, поставлены въ разныя положенія, но всѣ разказы объединены общимъ, можетъ быть, едва уловимымъ, но неизмѣннымъ настроеніемъ грусти, — и эта грусть всегда свѣтла.

Какъ бы ликующе ни начинался разказъ, уже съ первыхъ его строкъ въ сердце читателя закрадываются неясныя предчувствія надвигающейся, или, точнѣе, рѣющей печали. Это оттого, что въ душѣ самого автора живетъ сумеречная предреченность, сліяніе двухъ тоновъ, розоваго съ сѣрымъ, какъ бываетъ на закатѣ весенняго дня или въ предрасвѣтныя часы.

Читая Андрея Задонскаго, ощущаешь чью-то обреченность, невѣріе въ прочность счастья, невольное и даже безсознательное сожалѣніе о приговоренности красоты на землѣ, сознаніе недолговѣчности нашихъ радостей. Все кажется, что первый поцѣлуй Нины станетъ послѣднимъ въ своей цѣломудренной чистотѣ, и больше не повторятся сладкія мученія любви у княжны къ Гоярину, и дѣвушка изъ медвѣжьяго угла во второй разъ не испытаетъ счастливыхъ минутъ въ случайныхъ объятіяхъ пріѣзжаго музыканта, и печальныя могилы («Перекрестокъ»), и скорбень Зоинъ конецъ, и обидно «за мужа за стѣной», и тѣмъ же мотивомъ проникнуть разказъ «Третій», гдѣ молодая, хрупкая, съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, съ темными прекрасными глазами жена старика

Овсяницкаго окажется сумасшедшей мечтательницей, и, вообще, всѣ мечты обмануть и отлетять.

И все же это не пессимизмъ и это не отсутствіе вѣры въ жизнь.

Это — вздохъ живого свидѣтеля гибельныхъ вихрей, тихая задумчивость надъ тѣмъ, что недавно жило, цвѣло, ласкало и теперь безвозвратно ушло. Такъ силенъ у Андрея Задонскаго этотъ похоронный мотивъ, такъ искренне и печально у него это послѣднее цѣлованіе, что даже шумный ярмарочный день, и общій помѣщичій кутежъ въ «Дворянскомъ собраніи», его веселый гамъ, безпутныя рѣчи, уѣздный праздникъ, несмотря на всю свою беззаботность и безшабашность, таятъ въ себѣ какіе-то тоже грустныя предчувствія, возбуждаютъ тревогу, звучать, какъ набать, пророчать недоброй конецъ.

Межъ тѣмъ самъ авторъ совсѣмъ не склоненъ подчеркивать или выдвигать эти настроенія.

Наоборотъ: въ его рассказахъ разлито много свѣта, у него играетъ солнце, поднимается золотящаяся пыль, кричитъ бодрость, возбуждаетъ музыка, волнуютъ мечты, цвѣтеть молодость, лѣтомъ счастливо млѣютъ сады, зимой бодритъ снѣгъ, слышенъ рѣзвый конскій топотъ, и люди добры и милы, обаятельны и снисходительны, и вся жизнь будто приуготовлена для безмятежныхъ дней и мечтаній, — все живетъ, но и все обречено, смѣшавъ въ себѣ ликованіе съ печалью, кружащую любовь съ ждущимъ горемъ. Рассказы Андрея Задонскаго похожи на забытыя письма, хранящіяся въ ларцѣ тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Петръ Пильскій.

Зоинъ романъ.

Случалось ли вамъ въ большомъ и чужомъ городѣ, зайдя на кладбищѣ и бродя по немъ, вдругъ встрѣтить одинокую и забытую могилу, которая поразитъ васъ своею странной далекостью отъ другихъ и привычныхъ? Вы вдругъ увидите среди нарядныхъ памятниковъ поставленныхъ Geheimrat'амъ и генеральшамъ, выхоленныхъ и вылощенныхъ, одинокій холмикъ, безпризорный и заросшій и на его покрывившемся крестѣ заржавѣвшій щитъ, на которомъ вы съ трудомъ прочтете какое-нибудь иностранное и непривычное имя, что-нибудь вродѣ: «Geneviève Cherpantier, née le 28 août 1854 a Grenoble»... И вы невольно задумаетесь: какимъ образомъ жизненный путь этой Geneviève, могъ кончиться тутъ и истлѣвшіе ея останки могли очутиться въ сосѣдствѣ съ Geheimrat'ами и Freiherr'ами? Я вамъ расскажу, какъ это можетъ произойти...

I.

Въ оттепельный вечеръ, на Масляной, къ освѣщенному подъѣзду Грандъ-Отеля подъѣхаль помѣщичій возокъ. Остановившись, накренился, поднявъ полозьями разсѣченныя глыбы бурога снѣга.

А какъ стали кони, четверка гнѣдыхъ, зафыркали полѣзли другъ другу въ морды, оскаливъ желтыя челюсти. Задымились встпотѣвшія спины заволоклись сизымъ облакомъ...

А изъ возка вышла помѣщица Колиновская Дарья Евменьевна, да дочь ея Зоя въ бархатной шубкѣ. И какъ проходила Зоя вестибюлемъ, за матерью и коридорнымъ, понесшимъ чемоданы только и видны были подъ запорошеннымъ капоромъ бархатнымъ сѣрые глаза, молодые и любопытные надъ румянцемъ щекъ...

А въ номерѣ съ перегородкой были красныя бархатныя кресла, трюмо, висѣла картина съ видомъ Амальфи и пахло гостиничнымъ. И пока Дарья Евменьевна суетилась надъ чемоданами, отдавала приказанія вертлявой горничной и раскладывала на мраморномъ умывальникѣ несессеръ — подошла Зоя къ окну, размазала ладошкой потный налетъ стекла и выглянула на площадь передъ гостиницей. И какъ увидѣла пронесшуюся тройку съ заснѣженной дугой, взлетъ румяной попоны надъ спинами лошадей, какъ увидѣла въ отдаленіи проползавшій, красными свѣтами маячившій трамвай, какъ прочла веселыя, бѣлыми электрическими лампами освѣщенные буквы на вывѣскахъ: «Бр. Бландовы»... «Кафэ Асторія»... — почувствовала радость въ груди, будто завертѣлось въ ней біеніе нетерпѣливой жизни! завтра все увижу, узнаю, завтра — жизнь.

II.

А на другой день, поутру, только Дарья Евменьевна съ Зоей напились кофе съ калачемъ, вкусные въ губернской столицѣ калачи, на выюгъ славятся — заѣхалъ къ нимъ князьенька Рязановскій, Зойинъ братъ троюродный. Высокій, сут...

лый, въ очкахъ, рыжеватый. Какъ засмѣется — вонзится въ щеку ямочка, веселая, совсѣмъ еще мальчишеская, и засмѣются вмѣстѣ крѣпкіе бѣлые зубы, да близорукіе глаза, голубые и добрые. Сѣлъ онъ подлѣ Дарьи Евменьевны на диванъ, вынулъ рукой холеной платокъ, надушенный эткинсоновскимъ шипромъ, высморкался громко, трубой, да и принялся разспрашивать помѣщицу — каковы дѣла въ Козельцахъ, сдана ли ширяевская экономія, какъ здоровье дяди Ипполита? А Зоя глядѣла, глядѣла на него, да и не выдержала:

— Какой ты смѣшной въ штатскомъ.

— Почему смѣшной? Развѣ?

— Да въ формѣ лучше было. Помнишь, на Рождествѣ ты еще драгуномъ былъ...

И тогда взглянула Дарья Евменьевна на племянника, пристально будто съ укоромъ.

— Неужели ты, Кира, брасилъ службу навсегда? Ну, поболѣлъ, ну, взялъ отпускъ, — но мнѣ еще Шаряевскіе говорили, что ты переводишься въ Клястицкій, къ Святой, что-ли?

— Ошибаются!

Улыбнулся Ряполовскій, такъ что ямочка чуть чуть обозначилась, шаловливая.

— Ошибаются. Я въ Германію ѣду. Въ Академію...

— Господи! простонала помѣщица. Неужто этимъ рисовальщикомъ будешь? И засѣла же эдакая дурь въ головѣ, ты прости меня старуху! Изъ драгунъ да въ рисовальщики, а?

— Изъ драгунъ въ рисовальщики, да! — улыбнулся Ряполовскій, кивая головой.

А полчаса спустя наговорившись, рѣшили пройтись по городу, да заодно ложу купить на вечеръ въ оперу. И пока суетилась помѣщица за перегородкой, носъ пудря да шляпу надѣвая, подошли Зоя съ Ряполовскимъ къ окну — уже Зоя въ шубку облачилась да въ ботики мѣхомъ опушенные,

да въ шляпу широкополую съ кружевами. Стояли жмурились отъ желтаго мартовскаго солнца, а Ряполовскій говориль, покуривая:

— Буду я, вотъ увидишь, Зоя! Буду художникомъ. Знаю, чувствую. Вотъ когда смотрю на улицы, на площадь — вотъ видишь лихачъ прокатиль, комья летять снѣжные, а попона синяя, а паръ изъ ноздрей — у лошадей-то, видишь? А за ними домъ — Купеческій Банкъ, старинный домъ, александровскій, съ колоннами... А рядомъ вывѣска — видишь, такая мутная, потому-что брызги летять съ крыши, капель. А буквы горять, видишь — «Кафэ Асторія». А тамъ въ Петровскій переулокъ выпускается трамвай, двойной, какъ ползущая гусеница. Можетъ ты этого и не поймешь, а я вотъ смотрю и думаю: Кустодіевъ... Добужинскій.. Юонъ.. Русскій городъ. И сколько въ немъ этакого особеннаго, своего, а? Нѣтъ, Зоенька, буду, буду!

А вышли на улицу, да всѣ трое къ аршинному столбу — куда пойти, да что есть-то? И первое, что прочла Зоя на бѣлой, скромной афишѣ, еще ровсѣмъ свѣжей, еще съ блестящими на солнцѣ комками клейстера по краямъ: «Городской Оперный Театръ. Сегодня вторая гастроль Скуба, тенора миланской оперы «La Scala» Фаустъ.

Даже вскрикнула Зоя:

— Мамочка, Скуба поетъ въ оперѣ! Знаешь, Скуба, знаменитый Скуба! Пойдемъ! Пойдемъ обязательно!

И, идя по улицамъ съ матерью и Ряполовскимъ не набрасывалась она, какъ прежде, на витрины, магазиновъ, на платья, бѣлье, духи, обувь, сласти, книги. Спѣшила. Боялась опоздать въ кассу, не получить ложу. Никогда не слышала Скубу, но знала вѣрила — очаруетъ, подниметъ, ошастливитъ!

III.

Въ ложѣ сидѣли вчетверомъ: помѣщица, Ряполовскій, Зоя и ея подруга, Ксенія Званцева генеральская дочь. Ксенія — высокая полная блондинка, очень румяная здоровая. Но несмотря на здоровье часто простуживалась и тогда кашляла глухимъ лошадинымъ кашлемъ. И теперь кашляла. Говорила Зоѣ, закрывая ротъ кружевнымъ платкомъ:

— Вчера у Высоцкихъ былъ балъ, танцевала какъ бѣшеная до утра. И, представь, опалѣла: прямо послѣ мазурки — мороженное! И вотъ кашляю, какъ извочичья кляча. Кириллъ Дмитриевичъ, принесите мнѣ апельсинъ, голубчикъ, освѣжить горло — дышать нечѣмъ!

Любила Зоя Ксенію — вмѣстѣ росли, вмѣстѣ въ институтѣ, вмѣстѣ проказили въ деревнѣ да влюбились — въ пятнадцать лѣтъ — въ одного и того же юнкера.

Залъ — красноезолотой, нарядный, шумный. Будто волны — свѣтъ, лица, бархатъ, запахи. Все праздничное и молодое. Даже старые сановники въ первомъ ряду, даже старыя чопорныя дамы въ ложахъ — молодые. Дома — въ спальняхъ — старые, небритые, беззубые. Тутъ — молодые — отъ свѣта, отъ толстощекихъ херувимовъ на ложахъ, отъ трелей флейтъ, пробѣгающихъ внизу, въ настраивающемся оркестрѣ, отъ скрипичныхъ переливовъ, заставляющихъ вспомнить милые сладкіе фаустовскіе мотивы.

И вотъ поднялся занавѣсъ, началось оперное дѣйствіе. Пока старымъ былъ Фаустъ — мѣшала Зоѣ бѣлая борода, парикмахерская и скучная. Такіе изъ-подъ бороды чарующіе звуки льются, такая молодость, — тутъ сѣрый халатъ, да парикъ — не то. Но вотъ зашипѣлъ въ кубкѣ ядъ, пропѣлъ Мефистофель свое заклятіе скрылось видѣніе. Маргариты, а съ нимъ и Фаустъ исчезъ гдѣ-то за крес-

ломъ, — а потомъ разомъ нахлынуло и свѣтъ и побѣдный гимнъ въ оркестръ и новый образъ у рампы, бѣлый, молодой, чарующій — Иванъ Скуба. И почувствовала Зоя, какъ пробѣжалъ по ея спинѣ острый и радостный холодокъ, будто ударъ кнута, безжалостный и роковой.

IV.

Въ маленькой старинной кофейнѣ на многолюдной и веселой Московской, за мраморнымъ столикомъ, сидѣли Зоя, Ксенія и Иванъ Скуба. Передъ ними дымился шоколадъ, а на серебряномъ блюдѣ лежали пирожныя-трубочки съ розовымъ кремомъ микадо, безе. Будто сонъ. Она и Ксенія въ знаменитой кофейнѣ съ знаменитымъ теноромъ!

Говорили Ксенія и Скуба. Она молчала. Она ерзала рукавомъ по краю столика, разстегнувъ шубку. Было жарко. И весь воздухъ пропитанъ сладкими волнами шоколада и пирожныхъ. И только изрѣдка, когда открывалась дверь на скрипучемъ блокѣ, врывалась въ кофейную струя оттепелнаго марта, да говоръ масляничной вечерѣющей улицы. И немного неудобно было, потому что подъ ея локтемъ лежалъ номеръ Будильника, замызганный липкими пальцами, на длинной палкѣ съ кольцомъ. И эта палка и журналъ, свисавшій черезъ край стола, мѣшали ей пить. И тогда Скуба вдругъ, съ улыбкой, обратился къ ней.

— Вамъ неудобно сидѣть? Позвольте, я уберу журналъ! А то вѣдь онъ вамъ мѣшаетъ...

Онъ всталъ и повѣсилъ «Будильникъ» куда-то на крючекъ на стѣнѣ.. Онъ рассказывалъ о себѣ. Отецъ его — малороссъ, мать — итальянка. У отца торговля мраморомъ въ Екетеинославѣ. Отецъ въ молодости ѣздилъ въ Италию, въ Каррару, за мраморомъ и тамъ женился. Третью своей жизни Скуба

провелъ въ Италіи, тамъ же и учился пѣнію и впервые выступалъ. И теперь, окончивъ свои гастроли тутъ, онъ снова уѣдетъ въ Италію. У него уже новый ангажементъ въ Ла-Скалу.

Зоя слушала молча. Говорила и спрашивала только Ксенія. Она, вообще, бѣдовая. Написала Скубѣ восторженное письмо и назначила ему свиданіе у кофейни. Зоя никогда бы не посмѣла. Зоѣ страшно. Она будто куда-то выскочила, не спросясь матери, и теперь вотъ стоитъ гдѣ-то, въ запрещенномъ мѣстѣ и смотритъ, жадная и любопытная, чужую жизнь, которую ей раньше не показывали. Вотъ какъ въ дѣтствѣ, когда она ѣздила въ Петербургъ къ тетускѣ. Тетуска жила напротивъ Кадетскаго Корпуса, и со двора можно было видѣть какъ кадеты, въ зимній день, безъ шинелей, маршируютъ на гимнастическомъ плацу. Ей нравилось. Она выскакивала тайкомъ на дворъ, какъ была, въ одномъ платьицѣ — и смотрѣла. Вѣтеръ рвалъ волосы и платье, она скользила по мерзлымъ булыжникамъ своими маленькими ножками въ лакированныхъ туфелькахъ, ей было холодно, страшно, что тетуска и мать замѣтятъ и накажутъ — но она оставалась на вѣтру, пока ея руки не синѣли и не коченѣли отъ мороза. Ей было пріятно, что она такъ же, какъ кадеты, безъ пубки...

Когда вышли изъ кофейни, лиловые сумерки хороводили до улицамъ и переулкамъ. Тянулись цѣпью, зыбкіе и легкіе. И въ дымную ихъ гущу вплетались радуги огней, зеленые и красные глаза кинематографовъ, оранжевые блики трамваевъ, искры хрусталя и золота въ ювелирныхъ витринахъ. И мелкимъ пушкомъ, сквозь брызги капли, рѣяли снѣжинки, садились на румяныя лица и щекатали...

V.

А три дня спустя, на другой день послѣ «Богемы», Зоя и Скуба встрѣтились вдвоемъ. Это было послѣ бессонной ночи, когда разверзались передъ ней тысячи пропастей и звали и завлекали въ свой чёрный зѣвъ. Послѣ длиннаго дня прошанія съ дѣтствомъ, когда заботливая улыбка на блѣдныхъ губахъ матери и ея тихій голосъ, ласковый для нея и незнающій, запечатлѣвались въ ея тревожномъ мозгу, какъ благословія, которыхъ она болѣе не достойна. И послѣ сумерекъ, когда городъ кричалъ за окномъ и звалъ ея тѣло и выдыхалъ безумный жаръ въ ея кровь...

Сначала все было чинно и ничуть не тревожно. У подъѣзда горѣли крупныя лампы, какъ большіе свѣтящіеся биллиардные шары. А отдѣльный кабинетъ былъ убранъ съ большимъ вкусомъ: клубныя кресла изъ мягкой кожи, изысканная сервировка стола, плафонъ съ оранжевыми ирисами, а на стѣнахъ гравюры Штука: «Панъ и Хороводъ». Но когда она прочла: Franz Stuck — ей вспомнилась его картина «Das Laster» — нагая женщина съ обвившейся вокругъ нея страшной, скользкой, зловѣщей змѣей. И опять она почувствовала, какъ холодокъ сбѣжалъ по спинѣ, и снимая шубу, казалось ей, что она обнажаетъ себя и приобщается къ штуковской женщицѣ...

Онъ былъ очень милъ и веселъ. У него было смугло блѣдное лицо и большіе каріе усталые глаза. И казалось ей, что весь онъ — артистъ, теноръ, и лицо тенора, но глаза у него — какъ у подростка-школьника, который усталъ отъ зубрежки. За голосъ и за эти глаза она и полюбила его.

Все первое, сознательное, было очень мимолетно: омары, какіе-то салаты, бѣлое вино, холеная бѣлизна скатерти, рукъ его, багровыя пятна розъ въ хрустальной вазѣ. Но потомъ, послѣ вто-

рого бокала вина, она почувствовала, что говорить глупости. Она почему-то рассказала ему, какъ она въ дѣтствѣ, въ Петербургѣ, смотрѣла на марширующихъ кадетъ и какъ это было похоже на кофейню, вчера... или не вчера, а въ четвергъ... или среду... То есть не кадеты были похоже на кофейню, а наоборотъ, кофейня на кадетъ.. Но это очень трудно выразить..

И тогда она замѣтила, что онъ улыбнулся. Не такъ, какъ всегда, а по особому. Немного жутко... Отвела глаза отъ него и увидѣла штуковскаго Пана. Но видѣла она не Пана, а «Das Laster». Стршнюю, скользкобрюхую змѣю. И показалось ей, что отъ окна дуетъ. И чтобы не было холодно, она еще выпила вина... или шампанскаго.

И вотъ послѣ этого все начало погружаться и липнуть. Все было липкое и сладкое, — кофе, бенедиктинъ, даже проборъ у лакея, который изрѣдка заходилъ безшумно и уходилъ опять. И тоже онъ какъ-то вышелъ — и она взглянула на его спину и подумала: «Онъ больше не войдетъ. Онъ не войдетъ, потому что здѣсь штуковская змѣя... скользкая и липкая, ползетъ по дивану, по скатерти, обвиваетъ ея горячее тѣло. Горячее и мерзнущее. И чтобы не погибнуть она смотрѣла въ его глаза, каріе глаза усталаго школьника. И тогда впервые охватилъ ее румяный пламень поцѣлуя. И она потянулась къ нему, чтобы исцѣлить у его ласковаго огня страшный холодъ свой, страшную жуть и страхъ передъ липкимъ брюхомъ подползшей къ ней змѣи, передъ сладкимъ и похотливымъ дыханіемъ ея зова...

Послѣ красной и шалой ночи хмѣля настало хмурое утро покаянія.

Пала изморозь, забѣлѣли телеграфныя проволоки, окунулись въ блѣдный саванъ нагія деревья, разлилась по скользкимъ булыжникамъ серебрястой сѣтью, разбросала сермяжные клочья снѣгу

по порыжѣлымъ травамъ скверовъ. И потянулся въ похолодѣвшемъ воздухѣ покаянный великопостный звонъ, проплыль мѣднымъ набатнымъ стономъ, медленный и скорбный.

Дарья Евменьевна съ Зоей ушли на раннюю утреню, къ Николаю Чудотворцу. И какъ вошла Зоя въ Храмъ, какъ услышала знакомые слова покаянной молитвы Ефрема Сирина — Содрогнулась отъ опустошенности душевной, отъ мрака, наполнившего ея сердце. Жуткія слова родились въ мозгу, четкія и неумолимыя: «Блудница... Недостойная... Блудница!..» Захотѣлось согнать ихъ, очистить мысль и губы бѣлизной привычной своей дѣтской молитвы — не шли слова, разорвалась нить съ прошлымъ, жгло сознание стыдное: ночь... И Штукъ... Ликерьъ... Сладострастіе... Липкая паутина, отъ которой не избавиться во вѣки...

VI

Что-то загремѣло, замаячило за окномъ. Мостъ. Желѣзные, жуткіе своды. Зоя проснулась. Оглянулась. Красный бархатъ дивановъ, увядшія розы на столикѣ, полузадернутая синимъ колпакомъ еще горящая круглая лампа подъ потолкомъ, обитымъ клеенкой. И въ сѣрую муть утра плетается ея красное, будто ослѣпшее горѣніе. Напротивъ, прикрывъ ноги плѣдомъ, лежитъ онъ. Спитъ. Даже похрапываетъ. Видень подбритый затылокъ, бархатная куртка поднялась на спинѣ, загнулась, показавъ щегольскіе брюки. Повернулся, хрустнулъ пальцами и вдругъ открылъ глаза. Улыбнулся ей, заспанный. И сейчасъ-же потянулся къ столику, къ коробкѣ, сгребъ горсть шоколадныхъ лепешекъ, зажевалъ по-дѣтски.

— Ну что? — спросилъ.

— Я пойду умываться, — отвѣтила она.

— Подожди. Рано еще. Что-то ты кислая какая? Садись, побалакаемъ!

И потянулъ къ себѣ на диванъ. Сѣла безвольная, будто каменная. А онъ облокотился на подушки, жуя лепешки. Потомъ отхаркался вдругъ, сплюнулъ въ плевательницу подъ столикомъ, потрогалъ пальцами горло, запѣлъ:

— Страстью и нѣгою сердце трепещеть!..

И, приблизившись близко къ ней, повторилъ:

— Страстью и нѣ э-гою!..

«Лучше бы не ѣлъ шоколадъ съ утра, подумалось ей, неприятное отъ шоколада дыханіе, сладкомолочное!»

— Чортъ его знаетъ! — выругался онъ. — Никакого звука!

И опять отхаркался.

«Красивый», думала она, «только скулы слишкомъ широкія, мужицкія... Скуба... Навѣрно изъ мужиковъ... Господи, какъ все странно!»

Встала рѣшительно. Достала несессеръ.

— Я сначала пойду... А потомъ ты... Умыться!..

— Ну, вотъ, — протянулъ онъ капризно. — Никакъ съ тобой не сговоришься!

И опять загребъ горсть шоколадныхъ лепешекъ.

VII

Въ концѣ августа, закончивъ миланскіе спектакли, Скуба поѣхалъ въ концертное турнэ И Зоя съ нимъ. Уже недѣля, какъ живутъ они въ прелестномъ, но скучномъ Ронченъо. Тутъ назначено два концерта въ большомъ залѣ кургауза. Остановились въ Villa Stella гдѣ живетъ много русскихъ и пахнетъ прованскимъ масломъ. Къ Скубѣ съ утра пріѣзжаетъ пріятель изъ Левико, піанистъ, аккомпани-

рующій ему и они вдвоемъ отправляются въ горы. Ъздать иногда въ Левико, или въ сосѣдній городокъ Борго, или въ Трентино. Зоя остается дома. Она тяжело и болѣзненно переноситъ беременность. Лежитъ по цѣлымъ часамъ на своемъ балконѣ, а часовъ въ пять отправляется въ кургаузъ на веранду, садится въ уголокъ, заказываетъ кофе и смотритъ на гуляющихъ. Лакеи ее знаютъ и называютъ *Signora Skuba*.

Ей тяжело и одиноко. Она нашла пріятельницу, которая ей сочувствуетъ. Это владѣлица писчебумажной лавки на *Via Цициліа*. Пожилая итальянка, кое-какъ изъясняющаяся по-французски. Косая, въ черной кружевной пелеринкѣ и съ гладкимъ проборомъ черныхъ волосъ. Передъ закрытіемъ лавки, вечеромъ, Зоя заходитъ къ ней, покупаетъ какую-нибудь брошку изъ венеціанской мозаики, или виды Милана, о которомъ ей тяжело вспомнить, или красный шелковый абажурчикъ для свѣчи.

Она рассказываетъ итальянкѣ, что видѣла во снѣ, какъ себя чувствуетъ и спрашиваетъ, что дѣлать отъ тошноты и головокруженія. Лавочница, потерявшая уже давно и мужа и троихъ дѣтей, дѣлится съ нею своею опытностью. А потомъ, закрывъ лавку, онѣ вдвоемъ отправляются по дорогѣ въ Борго, навстрѣчу сумеркамъ. Заходятъ въ часовню. Тутъ недалеко отъ входа, старый органистъ играетъ на фисгармоніи хоралы и при этомъ свирѣло вращая бѣлками, подпѣваетъ.

Въ часовнѣ сумрачно и душно, пахнетъ пылью и лиліями, которыми украшенъ алтарь. Онѣ садятся на боковую скамью, у подножія Святого Франциска Ассизскаго. Итальянка тихо перебираетъ четки и шевелитъ губами. А Зоя исподтишка, крестится мелкимъ православнымъ крестомъ. И вспоминаетъ свою дѣвичью комнату въ Кезельцахъ, шкафчикъ у окна, на которомъ стоитъ статуэтка — мальчикъ съ занозой — погруженная въ румяный

лоскъ вечерняго солнца, свои книги, наливныя яблоки, дозрѣвающія на подоконникѣ. И мать, одинокую старушку любимую...

Однажды, послѣ часовни, держа въ рукахъ бумажный вѣеръ, купленный у итальянки, вернулась Зоя въ виллу Стеллу. Прошла въ свою комнату, усталая, въ пыльных ботинкахъ. На столѣ — записка отъ Скубы. Размашистымъ его почеркомъ нѣсколько насцѣхъ брошенныхъ словъ: «Бду по дѣламъ въ Трентино вмѣстѣ съ Стефаничкомъ. Буду обратно завтра пятичасовымъ. Не безпокойся. Цѣлую. Иванъ Скуба». И теноровый его росчеркъ. Сѣла къ столу. Почувствовала неприятную изжогу въ груди. И вдругъ увидѣла синій пиджакъ Скубы, брошенный имъ на кровати. Сама не зная, почему, потянулась къ нему. Пошарила въ карманахъ. Вытянула карандашъ, нѣсколько сантимовъ, билетъ Ронченко-Левико. Потомъ какое-то письмо. Продолговатый конвертъ цвѣта танго, пахнущій духами.

«Я только взгляну на подпись», — подумала. Но когда повернула листъ, то прочла сверху, на четвертой страницѣ...

„...chaque temps a son couleur. Les nuits d'août sont bleu foncé. J'aime bien les nuits d'août. Et toi aussi, n'est ce pas? Eh bien, je t'attend ce soir a huit heures et demi, café Vittorio Immanuele. Ce sera une douce petite nuit d'août, oui? Charlotte C...“

На другое утро, рано, пошла Зоя къ лавочницѣ на Via Emilia. Понесла ей золотой свой браслетъ съ аметистомъ. Умоляла купить. Итальянка долго говорила: „Oui, oui, je comprends, oui, oui!“... но потомъ все же отказалась купить. У нея большіе налоги, потому что лавка находится на главной улицѣ. Къ тому же — согласитесь, — кто теперь покупаетъ венеціанскую мозаику? Papeterie, еще куда ни шло, но брошки, янтарь? А налоги платить надо. Если бы, какъ раньше, мужъ, но вѣдь онъ умеръ семь лѣтъ тому назадъ отъ гангрены». Умеръ

въ три дня, а врачъ, котораго она выписала изъ Трентино, не успѣлъ пріѣхать во время.

Зоя стояла у прилавка, было жарко. по тротуару пробѣгали дѣти съ обручами, шаркая по песку, рядомъ, въ закусочной, заливались канарейки въ окнѣ. Отъ духоты, отъ итальянки, отъ ея косыхъ глазъ, отъ словъ: „Trentino... gangrène... les impôts..“ ей становилось тоскливо до слезъ. Она умоляла и повторяла все одно и то же:

— J'ai besoin, j'ai besoin, madame!

Наконецъ итальянка согласилась. Дала ничтожную сумму. И сейчасъ же сама надѣла браслетъ. И, надѣвая, продолжала объяснять:

— Les impôts. Via Emilia., Gangrène!..

А въ полдень Зоя уѣхала въ Мюнхень.

VIII

Усталая, чувствуя себя тяжелой, потной и некрасивой, бродила она по солнечнымъ мюнхенскимъ улицамъ. Былъ день, заключенный въ цѣпкія объятія зноя, ослѣпительный и торжествующій. Странно ненужный для Зои и безнадежный.

Когда шла она по Принцрегентенштрассе, ей казалось, что всѣ знаютъ, что она блудница, въ тѣлѣ которой зрѣетъ незаконный плодъ. И не было у нея ни любви къ зрѣющему, ни желаній къ нему, ни вѣры въ него. Страшная и тяжелая расплата за стыдные часы сладострастія. Съ завистью и злостью смотрѣла она на загорѣлыхъ и румяныхъ, точно только что умытыхъ нѣмокъ такихъ жизнерадостныхъ и благополучныхъ. Всѣ чистенькія, всѣ легкія. Нѣтъ ни одной, которую душила бы стыдвая беременность. Нѣтъ ни одной, которая испытала бы то, что испытала она... Такъ, страдающая безмѣрно, зашла она въ Англійскій Садъ.

Скользила глазами по аршиннымъ афишамъ у входа: Künstler-Theater Max Reinhardt.. Die schöne Helena... Смотрѣла витрины, фотографіи артистовъ, снимки съ какихъ-то постановокъ. Опять читала: Schmidts Marionetten-Theater... Herangesetzte Preise... Klavierabend Konrad Ansorge...

Все чужое, все прекрасное изъ чужого міра...

Въ нарядной бѣлой кофейнѣ шель Frühkonzert.

Толстый скрипачъ, извиваясь, мягко и ласково водилъ смычкомъ. Колыхались пятна: румявыя дамы, полные мужчины съ сигарами, дѣти съ обручами, бульдоги. Запахъ кофе, зеркала, оранжевые ковры политыхъ настурцій, тѣнь, хрусть гравія, сытый и самодовольный говоръ. А надъ говоромъ, выбрасываемый смычками, порхаетъ штраусовскій вальсъ: frühlingstimmen.

Быстро, точно за ней гнались, уходила Зоя въ глубь сада. Выбрала тихую, въ синнюю тѣнь погруженную аллею, сѣла на скамью. И вдругъ вспомнила: Мюнхень, августъ — вѣдь онъ здѣсь, милый, добрый князенька Ряполовскій. Тотъ, который любилъ ее и благоговѣлъ передъ нею, тотъ который знаетъ ея комнатку въ Козельцахъ, ея книги и рояль, ея матушку и старые клены у веранды. Родной изъ родного... И, взглядываясь въ синнюю тѣнь, она точно заклинала ее выдѣлить милый образъ, подарить ей осязаемую явь...

Колыхалась вѣрами тѣнь, а тамъ, вдали, изъ солнечной желтизны, появлялся порою четкій силуэтъ и погружался потомъ въ легкій сумракъ. Приближался къ ней, выросталъ, плотнѣлъ, проходилъ, исчезалъ вдали въ солнечномъ дыму... Старый господинъ, похожій на Вильгельма I. Дама съ загорѣлымъ мальчигомъ, державшимъ въ запачканныхъ пескомъ кулачкахъ бархатнаго медвѣдя. Двѣ барышни — розовенькая и блѣдная съ острымъ, какъ клювъ, носомъ и злыми глазами. Двѣ пожилыя дамы, толстыя, въ корсетахъ, съ покуп-

ками. Господинъ въ сѣромъ, державшій въ рукѣ свою панаму и обтиравшій платкомъ розовую лысину. Опять двѣ пожилыя дамы съ покупками... Потомъ двое, длинный и поменьше. У одной изъ боковыхъ аллей распростился тотъ, что поменьше, и свернулъ, а длинный пошелъ дальше. Приближался къ Зоѣ. И по мѣрѣ того, какъ онъ приближался, чувствовала Зоя, какъ смятеніе, страхъ, ужась обжигаютъ ее, холодятъ, рвутъ. Не зная, устремиться ли къ нему, доброму и чистому, или бѣжать отъ него, вся въ корчахъ стыда и страха, она привстала и сдѣлала нѣсколько шаговъ... И когда онъ, вмигъ узнавъ ее и понявъ ея муки, обхватилъ ее рукой, она выскользнула изъ его объятій и упала ничкомъ на гравій...

IX.

А потомъ была комната, по которой рѣяли сумерки, и окно, погруженное въ чернила. А за этими чернилами иногда, вѣроятно, по утрамъ, чирикали веселыя птицы, воробьи или канарейки. И было страшно много мѣста для мыслей, слишкомъ много и слишкомъ темнаго. Она думала о канарейкахъ за окномъ, которыя такъ безопасно чирикаютъ, такъ безопасно, что ей становилось завидно. Она плакала тогда. Никогда въ жизни она не будетъ больше такой безопасной, такой легкой, какъ эти канарейки за окномъ. И всегда за окномъ будутъ чернила, сивія, какъ дымъ, а солнце зашло и не вернется.

Она чувствовала порою, что кто-то держитъ ея руку — и гладитъ, нѣжно и любовно. Князенька, думала, она милый князенька, который былъ драгуномъ. И тогда она шевелила губами и хотѣла выговорить это слово: дра... гунь... гра... дунъ... А можетъ быть это матушка, Дарья Евменьевна,

старушка любимая. Нѣтъ, матушки нѣтъ, она ушла въ часовню, гдѣ старый органистъ играетъ хоралы.. Но какъ же такъ, — вѣдь это опасно и страшно? Часовню могутъ закрыть, замуровать кирпичами и тогда матушка останется одна съ органистомъ и они погибнутъ. Въ часовнѣ темно и пахнутъ лиліи, въ часовнѣ катафалкъ и въ немъ лежитъ матушка, одна безъ свѣчей, безъ ладана, и ее нельзя спасти... А иногда въ комнату заходила косая итальянка, которой она продала свою браслетку. Ахъ, какая непріятная и душная итальянка! И говорила она опять о Трентино, и *gangrène*, и о венеціанской мозаикѣ. И опять Зоя шевелила губами и силилась выговорить постылыя слова: Трен... тино... Трен... тино... *Gan... grène.. gan..*

Она металась по кровати и плакала. Солнце, ахъ если бы солнце и такъ безпечно чирикать, какъ воробушки за окномъ... или канарейки... Но не вернулось солнце. Смежались тѣни, обступали ее, давили. И густо и низко проплылъ черный дымъ. Склонился надъ ней, задушилъ.

X.

Въ ясный сентябрьскій день, голубой и прозрачный, на мюнхенскомъ католическомъ кладбищѣ состоялись странныя похороны. Православный священникъ со стриженной русой бородой и въ черной рясѣ хоронилъ русскую дѣвушку, а за бѣлымъ гробомъ шелъ высокій человѣкъ въ очкакъ, сутулый и хмурый, и несъ въ рукахъ огромный вѣнокъ желтыхъ розъ. Такъ что рѣдкіе прохожіе въ аллеяхъ кладбища оглядывались съ удивленіемъ...

Очень быстро выросъ холмъ, очень быстро былъ водруженъ маленькій деревянный крестъ и прибитъ къ нему скромный щитъ изъ бѣлой жести.

И такъ же быстро ушелъ священникъ, получивъ свою мзду отъ сутулаго человѣка...

И тогда сутулый человѣкъ остался одинъ. Воробьи чирикали по деревьямъ и лѣтняя тишь голубого дня была пропитана тепломъ и солнцемъ. И въ теплѣ и въ тиши остро ипряно дышали чайныя розы, которыми князь покрылъ влажный песокъ холма. И тогда онъ взглянулъ на щитъ, прибитый ко кресту и прочелъ:

Зоя Калина Калиновская
родилась 24 апрѣля 1887 года
скончалась 4 сентября 1911 года.

«Вотъ и все».. — подумалъ онъ. Онъ перекрестился медленно, поправилъ очки и пошелъ. И пока шелъ по аллеѣ, наступая на глянцевѣвшіе рыжіе каштаны, вылупившіеся изъ колючихъ своихъ скорлупъ, все думалось ему грустное и скорбное: «Вотъ и все...»

Вальсъ Глилки.

Это было въ тѣ безмятежные, крѣпкіе годы, когда у насъ, въ провинціи, знакомые бородатые почтальоны по понедѣльникамъ или вторникамъ — смотря по разстоянію отъ столицы — разносили по домамъ и квартирамъ знакомые зеленые пакетики съ Нивой: надвое сложенные номера журнала, пріятно хрустѣвшіе плотной бумагой и казавшіе уже при первомъ бѣгломъ осмотрѣ свои румяныя картинки, Ижакевича или Горюшкина-Сорокопудова (эти двое болѣе другихъ связаны у меня съ Нивой..) и фотографіи К. К. Булла... вы помните.. Внутри-же, въ такомъ зеленомъ хрустящемъ гнѣздышкѣ, находились книжки приложеній. Полныя собранія сочиненій — особенно, если это были Мей, безконечный Станюковичъ или Мольеръ — складывались, покуда, до переплетчика, на нижнихъ полкахъ книжныхъ шкафовъ все возраставшими неразрѣзанными стопами.. Ежемѣсячныя-же книжки «литературныхъ приложеній» обыкновенно сразу поступали въ домашній оборотъ.

Ихъ съ особой охотой читали живавшіе при семейныхъ домахъ холостые и отставные дядюшки-подполковники, экономки или нѣмки-гувернантки, совершавшія по нимъ свои первыя робкія прогулки въ палисадники (не сады..) россійской словестности. Но и болѣе избалованные пользовались иногда этими зелеными или оранжевыми книжками, пре-

имущественно при затихавшей зубной боли или во времена осенних инфлуэнцій съ малиновымъ чаемъ и пріятнымъ полунедѣльнымъ лежаніемъ въ постели.

Тогда не безъ пріятности и съ той легкой истомой, какую придаетъ температура 37,4 прочитывались и рассказыки Боборыкина, Авиловой и Баранцевича, и смѣсь, и даже стихи Щепкиной-Куперникъ...

Это было во времена Нивы, жоржбормановскаго шеколада, абрикосовскаго печенья, балабуховскаго сухого варенья, калинкинскаго кваса, Вяльцевой и всей той огромной суммы былого русскаго что нынче живетъ только въ полутайномъ ларцѣ души, на которомъ, думается, золотой славянской вязью написано золотое, крѣпкое слово: память...

Въ тѣ годы было жаркое, южное, комариное лѣто, и это лѣто мы проводили у друзей, на артиллерійскомъ полигонѣ подъ Кіевомъ. Я помню ранія, звенѣвшія ухарской, будто раздуваемой мѣдью зори, помню сухіе, горячіе пески дорогъ между палатками и дачами, помню обиліе бронзоваго, подтянутаго, молодцеватаго солдатскаго люда, помню кавалькады наши по просѣкамъ сосноваго бора до станціа Дарница, помню чудесную упругость и легкую скрипучесть сѣдла, сдавленнаго ляшками, лоскъ и запотѣлость холеной конской головы, шелковистость гривы, веселое, послушное, податливое ржаніе, когда потреплешь нервную, вибрирующую шею и крѣпко соберешь поводья. И изъ всего этого молодого, сосноваго, жаркаго и загорѣлаго, что были тѣ дни на артиллерійскомъ полигонѣ, я помню — конечно — важнѣе и нѣжнѣе всего дѣвочку одну, Нину, смуглую подружку мою гѣхъ смуглыхъ, румяныхъ, пятнадцатилѣтнихъ временъ...

По утрамъ будили зори, всплески звенящей

мѣди въ здоровый мальчишескій сонъ, днемъ были пески и сосны — жаркіе, сухіе скрипы стволовъ, тѣнь, текучіе гроздья смолы, стуки дятловъ — вечеромъ юлили комары, пылали долгіе малиновые закаты, а потомъ вздымался просторный звѣздный шатеръ, текла лунная парча, всюду была пахучесть отъ акацій, левкоевъ, липъ, остывающихъ сосенъ, маячили оранжевые свѣты сквозь мшавую парусину палатокъ, гдѣ-то глухо, по-ночному, ржали кони, гдѣ-то барственно, командующимъ металломъ звенѣли офицерскіе голоса и жеманно смѣялись дамы, взлетали пробки бутылокъ, у собранія гудѣли пріѣхавшіе изъ Кіева автомобили, душно пахло бензиномъ, сигарами, кожей, Кэръ-де-Жанеттомъ...

Мы, полудѣтская молодежь, всегда бывали гдѣ-нибудь около, не въ самой гуще происходящаго, не въ сердцевинѣ вечеринокъ, баловъ, спектаклей, а какъ-то между главнымъ и ночью и на дворѣ, гдѣ-нибудь на перилахъ веранды, у гигантскихъ шаговъ, у коновязей, у автомобильныхъ стоянокъ. Но, принадлежа, какъ младшее поколѣніе, къ главному, мы урывками — и тѣмъ молодеватѣе для насъ, чѣмъ чаще удавались эти урывки — получали и отъ главнаго: мазурку-ли — правда, безъ шпоръ, немного кудую и общипанную... — бокаль-ли крющона, еще что-нибудь подхлестывающее, что со смѣхомъ можно было унести на дворъ, на веранду, къ гигантскимъ шагамъ, въ ночь, къ сверстникамъ, чтобы подѣлиться съ ними этимъ, этимъ хмелемъ и румянцемъ и науськать ихъ на авантюру прониканія въ главное...

Въ то жадное молодое время, провѣянное солнцемъ, бронзою сосноваго бора, сухимъ, рассыпчатымъ трескомъ гаркающихъ солдатскихъ голосовъ, бригадной стрѣльбою, лошадинымъ топотомъ, зноемъ — случился вечеръ одинъ, котораго я не забылъ, и, думаю, не забуду впредь. Въ субботу,

подъ вечеръ, весь домъ нашъ отправился въ Кіевъ, на музыку въ Купеческомъ саду.

Ѣхали въ двухъ экипажахъ—въ большомъ матушка, полковникъ Граціановъ съ женой и старшая дочь ихъ, Елена Моисеевна, мужъ которой, штабной офицеръ, находился въ заграничной командировкѣ. Въ другомъ—мы, то-есть Нина, братъ ея Коля, кадетъ, и я. Я помню медленный, шагъ за шагомъ, топотъ копытъ по занозистому пыльному настилу Цѣпного моста, помню—сквозь проплываніе желѣзныхъ дугъ—теплое золотое пламя лавры, Софіи, Первозваннаго, Златоверхаго, помню—вправо, за оливковыми купами деревьевъ—сѣрые, взнесенные, косо позлащенные румянцемъ вечера древніе контуры Равноапостольнаго съ крестомъ, а тамъ Подоль, пыланіе кирпича и желѣза, и между нимъ и заливыми лугами черниговскаго берега могучую, будто въ чешуйчатой сіяющей бронѣ грудь Днѣпра; веселое бѣлое снованіе пароходиковъ на Трухановъ островъ и обратно, лимонные языки мелей...

Нѣжно, сиренево падали сумерки, и въ Купеческомъ саду уже зажглись дуговые фонари. Тамъ, чиркая ногами по гравію, гудя сдержаннымъ благозвучнымъ говоромъ и оставляя за собою запахъ сигарнаго дыма и французскихъ духовъ, непрерывно двигалась нарядная и выхоленная толпа. По откосамъ сада, сверкая капельками, темнымъ изумрудомъ лоснился политый дернъ и за цѣпью оранжевыхъ и нѣжно-кавареечныхъ настурцій рдѣли и великолѣпно, по-вечернему, дышали темномалиновые розы. Въ темнѣвшемъ перламутрѣ неба уже лучились первыя зерна звѣздъ и за перилами сада, за сизымъ дымомъ Владимірской горки, Набережной и Подола стлалась огромная вечерняя даль, богатырскій просторъ рѣки, заливныхъ луговъ черниговскихъ степей, Россіи...

...Въ ярко освѣщенной бѣлой раковинѣ собирались музыканты, такъ на всѣ лады настраива-

лись инструменты, низко, шмелями, гудѣли контрабасы, истомными и нѣжными струнами звенѣли скрипки, всплывали смѣшныя рулады флейтъ: ту-ру-ру-рии... ту-ру-ру-раааа...

А потомъ вышелъ сѣдой и величественный дирижеръ, постучалъ палочкой объ пультъ, создавъ этимъ мгновенную, напряженную тишину у себя въ раковинѣ и среди многоголовой нарядной толпы на скамьяхъ, взмахнулъ этой палочкой и тогда началась длинная и скучная для насъ программа симфоническаго концерта. Долгая и непонятная была чья-то пятая симфонія, еще долгія и непонятныя увертюры, во время которыхъ Коля все ерзалъ на своемъ мѣстѣ, надувалъ щеки и шепталъ мнѣ свои планы, какъ-бы сбѣжать отъ этой «корявой чецухи»...

И только подъ самый конецъ программы нечаянная радость обожгла насъ всѣхъ — оркестръ заигралъ вальсъ-фантазію Глинки. Помню, какъ легко и понятно, какъ отъ словъ любимаго лирическаго стихотворенія, шли ко мнѣ эти звуки и какъ отъ нихъ, лившихся молодой и будто радостной тоской, я ощущалъ утверженіе всѣхъ свѣтлыхъ мыслей и чувствъ во мнѣ. Я видѣлъ, какъ полковникъ, еще разъ убѣдившись по лежавшей у него на колѣняхъ программѣ, что это дѣйствительно и есть знаменитый вальсъ Глинки, успокоенно улыбнувшись, принялся покачивать головой въ тактъ вальсу. Я видѣлъ, какъ Елена Моисеевна, охвативъ холеными бѣлыми руками колѣни и слегка нагнувшись впередъ, слушала, закусивъ губы — и такимъ мягкимъ и красивымъ казался мнѣ изгибъ ея молодой, тронутой легкимъ лѣтнимъ загаромъ шеи. Я видѣлъ, какъ даже Коля пересталъ ерзать и оглядываться по сторонамъ. Но больше всего я смотрѣлъ на Нину и понималъ по теплomu, живому огоньку, зажегшемуся въ ея карихъ глазахъ, что и для нея этотъ нѣжный, хрупкій вальсъ ближе и

роднѣе тѣхъ громоздкихъ и непонятныхъ пьесъ, что шли въ началѣ концерта.

И еще я понялъ, что ревность, которую я во все лѣто испытывалъ къ ней, когда за нею увивались другіе полигонскіе кадеты и гимназисты и которая была и въ этотъ вечеръ, оттого что поручикъ Рудневъ, ухаживавшій за Еленой Моисеевной, отъ времени до времени поглядывалъ на нее и шептался съ нею—что ревность эта ничто по сравненію съ теплотою и ласковостью звуковъ и тѣмъ сложнымъ и чудеснымъ, что они разбудили во всѣхъ насъ.

Послѣ вальса, не дослушавъ программы, мы отправились ужинать въ ресторанъ на горкѣ, похожій снизу на освѣщенную и нарядную палубу парохода. Тамъ вкусно пахло огуречнымъ салатомъ, пряными соусами и клубникой, тамъ были тѣ-же нарядные люди за столиками и безшумные предупредительные лакеи, тамъ на столбахъ террасы висѣли лоснившіяся таблицы въ бамбуковыхъ рамкахъ.— Свѣжіе раки—и пріятно—прохладно ощущались сложенные колпачками салфетки. Полковникъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ кельнеромъ, весело размахивалъ картой винъ въ тактъ полонезу, которымъ внизу, на площадкѣ, заканчивался концертъ, всѣ смѣялись надъ немъ и только Елена Моисеевна, кутаясь въ соболій палантинъ, надула губы и сказала съ шутливой укоризной:

— Ну, папа, ну что ты въ самомъ дѣлѣ...

Коля, сидѣвшій рядомъ со мною, все подталкивалъ меня колѣнкой подъ столомъ, а я опять мучился ревностью, словно зубной болью, и ненавидѣлъ поручика Руднева, властно и сладко завладѣвшаго Ниной, ненавидѣлъ все въ немъ, усы, ногти, блескъ погоны...

Когда, послѣ ресторана, выйдя изъ уже опустѣвшаго сада, мы по пирокимъ каменнымъ ступенямъ начали спускаться на Царскую площадь,

вдругъ, сначала медленно, будто раздумывая, а потомъ все быстрѣе и торопливѣе западали крупныя и теплыя капли дождя, изрѣшетившія ступени и поднявшія влажный лѣтній запахъ смоченной пыли. Надъ площадью и Крещатикомъ вдали повисла ко- сая, дымчатая сѣть. По ступенямъ сада, придержи- вая шляпы, сбѣгали дамы, за ними, гремя шашками, неслись со смѣхомъ офицеры. На тротуарѣ, у ли- музиновъ и успѣвшихъ уже поднять верхи извоз- чиковъ, торопливо уставлялись и прощались. Наши экипажи стояли поодаль и полковничій ку- черь, солдатъ Сидоркинъ съ серьгою въ ухѣ, ру- галь шофферовъ, не позволившихъ ему подъѣхать ближе. Нина, уже съ иной, чѣмъ съ Рудневымъ, домашней, полигонской улыбкой взглянула на насъ съ Колей и нырнула подъ верхъ экипажа, сразу погасившаго нарядное сверканіе ея бѣлой фигурки. Тогда Коля крикнулъ:

— Полѣзай, братъ...

Толкнулъ меня на сидѣнье рядомъ съ сестрою, а самъ, поднявъ воротникъ шинели, сѣлъ на- противъ.

Звякнувъ копытами по торцамъ, медленно дви- нулись кони. Проплылъ ярко освѣщенный кіоскъ. передъ которымъ два мальчика въ сермяжныхъ пе- редникахъ спѣшно накрывали заваленный фрукта- ми прилавокъ рогожными цыновками. Маяча крас- новатымъ свѣтомъ, длинно звеня, проползъ, двой- ной трамвай, спускаясь къ Набережной, изъ мути косога дождя вырывались освѣщенные буквы вы- вѣсокъ: гостиница Савой... мѣховое заведеніе Я. Краваца... Потомъ высокой грудью всталъ, исполо- санный дождемъ, бархатный дернъ Владимирской горки, и впереди, цѣпью огней, трубъ и мутнымъ маревомъ обозначился Подоль. Потомъ все это рѣзко, внезапно потонуло и погасло—экипажи по- вернули въ густую и темную липовую аллею, нап- равляясь къ мосту.

Душно запахло отцвѣтающей липой, влажной листвою, взбитой дождемъ пылью. По кожаному верху зашелкали, цѣпляясь, вѣтви деревьевъ, а фонари выхватывали изъ тьмы мшистые стволы, лопухи, кучи щебня. Впереди, за спиною кучера, кругло, размѣрно двигались залоснившіеся и потемнѣвшіе отъ дождя конскіе зады, и въ душной тишинѣ аллеи слышались только скрипъ колесъ, дробь вѣтвей по верху коляски, еканье лошадиныхъ селезенокъ да заглушенный пылью лязгъ копытъ.

Долго была эта ускользящая мягкая темнота подъ кожанымъ верхомъ экипажа, фонарный свѣтъ, бѣлыя полосы Колиныхъ погонъ и смѣшная его сонная голова, все ниже склонявшаяся впередъ и путавшаяся съ отворотами шинели, долго былъ широкій, со вздувшимися складками и тремя освѣщенными пуговицами армякъ кучера, мокрые зады и подвезанные хвосты лошадей впереди, скрипъ рессоръ, высѣкающій искры лязгъ копытъ, кучи щебня, духъ увядающихъ липъ. И тогда вдругъ, будто такъ надо было, будто безъ этого ночь и міръ и наша жизнь лишилась бы самаго главнаго и неминувемаго, мы съ Ниной близко придвинулись другъ къ другу, коснулись другъ друга похолодѣвшими робкими руками и тогда — бездумно, счастливо и радостно — встрѣтились губами. Ничего не сказали другъ другу и ни въ чемъ не поклялись — только горячо и освобожденно слились улыбкой и жаждой губъ, мягкой прохладой щекъ, крѣпкимъ сжатіемъ пальцевъ, молодостью.

Потомъ, уже за Цѣпнымъ мостомъ и рѣчной слободкой, кучеръ вдругъ запрукалъ, остановилъ лошадей, прыгнувъ съ козелъ, мягко шлепнувъ сапогами по влажной пыли, забѣжалъ за кузовъ и опустилъ верхъ коляски. Коля качнувъ головой, проснулся и сонно спросилъ:

— Что такое... а... Полигонъ...

— Свободнѣе ѣхать будетъ,—сказаль кучеръ, запахивая полы армяка и взбираясь на козлы. — Пронесло дождикъ... Ннн—ооо, милыя.

Сразу, вмигъ сдѣлалось сине и просторно, будто раздвинулись стѣны лѣса и огромнымъ просіяннымъ пологомъ засизѣло ночное небо съ четкой сыпью Млечнаго пути. Дождь пересталъ, но кругомъ еще все было наполнено его крѣпкимъ живительнымъ дыханіемъ. Вскорѣ коляска, свернувъ въ шоссе, зашелкала колесами по хворосту и корнямъ просѣки, и впереди, изъ частокола стволовъ, выплеснулись огни полигона.

Надъ жизнью полегли тѣни, злые буераки шершавыми языками подточили пути, туда, въ пропасть, отгрошились пласты и глыбы намѣченныхъ тропъ, свалились растоптанные цвѣтушіе злаки, меды и вехи бытія. Но если я сажусь за фортеціано и такъ—безъ нотъ, по звукамъ, сохранившимся въ ларцѣ памяти, играю, стараюсь сыграть вальсъ Глинки — я вижу, чувствую и слышу свои пятнадцать лѣтъ, комариное лѣто на артиллерійскомъ полигонѣ, золотую, теплую мѣдь Печерской лавры, нарядную безмятежность кіевского душистаго вечера, дыханіе дождя и лицъ, огромную, живую незабываемость былого...

Мужъ за стѣной.

Разсказъ.

1.

Онъ возвращался со службы въ томъ же подавленномъ и нерадостномъ состояніи, въ какомъ находился все утро. Чувство скуки, усталости и какой-то почти физической тошноты отъ жизни охватило его на улицѣ съ еще большей силой. Тѣсная, придавленная густыми клубами тяжкаго тумана, почти заволакивавшего верхніе этажи домовъ, съ мѣсивомъ бураго, уродливаго снѣга на мостовой, съ непрекращавшимся ни на секунду мельканіемъ лицъ, вывѣсокъ, витринъ, автомобилей, она казалась ему какимъ-то кошмаромъ, къ которому онъ приговоренъ отвратительной и злой силою. Все, что говорилось этими встрѣчными людьми, что выставлялось въ этихъ кричащихъ витринахъ, о чемъ писалось въ этихъ тысячахъ газетъ, разложенныхъ толстыми, еще пахнущими типографской краской, пачками на прилавкахъ кіосковъ, даже самое существованіе всей этой суммы городского, что выпиралось къ нему навстрѣчу какъ изъ какого-то мглистаго изжелтасѣраго и безобразнаго нутра — казалось ему глубоко и безпредѣльно фальшивымъ.

Раньше, еще мѣсяць назадъ, онъ не замѣчалъ этого съ такой силой, какъ нынче. Тогда была въ немъ — оказавшаяся ложной — увѣренность, что онъ

лично и жизнь его и его семьи должны быть, и могут быть и есть въ сторонѣ отъ общей массы жизней, окружавшихъ его и составлявшихъ въ суммѣ жизнь этого огромнаго города. Ему казалось тогда, что онъ спасъ и себя, и жену, и двѣнадцатилѣтнюю дочь отъ этой всеуравнивающей одинаковости и подражательности жизни и создалъ какой-то маленькій островокъ изъ шести комнатъ, на которомъ было не такъ, какъ у другихъ. Туда—казалось ему—и онъ, и жена, и дочь сносили все лучшее, что было у нихъ въ душѣ, въ мысляхъ, каждый день по крохѣ, каждый день по каплѣ, для общаго ихъ, совсѣмъ своего, неподражательнаго, непохожаго счастья.

Нынче же, съ тѣхъ поръ, какъ онъ догадался, что жена ему измѣняетъ, этотъ лелѣемый призракъ, эта творческая, жизнестроющая мечта исчезли безъ остатка. Не отъ предразсудковъ, не изъ подражательности, а изъ глубины глубинъ, изъ самаго первоисточника чувства онъ зналъ, что дѣлать любовь нельзя, что отдавать тѣло, не затронувъ души—невозможно, а потому то, что дѣлала жена, казалось ему преступленіемъ и такъ какъ онъ не могъ совмѣстить свою жизнь съ этимъ преступленіемъ она, жизнь, казалась ему до послѣдней точки, до смѣшного ненужной.

Идя по улицѣ, спѣша, привычно вѣясь между прохожими, моторами, велосипедистами, разносчиками, привычно совершая ежедневное, онъ въ мысляхъ все возвращался къ этому преступленію жены и—къ тому, можетъ-ли онъ совмѣстить свою жизнь съ этимъ ея преступленіемъ. Но, какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ все это время съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ подозрѣвать жену, онъ не додумывалъ своихъ мыслей до конца, такъ послѣдовательно и рѣшающе, какъ это было необходимо. Онъ принимался думать, стараясь быть послѣдовательнымъ, и вдругъ читалъ.—...«Лучшій въ мірѣ са-

пожный «крэмъ Нугэттъ»... Требуется мастерица...
Зубной врачъ Я. Гиршфельдъ»...

И на время въ мозгу застрѣвалъ и сапожный крэмъ, и Гиршфельдъ, и приходилось думать сначала. Тутъ, на мглистой, февральской улицѣ ему казалось, что дома будетъ лучше, чище, безъ мглы, что тамъ онъ додумаетъ и приметъ какое-нибудь рѣшеніе. Но какъ только онъ вошелъ въ вестибюль дома, въ которомъ онъ жилъ, прочелъ привычное: «Акціонерное общество Грахамъ въ Стокгольмѣ» на рѣшеткѣ лифта, вдохнулъ знакомый вестибюльный запахъ—сырого камня и войлочнаго ковра лѣстницы—и началъ подыматься по лѣстницѣ, въ то время какъ въ глаза бросались, какъ каждый день, скучныя арабески и цвѣты на цвѣтныхъ толстыхъ стеклахъ оконъ и знакомыя надписи на дверяхъ. «Гигиенической массажъ»... «Рентгеновскій кабинетъ».. онъ зналъ, что съ каждой площадкой и ступенью лѣстницъ приближается къ тому страшному и непостижимому, что нынче составляетъ его очагъ и зналъ, что и тамъ, менѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь иномъ мѣстѣ, онъ сможетъ додуматься и рѣшить...

2.

Снявъ пальто и шляпу и расчесавъ передъ зеркаломъ свои начинавшіе сѣдѣть волосы, Иванъ Гаврилычъ съ портфелемъ прошелъ въ кабинетъ, чтобы приготовить бумаги для вечерней работы. То, что жена, зная о его возвращеніи, не вышла къ нему, казалось ему новымъ доказательствомъ ихъ измѣнившихся отношеній. Проходя мимо дверей спальни, онъ—черезъ щели—услышалъ привычный запахъ пудры и духовъ и подумалъ: «Она, вѣроятно, сидитъ передъ зеркаломъ и пудрится...

Такое важное занятіе, что изъ-за него нѣтъ возможности встрѣтить мужа»...

Онъ зналъ, что онъ несправедливъ и что рѣшилъ наобумъ: и прежде бывало, что жена не встрѣчала его, находясь на кухнѣ или въ дѣтской у вернувшейся изъ школы дочери. Но нынче эта безповоротная увѣренность, что жена пудрится и красить губы и потому не вышла къ нему, была нужна ему и доставляла какое-то мучительное удовлетвореніе. Пусть... пусть... говорилъ онъ себѣ по каждому поводу и захлебывался въ этомъ «пустъ» какъ въ какой-то страшной, жестокой волнѣ, набѣжавшей на него и затягивавшей его въ пучину.

Какъ всегда, онъ и нынче, войдя въ свой кабинетъ, сталъ передъ зеркаломъ, чтобы увидѣть, въ чемъ-же физически онъ могъ разонравиться женѣ и что-же внѣшне составляетъ его недостатки. Да, въ теперешнемъ его настроеніи этотъ полный сѣдѣющій господинъ съ крупнымъ, какимъ-то актерскимъ носомъ, съ подстриженными усами и съ брюшкомъ, былъ такъ-же тошень и непріятень, какъ сотни похожихъ, которыхъ онъ только что видѣлъ на улицѣ. Но вѣдь нынче непріятно и тошно было все: этотъ вотъ кабинетъ, обстановку котораго они съ женой когда-то выбирали и покупали съ такой любовью, клубныя кресла, письменный столъ, все то, что еще такъ недавно казалось ему и комфортабельнымъ и изящнымъ, теперь ежедневно вызывало въ немъ одну неотвязчивую, глупую мысль: «Кабинетъ обманутаго мужа»... и казалось даже, что и стулъ съ кожанной обивкой передъ письменнымъ столомъ, раньше такой внушительный, почти министерскій, стулъ, на спинкѣ котораго еще запечатлѣлся—со вчерашняго сидѣнія—оттискъ его спины, тоже какой-то обманутый и жалкій.

Шаблонно, фальшиво, какъ фальшева и шаб-

лонна роскошь этого кабинета, протекает его жизнь: онъ служить, ходитъ съ портфелемъ, объ-
даетъ, играетъ въ карты, обмануть женой. И ког-
да вдругъ остро вспыхнула мысль, что эта обма-
нувшая и измѣнившая жена есть именно та жен-
щина, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ,
которой онъ былъ преданъ какой то высшей и не-
повторимой преданностью, та самая женщина, ко-
торая — года три назадъ, когда онъ болѣлъ жесто-
кимъ гриппомъ и былъ при смерти—съ такой пре-
лестной, бережной, неподражаемой любовью уха-
живала за нимъ и съ которой онъ потомъ, выздо-
равливая, сумерничалъ по вечерамъ, вотъ на этой
кушеткѣ, въ уголкѣ... что та женщина, которой онъ
гордился, какъ какимъ нибудь вырощеннымъ имъ
экзотическимъ злакомъ — дошла до нынѣшняго не-
навистнаго ему и непонятнаго для него состоянія,
онъ чувствовалъ почти физическую боль и желаніе
кричать, биться головой объ стѣну, зарыться куда-
нибудь и перестать существовать...

Но какъ всегда послѣ такихъ острыхъ прис-
туповъ, онъ и теперь трусливо вернулся къ другой
мысли: а можетъ быть онъ ошибается, можетъ
быть отношенія жены къ Анатолю Сергѣичу — и
имя — отчество неприятное, типичное для любовника,
какое то сладковато — побѣдное... — можетъ быть
эти отношенія не выходятъ изъ рамокъ обыкновен-
наго флирта... А записка, которую онъ нашель въ ван-
ной, въ бѣльевомъ мѣшкѣ?.. Но если даже только
флиртъ — зачѣмъ онъ ей, зачѣмъ ей эта накипь
пошлой, паблонной раздражительной городской
жизни?.. Лживо, отвратительно, ненавистно, какъ
эти картины на стѣнахъ: Бэклинь, ну конечно
Бэклинь, мертвыя, никому не нужныя скалы и
волны, морскія чудовища и эти полногрудыя бабы
съ отвратительнымъ, похотливымъ смѣхомъ — чу-
жое и тошное, которое онъ повѣсилъ только изъ
подражательности, потому что въ кабинетахъ дру-

тихъ уважающихъ себя людей тоже висить Бэклинъ, эти-же скалы и эти-же похотливыя бабы, такая-же накипь, какъ и флиртъ жены или измѣна, такая же поплость, какъ вся его теперешняя жизнь...

3.

Обѣдали вчетверемъ: онъ, жена, дочь Ляля и мадмуазель Алиса, французенка. У Алисы было маленькое, худевькое лисье личико съ большими сѣрыми, слегка подведенными глазами и на костлявыхъ рукахъ ея звѣнѣли тоненькіе и дешевые браслеты: одинъ въ видѣ змѣйки съ бирюзовыми глазками, другой цѣпочкой съ какими-то брелками. Раньше звонъ Алисиныхъ браслетовъ составлялъ для Ивана Гаврилыча просто неотъемлемую составную часть обѣда или ужина, къ которой онъ привыкъ, какъ привыкъ къ нарядной, вышитой узоромъ Ришэльэ дорожкѣ, покрывавшей столъ. Но никогда, какъ сегодня, онъ не поглядывалъ такъ часто на эти звенящіе браслеты, будто каждый разъ недоумѣвая, откуда раздается такой навязчивый и неумѣстный звонъ. Алиса, замѣчая его взгляды, слегка краснѣла, пучила глаза и строго прикрикивала на Лялю:

— *Helène, taisez vous!... Helène, ne jouez pas avec la poussette!...*

Жена, полная и благоухающая Шипромъ, разливала супъ, сверкая брилліантами колець и розовымъ обнаженнымъ тѣломъ. То, что она, сорокалѣтняя женщина и мать дѣвочки, пятый годъ посѣщающей школу, можетъ такъ высоко оголять свои руки и обнажать грудь казалось ему некрасивымъ, неприличнымъ и безтактнымъ и въ этихъ голыхъ рукахъ, въ безстыдной модѣ, которой подражаютъ немолодыя женщины, забывая свой воз-

расть и положеніе, онъ видѣлъ одну изъ причинъ, доведшихъ жену до преступленія передъ нимъ и семьей. На дняхъ, въ одномъ обществѣ, онъ видѣлъ даму въ темномъ платьи и съ закрытыми грудью и руками и ему показалось тогда, что эта женщина не способна на измѣну и было мучительно жаль, что жена его непохожа на эту даму.

Теперь, глядя на жену, онъ все вспоминалъ ту даму, мучился этимъ воспоминаніемъ и брезгливостью, вызванной въ немъ обнаженностью полныхъ рукъ жены. Конечно, думалъ онъ, если жена вызываетъ во мнѣ брезгливость и можетъ быть вполнѣ естественно, что ей нуженъ другой, въ комъ ея руки, вызовутъ не брезгливость, а восхищеніе. Она видитъ меня насквозь и ненавидитъ меня, какъ мужчину...

Все, что происходило за столомъ, Иванъ Гаврилычъ видѣлъ такъ, будто смотрѣлъ въ увеличительное стекло. Онъ видѣлъ, какъ Ляля, любимая его Лялька, рассказывая о школь, некрасиво обнажаетъ десны и эти десны казались ему блѣдными и несвѣжими. И губы у нея потрескались, наблюдалъ онъ, и какіе-то прыщики выскочили въ уголкахъ. А смѣется она какъ мать, неестественно и будто хвастаясь передъ кѣмъ-то своимъ смѣхомъ... Всѣ трое—жена, дочь и Алиса—чѣмъ-то женскимъ были противъ него, какимъ-то своимъ кокетствомъ котораго онъ не признавалъ, какой-то своей чувственностью, которую онъ угадывалъ даже въ Ляль... да, этой чувственной кокетливостью, которая теперь, въ его присутствіи, пожилого и остывшаго мужчины, удерживалась ими. И то что онъ своимъ присутствіемъ тушилъ и гасилъ ихъ чувственное женское кокетство, не могло не настроить ихъ враждебность къ нему. «Эго такъ, думалъ онъ, или я схожу съ ума и вижу призраки...»

Чтобы какъ-нибудь разсѣять духоту, которая тяжело обступала его, онъ принялся разспрашивать Лялю о школѣ, объ учителяхъ, но съ каждымъ новымъ отвѣтомъ дѣвочки, убѣждался все болѣе, что она неискренна, какъ жена, и говоритъ какое-то приготовленное для него и для его строгости. «Можетъ быть ее провожалъ изъ школы какой-нибудь гимназистъ, думалъ Иванъ Гаврилычъ, и назначилъ ей свиданіе, и она еще вся полна имъ и слышитъ запахъ его пальто съ оттаивающими снѣжинками и это важнѣе для нее и учителей и скучныхъ разсказовъ скучному пожилому отцу съ брюшкомъ... Развѣ я знаю, развѣ я могу проникнуть, развѣ не запачканъ и загрязненъ весь мой когда-то лелѣемый островокъ...»

За жаркимъ жена, разрѣзая огурецъ, спросила его:

— Почему ты такъ давно не былъ у Соколовскихъ?.. Вчера Болеславъ Осиповичъ спрашивалъ о тебѣ и передавалъ, что у нихъ сегодня прэфэрансъ и они ждуть тебя...

— Ааа, протянулъ онъ и подумалъ: ей нужно мое отсутствіе... — Что жъ, прибавилъ онъ, можно будетъ пойти... А ты что сегодня намѣрена предпринять?

— Я... Не знаю... Ляля и мадмуазель уходятъ въ школу на репетицію спектакля... нѣтъ, я вѣроятно останусь дома и буду писать письма. Ты знаешь, у меня такая масса накопилась писемъ... тетѣ Вѣрочкѣ, Борису, Амальѣ Федровнѣ... Нѣтъ, я никуда не пойду... посижу тихонько и буду писать письма...

...«Лжешь», думалъ онъ, не отъ этой мысли, отъ стыда своего за ея безстыдство, онъ невольно опустилъ голову, чтобы не видѣть ее и не встрѣтиться съ нею глазами. Поднявъ ее снова, онъ вдругъ увидѣлъ лицо Алисы и это лицо поразило его своею похожей на женину лживостью.

«Мадамъ будетъ писать письма, говорило это лицо, эта дѣланная, приторная, благовопитанная улыбка — вѣрю ли я въ это, другое дѣло, но мадамъ будетъ писать письма... И вамъ мужу, нечего опускать глаза, это безтактно и глупо и ни къ чему не поведетъ. Вамъ нужно улыбаться, какъ я, вамъ нужно болѣе тонко владѣть маскою своего лица и дѣлать видъ, что вы безусловно вѣрите: мадамъ будетъ писать письма... иначе вы старый дуракъ, который не стоитъ цолушки...»

Выраженіе лица Алисы было такъ явно и недвусмысленно, что онъ, исполненный брезгливости, отвернулся и взглянулъ на жену, смутно надѣясь прочесть въ ея нѣкогда такъ страстно любимыхъ глазахъ утѣшеніе, отголосокъ прошлаго, можетъ быть разубѣжденіе своихъ мучительныхъ догадокъ. Жена, держа въ холеныхъ бѣлыхъ пальцахъ маринованную грушу, поднесла ее къ губамъ и изящно откусила маленькими своими ровными зубами — и вдругъ въ чемъ-то, въ легкой складкѣ, легкой отъ губъ къ подбородку, въ движеніи зубовъ, мелькнуло что-то хищное и старѣющее. Но это хищное и старѣющее внезапное зажгло въ немъ жалость къ ней. «Она старѣетъ, подумалъ онъ, она безвозвратно старѣетъ, какъ я. И, вѣроятно, съ такимъ же старѣющимъ и хищнымъ лицомъ, съ какимъ она только что откусила этотъ кусокъ маринованной груши, она откусываетъ отъ жизни эту отвратительную свою любовь къ Анатолю Сергѣичу, хищно, остро, цѣпко, распутивъ такія вотъ старѣющія складки вокругъ губъ, сжавъ зубы, страстно дыша... Какой ужасъ: все время она, вѣроятно не забываетъ, что должна быть очаровательной молодой женщиной, кокетливой и шаловливой, все время, вѣроятно, слѣдитъ за своимъ лицомъ, за своими складками и морщинами — и только въ послѣднюю, самую острую минуту забываетъ слѣдить

и тогда такъ вотъ, по домашнему, распускаетъ губы и дѣлается хищной, жадной и старѣющей...

«Но гдѣ же это происходитъ, думалъ онъ дальше, Боже мой, гдѣ это происходитъ, неужели тутъ, въ нашей квартирѣ, въ нашей спальнѣ.. при лампахъ, тщательно закутаннхъ въ абажуры, отчего онъ, вѣроятно, и не видитъ ея старѣющихъ жадныхъ губъ... Какой ужасъ, какая грязь... Да вѣтъ, это совершенно невозможно!.. А письма, а записка, которую онъ нашелъ въ ванной комнатѣ?.. Вѣдь явно-же, явно до конца..»

— Мама, мнѣ голландскій костюмъ нужно и такая, знаешь, шапочка, какъ мы видѣли на картинкѣ, говорила Ляля, но это было очень далеко, гдѣ-то на поверхности, отъ которой онъ уже отдѣлился, погружаясь все болѣе въ тяжкую затягивающую топь своихъ мыслей.

«Можетъ-ли онъ допустить, чтобы жена его обманывала, поступить не какъ мужчина, а какъ существо безполое, подчиняясь только разуму, подсказывавшему ему, что, раньше или позже, она вернется къ нему безъ остатка, а Анатолю Сергѣичу останется только эпизодомъ, о которомъ ей самой будетъ страшно вспоминать. Но если даже такъ — можетъ ли онъ, допуская, любить ее, такъ же просто, естественно и нераздѣльно, какъ прежде..»

Въ это время горничная подала кофе и жена, наливъ ему, какъ всегда, первому, ставила передъ нимъ чашку съ той бережной тщательностью, которую онъ такъ любилъ въ ней, поставила, пододвинула сахарницу и вдругъ улыбнулась ему. И эта улыбка, просящая и будто ищущая помощи, сказала ему, что все то, о чемъ онъ догадывается, есть на самомъ дѣлѣ, но что оно такъ-же страшно для нея, какъ и для него, старѣющая, жалкая любовь къ молодому и безжалостному и что онъ долженъ жалѣть ее за любовь ея пагубную, жалѣть и

ничего больше. Не отпущенія, не какихъ нибудь звонкихъ и страстныхъ чувствъ просила эта улыбка, а жалости, которая была внѣ всего обычнаго, мужского и подражательнаго. Мысли о недостойности ея, брезгливость къ ея обнаженнымъ рукамъ исчезли вдругъ отъ страстной жалости къ ея старѣющему тѣлу, которое тайно отъ него переживаетъ свою послѣднюю радость отцвѣтающей молодости, свой послѣдній погожій день въ сентябрѣ. И вдругъ рѣшивъ дать ей эту радость и мудро отойти и ждать, онъ почувствовалъ, какъ слезы сдавили его горло и какъ по тѣлу разлилась слабость, за которую больше не было стыдно...

4.

...Кто-то крѣпко держалъ его сзади и, дыша ему въ затылокъ, говорилъ звонкимъ шепотомъ: «Вторая дверь направо...» Но коридоръ былъ слабо освѣщенъ, тѣни скользили по стѣнѣ и коверъ, по которому онъ шелъ, былъ такой гладкій и скользкій, что онъ долженъ былъ удержаться за подоконникъ. Подоконникъ былъ мраморный, холодный, и за окномъ неясно и холодно маячили голыя верхушки деревьевъ. Онъ спѣшилъ, зная, что въ комнатѣ, которую указалъ ему голосъ, находятся жена и Анатолий Сергѣичъ, собирающіеся куда-то уѣзжать, въ какую-то далекую страну, знакомую только по географіи. Бразилію или Чили. И тогда открылась какая-то дверь, за которой сизымъ облакомъ плылъ табачный дымъ, и изъ нея вышелъ Болеславъ Осиповичъ и держалъ въ рукахъ колоду картъ. Онъ улыбнулся, подпрыгнулъ и вдругъ защелкалъ картами, упруго сдавивъ ихъ пальцами, какъ передъ тасовкой..

Иванъ Гаврилычъ проснулся съ сильно бьющимся сердцемъ и непріятной тяжестью въ головѣ.

По кабинету плыли поздніе сумерки и за синимъ обледѣнѣлымъ стекломъ окна, выходившаго на дворъ, гдѣ-то за брендмауэрами горѣлъ уличный фонарь, отражаясь на стеклѣ оранжевымъ хрустальнымъ пятномъ. Былъ тотъ часъ, который онъ любилъ съ дѣтства: сумерки, отдаленные голоса въ домѣ, близкій семейный ужинъ. Но уже давно все было совсѣмъ по иному; въ городской квартирѣ не было тѣхъ просторныхъ, старинныхъ комнатъ, которыя были ему памяты по его деревенскому дѣтству, тѣхъ шкапныхъ, буфетныхъ и людскихъ, гдѣ по вечерамъ верещали сверчки и скрипѣли подъ шагами половицы, не было также этихъ мягкихъ вечернихъ абажуровъ въ какихъ-нибудь диванныхъ или угловыхъ, гдѣ въ глубокихъ вольтеровскихъ креслахъ сидѣли за рукодѣліемъ всякія тетушки и кузины, не было и патриархальнаго, многолюднаго ужина впереди и все было иное, тѣсное, городское и подражательное...

Онъ по голосамъ въ передней догадался, что Ляля и французенка уходятъ на репетицію въ школу и что жена провожаетъ ихъ. И тогда онъ вдругъ вспомнилъ, что самъ онъ долженъ идти къ Соколовскимъ, куда его не тянуло, для того, чтобы жена могла принимать своего любовника. Сознаніе это разбудило въ немъ растерянность, почти отчаяніе. И опять вспыхнула улегшаяся было нечаянность къ женѣ «Какъ она смѣетъ, думалъ онъ, сжимая кулаки и идя по комнатѣ, какъ она смѣетъ такъ уродовать нашу жизнь, такъ безстыдно совершать стыдное и преступное... А если я пойду и скажу ей, что я все знаю, и что я останусь дома.. Нѣтъ, только не это... и вѣдь я-же рѣшилъ стать въ сторону, какъ существо разумное и безполое, стать въ сторону и ждать, пока она вернется...»

Но уже мысль эта не трогала, не вызывала чувствительности, превратившись почти въ какую-то взятую на себя обязанность. Онъ повернулъ вы-

ключатель, зажмурился отъ неприятно и рѣзко сверкнувшаго свѣта и, подойдя къ зеркалу, съ неудовольствіемъ взглянулъ на свое блѣдное, хмурое лицо съ отдаленной во время сна щекой. Поежившись отъ пробѣжавшаго по спинѣ озноба, онъ вышелъ изъ кабинета. Жена въ передней попрощалась съ Лялей и говорила между поцѣлуями:

— Будь паинькой... не шали.. не выбѣгай... разгоряченная.. на холодъ... смотри же, дѣтка ..

Онъ, не дойдя до передней, остановился. Онъ такъ ясно видѣлъ отъ однихъ только слышимыхъ словъ и поцѣлуевъ жену, ея склонившееся надъ Лялей лицо, полныя руки, обнявшія дочь, сотни мелочей, и это видѣніе такъ не вязалось съ мыслью о ея лживости и винѣ, что чувство, граничившее съ ужасомъ передъ невозвратной потерей, прожгло его. Жена, такая, какой онъ видѣлъ ее въ эту минуту, по ея голосу, ласковая, любящая, домашняя и материнская и та женщина, старѣющая и хищная, которая, проводивъ мужа, будетъ принимать своего любовника, не связывались у него въ одно лицо. Но по своему чувству, по какой то легкой дрожи въ голосѣ жены, онъ зналъ, что эта первая, мать и любящая жена, какой-то посторонней страшной силой обречена на вторую, лживую и преступную, и зналъ, что съ этой обреченностью ни она, ни онъ не въ силахъ бороться.

Когда онъ вошелъ въ переднюю, за Лялей и фрлнцуженкой уже захлопнулась выходная дверь. Жена, стоя у дверей, оглянулась на него и спросила:

— Идешь къ Соколовскимъ?...

«А что, если я скажу нѣтъ и останусь,» подумалъ онъ, но тотчасъ-же сказалъ:

— Иду, да.. А гдѣ Настя?... Я хочу, чтобы она мнѣ почистила пиджакъ...

— Я тебѣ почищу, сказала жена и, взявъ съ подзеркальника щетку, принялась чистить ему спину. Настя ушла въ кинематографъ, продолжала

она, поворачивая мужа къ свѣту, она давно уже прожужжала мнѣ уши этимъ своимъ «Убійствомъ въ экспрессѣ» или что-то въ такомъ родѣ... это тутъ за угломъ, Настинъ придворный кинематографъ, знаешь, тамъ гдѣ живетъ докторъ Шульцъ...

Въ многословіи, въ нервныхъ движеніяхъ ея рукъ онъ видѣлъ волненіе, которое передавалось и ему. «Только не смотри на нее, думалъ онъ, поскорѣе уйди и думай, что ничего нѣту...»

Онъ надѣлъ пальто и взялъ шляпу. Потомъ обнялъ жену за талію и пошелъ съ нею изъ передней. «Я проведу ее въ спальню и усажу за письменный столъ, будто она дѣйствительно будетъ писать письма... такъ будетъ легче уйти...» И, идя съ нею, онъ заставилъ себя говорить спокойнымъ и ласковымъ тономъ:

— Ну, моя крошка, не скучай... Я вернусь къ одиннадцати... можешь кланяться тетѣ Вѣрочкѣ и Борису, если будешь писать... Ааа, бумага уже приготовлена, сказалъ онъ, подойдя съ женою къ письменному столу, глядя на горящую подъ сиреневымъ абажуромъ лампу и на нарядную крѣмовую бумагу въ открытомъ бюварѣ... И нахнетъ отъ нея шипромъ, какъ все у тебя, говорилъ онъ, обнюхивая листокъ бумаги и улыбаясь. Ну, прощай...

Онъ нагнулся къ женѣ, усѣвшейся въ кресло и, закрывъ на мгновенье глаза, поцѣловалъ ее въ голову. Потомъ повернулся, тутъ же надѣлъ котелокъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Онъ почти пробѣжалъ кабинетъ, гостиную, переднюю, подошелъ къ выходнымъ дверямъ и открылъ ихъ. И вдругъ короткая, острая, сумасшедшая мысль метнулась въ мозгу и была эта мысль такъ рѣшительна и повелительна, что онъ тутъ-же громко хлопнулъ дверью и остался стоять съ внутренней стороны съ безмѣрно забившимся сердцемъ. На цыпочкахъ, крадучись, какъ воръ пробѣжалъ онъ переднюю, кухню и, юркнувъ въ комнатку горничной, осто-

рожно закрылъ за собою дверь. Оставшись въ темнотѣ, онъ почувствовалъ такую слабость и дрожь во всемъ тѣлѣ, что долженъ былъ сѣсть на кровать.

5.

Онъ сидѣлъ на кровати горничной, въ темнотѣ, слышалъ запахъ жаренаго кофе изъ кухни и какой то дешевой пудры и сердце его билось такъ сильно, будто онъ собирался совершить преступленіе. Надъ нимъ, на этажеркѣ, торопливо тикалъ будильникъ и звонкіе удары его сливались съ глухимъ біеніемъ его сердца въ странномъ, хромающемъ звукѣ: тукъ тукъ... тикъ-такъ... тукъ-тукъ... Поднявъ голову, почти не смѣя дышать, онъ прислушался. Въ квартирѣ было тихо. «А что, если она войдетъ сюда... Какой ужасъ... Нѣтъ, она не войдетъ... но потомъ она будетъ рядомъ... да, она будетъ рядомъ, въ кухнѣ, она будетъ варить ему кофе, можетъ быть и онъ войдетъ и они будутъ вмѣстѣ рядомъ... Какъ я выдержу?..»

Чтобы нѣсколько успокоиться, онъ досталъ изъ бокового кармана портсигаръ и вынулъ папиросу. Держа въ рукѣ зажженную спичку, онъ почему-то обвелъ ею каморку и увидѣлъ на стѣнѣ, надъ кроватью, открытки, пришпиленные вѣеромъ. На одной изъ нихъ изображалось пасхальное красное яичко и въ уголкѣ открытки было что-то написано. Онъ хотѣлъ прочесть, но спичка погасла и и тлѣющая ея головка упала на одѣяло кровати. Онъ осторожно пошарилъ рукою, собралъ спичку и сунулъ въ карманъ пальто. И еще разъ зажегъ спичку и опять поднесъ ее къ открыткѣ, какъ будто чтеніе этой открытки было сейчасъ важнѣе всего. Въ уголкѣ корявымъ солдатскимъ почеркомъ

было написано:... «здоровъ чего и вамъ желаю. Извѣстный вамъ Ефимъ Гущукъ?..»

Онъ быстро закурилъ папиросу, обжегшись спичкой и опять собралъ угольки, съ наслажденіемъ затянулся и подумалъ:... «Извѣстный вамъ Ефимъ Гущукъ.. Вѣрно рябое у него было, добродушное лицо и глаза какъ неспѣлый крыжовникъ... Приходилъ и сидѣлъ въ кухнѣ на табуреткѣ, наслѣдивъ сапогами... А вдругъ Настя вернется и застанетъ меня тутъ. Что я скажу ей?.. Хм... Настя въ кинематографѣ и смотритъ «Убійство въ сѣверномъ экспрессѣ», я читалъ афишу, когда проходилъ. Криминальная драма въ десяти частяхъ. Замаскированные экспроприаторы, туннели и борьба на крышѣ вагона... Плохо что я курю... дымъ останется.. развѣ открыть окно...»

Онъ хотѣлъ было встать, но въ ту-же секунду, острымъ толчкомъ разрѣзавъ тишину, въ передвей взвизнулъ электрической звонокъ. Онъ опрокинулся на подушку и такъ и остался лежать, уткнувшись въ нее лицомъ и замеревъ безъ движенія. Лежа такъ и почти не смѣя дышать, онъ услышалъ торопливые шаги жены, звякъ цѣпочки, какія-то еще звуки, а потомъ смѣхъ, шопотъ и послѣ этого шопота увѣренный и громкій говоръ. Онъ узналъ голосъ Анатоля Сергѣича и его жеманный актерскій смѣхъ и ему казалось, что онъ видитъ его бритое, свѣжее лицо, разрумяненное морозомъ и слышитъ запахъ англійскихъ духовъ и снѣжнаго воздуха, которымъ онъ наполнилъ переднюю. Оттого-ли, что онъ лежалъ на подушкѣ, оттого ли, что сердце его тревожно и больно билось, но изъ всего громкаго и близкаго къ нему разговора въ передней онъ слышалъ только отрывочныя слова.

— Да?.. Ну вотъ и отлично. Нѣтъ, нѣтъ, можешь не сомнѣваться... Что?.. Глупости ха-ха-ха... ахъ, какія глупости... Мы никуда не пойдёмъ... ни-

жу-да... Что?.. Снѣжокъ?.. Извольте, милостивый государь, да-да-даа ..

А потомъ стихло. Гдѣ-то хлопнула дверь. Еще разъ — глухо, за дверьми — взмылся голосъ Анатоля Сергѣича, пропѣвшаго:

— Привѣтъ тебѣ-э, прію-уууть неви-инный... и настала страшная, давящая тишина. «Теперь они цѣлуются... сидятъ обнявшись... можетъ быть она сидитъ у него на колѣняхъ...» думалъ онъ, все еще полулежа и чувствуя, какъ вокругъ него будто застыло время. Тикалъ будильникъ, пахло дешевой пудрой и клеенкой, на синемъ стеклѣ незавѣшеннаго холоднаго окна лоснились морозные узоры и снизу, съ улицы, заглушенные дворомъ, доносились гуденіе трамваевъ и рыки сирень.

Вдругъ хлопнула дверь — далеко за гостинной — слышались торопливые шаги и въ кухню вбѣжала жена. Близко, будто их не раздѣляла стѣна, онъ услышалъ, какъ она возилась съ чѣмъ-то у плиты, зажгла спичку, стала накачивать примусъ. Возясь, накачивая, она тихонько напѣвала что-то и Иванъ Гаврилычъ зналъ, что она чувствуетъ себя въ эту минуту оживленной, молодой, наполненной до краевъ радостнымъ и страшнымъ нетерпѣніемъ. Убѣжавъ отъ Анатоля Сергѣича, она какими-то тончайшими, нервными нитями оставалась связанной съ ними и эти нити охватывали ее блаженной лихорадкой.

Изъ дальней комнаты слышался мягкій, ба-лованный, картавый голосъ Анатоля Сергѣича:

— Мэ ээ-рри!..

— Сейчасъ, сейчасъ, крикнула жена и это было такъ громко и близко, что Иванъ Гаврилычъ зажмурился отъ ужаса. Лежа, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ больно отекають ноги. Онъ сдѣлалъ маленькое движеніе. Кровать скрипнула. «Какой ужасъ... она услышала и войдетъ... будетъ ужасная сцена... ужасный, отвратительный, водевильный

скандалъ... Нѣтъ, нѣтъ, только-бы не это...» думаль онъ, корчась и содрагаясь внутренне и опять застывая безъ движенія.

Но она не услышала. Она гремѣла кофейникомъ, еще чѣмъ-то, она открыла дверь въ кладовую, искала что то на полкахъ, что-то пересыпала, опять, напѣвая, подбѣжала къ плитѣ. А потомъ убѣжала и далеко хлопнула дверью и опять жутко и пусто полегла тишина. Въ этой тишинѣ теперь только слышалось шипѣніе примуса на плитѣ. «Это невысказимо... я не выдержу... я долженъ уйти...» подумаль онъ и всталъ. Тихонько отворилъ дверь, выглянулъ въ кухню, чувствуя свое блѣдное и тревожное лицо, быстро пробѣжалъ кухню, переднюю, дрожащими пальцами отперъ дверь и выскочилъ на площадку лѣстницы. Онъ сбѣгалъ внизъ, беря три ступеньки сразу и ему казалось что за нимъ несется погоня, отъ которой онъ долженъ спастись.

6.

Выскочивъ на улицу, онъ остановился. Куда-жъ онъ.. что-жъ онъ?.. Къ Соколовскимъ идти невысказимо, это ясно, какіе же теперь Соколовскіе и карты... И зачѣмъ онъ не пошелъ сразу, тогда, когда, усадивъ жену за письменный столъ, онъ еще могъ обманывать себя мыслью, что она дѣйствительно будетъ писать письма и что ничего этого не будетъ... А теперь... теперь онъ этимъ своимъ безсмысленнымъ водевильнымъ сидѣніемъ доконалъ себя, свою жизнь, островокъ, все, все... Дико, безсмысленно, пошло...

Вотъ улица и онъ на этой улицѣ. Онъ существуетъ, онъ существуетъ какъ и прежде, какъ и до этого. Въ пальто, въ котелкѣ, приличный господинъ, о которомъ никто ничего не догадывается.

А между тѣмъ онъ безконечно, безмѣрно сирѣ, одинокъ, нищъ, бѣднѣе и хуже той вотъ накрашенной проститутки, что стоитъ на углу въ жалкихъ ботикахъ поверхъ банановой паутинки чулокъ, въ юбочкѣ, которая треплется на вѣтру, мерзвущая, не находящая покупателя, съ дряблой, стянутой морозомъ кожей подъ слоемъ румявъ и пудры. Все, онъ самъ, и прохожіе, и улица, убѣгавшая передъ нимъ длиннымъ, тяжкимъ коридоромъ, тысячеглазая, реущая вѣчно тревожная, показались ему вдругъ похожими на эту проститутку на углу, сирые, бездомные, выкинутые въ эту тревожную и недобрую февральскую ночь. Онъ пошелъ. Онъ потерялъ счетъ времени и чувство своихъ безпомощно барахтавшихся въ немъ.

Все были улицы, дома, все были то закрытыя шанирными ставнями, то ярко освѣщенныя витрины съ пластронами крахмальныхъ сорочекъ, съ часами, съ сумочками, съ галстуками и консервами, кино-плакаты въ змѣиными женщинами и мужчинами въ цилиндрахъ. Проходили люди, лица, струился, перекрещивался, не прекращался говоръ и смѣхъ, были формы, осязаемыя, явныя, живыя, а между тѣмъ все было до ужаса, до какой то внутренней брезгливой дрожи мертво вокругъ и несогрѣто, и чуждо, и зло. Въ какомъ-то краюшкѣ души, въ какой то и кѣмъ-то защищенной сердцевинѣ его сохранился и жилъ осколокъ мечты, осколокъ желанія: тихая комната вечерняя, мягкій абажуръ, кресло, глубокіе, домовитые книжные шкафы... сидѣть тамъ и читать Гончарова, про Марфиньку, Райскаго и бабушку... безтревожно и чисто. И потомъ врѣзывалось въ это отвратительное нахлынивало, захлебывало: камерка Насти будильникъ.. шипѣнье примуса и этотъ грудной, любовный, плотскій смѣхъ жены...

Когда то, гдѣ-то, на серединѣ улицы, у разѣзда трамваевъ, онъ увидѣлъ толпу, по муравь-

иному возраставшую вокругъ какого-то автомобиля съ ослѣпительными глазищами фонарей. Оттуда слышались хриплые, пьяные голоса, потомъ рѣзко взмылся полицейскій свистокъ. «Уличное происшествіе... грязь, накипь, на которую я осужденъ... куда уйти, куда скрыться...» Онъ пошелъ обратно, повернулъ на боковую улицу, гдѣ было тихо и почти безлюдно, убѣгающей вдаль, суживающейся цѣпью горѣли газовые фонари. Сторожъ, закутавшись въ доху, дремалъ на скамейкѣ. Какой-то мужчина съ поднятымъ воротникомъ пиджака, въ крахмальной сорочкѣ безъ воротника, выскочилъ изъ подворотни, подбѣжалъ къ освѣщенному окну одноэтажнаго дома и постучалъ кривымъ, искалѣченнымъ пальцемъ. Иванъ Гаврилычъ ясно и мучительно видѣлъ и этотъ палецъ и даже то, что изъ кармана кудаго пиджачка мужчины торчитъ грязноватый носовой платокъ. Окно пріотворилось и оттуда изъ за шевельнувшейся занавѣски высунулась завернутая въ газету бутылка. Мужчина схватилъ ее и подмигнулъ поровнявшемуся съ нимъ Ивану Гаврилычу пьянымъ заплывшимъ глазомъ.

»Не угодно-ли, подумалъ Иванъ Гаврилычъ, онъ приглашаетъ меня полюбоваться его ночнымъ приключеніемъ... Какъ все это отвратительно и глупо... и не могу-же я часами шляться по улицамъ, пока жена... Мнѣ холодно, наконецъ... Этого она не можетъ отъ меня требовать, чтобы я изъ деликатности еще мерзъ и шлялся-бы какъ какой-нибудь хулиганъ... Я найду въ какую-нибудь булочную съ одной сонной малокровной приказчицей за прилавкомъ и съѣмъ что-нибудь... какую-нибудь... ватрушку... Правда, мнѣ мучительно хочется ѣсть...»

Но булочная не попадалась. И опять былъ провалъ времени, чувствъ, всего ощущенія жизни. Обледѣнѣлыя плиты тротуара, исхоженные, задвленные, сырые какъ онъ. Вѣтеръ. Окна, за которыми жили нормальные люди. Счастливые, несчаст-

ные, но нормальные. Быль-ли за которымъ нибудь изъ нихъ абажуръ, и кресло, и тепло и Гончаровъ?...

И вдругъ лимонный крендель, качающійся на вѣтру и вывѣска: «Булочная и кондитерская Андриано-поль»... Ахъ, да: ватрушки... Онъ вошелъ. Безлюдно, чисто, пахнетъ хлѣбомъ, подь потолокомъ свѣтло горитъ и шипитъ спиртовая лампа. За прилавкомъ, возвышаясь надъ розовой кисеей, стоитъ смуглая, расплывшаяся женщина въ фіолетовой кофтѣ, запачканной мукой — огромными дряблыми грушами выпуклятся подь ней груди — и мутными собачьими глазами смотреть на него. Торопливо, неувѣреннымъ, отвыкшимъ отъ собственныхъ звуковъ голосомъ онъ заказываетъ ватрушки и стаканъ молока. Усѣлся за столикъ, снялъ пэнснэ, тщательно протеръ помутнѣвшія отъ мороза стекла носовымъ платкомъ. И вдругъ подумалъ: «Можетъ быть какъ нибудь обойдется... Она пойметъ всю фальшь, она не можетъ не понять... Какъ пріятно, все таки, когда свѣтло и тепло...»

Женщина, грузно вывалившись изъ за прилавка, подошла къ нему шлепающими шагами и поставила передъ нимъ стаканъ голубоватаго молока и ватрушки съ такимъ видомъ, будто дѣлала ему одолженіе. Но онъ не смутился. Онъ какъ-то все больше оттаивалъ и даже подумалъ о чемъ-бы заговорить съ этой ориѣнталкой. Но покуда онъ съ наслажденіемъ принялся за ватрушки, съ такимъ вниманіемъ рассматривая при этомъ обстановку булочной, будто ему предстояло ее описать. Онъ глядѣлъ на пыльную искусственную пальму въ углу, на объявленіе на стѣнѣ — голландскіе дѣти съ банками какао, карлики съ сифономъ — онъ смотрѣлъ на стеклянную дверь, за которой изрѣдка пробѣгали молодые люди съ поднятыми воротниками или солдаты, терѣвшіе ладонями уши, и все казалось ему менѣе враждебнымъ и напраснымъ, чѣмъ полчаса тому назадъ.

Изъ-за ситцевой занавѣски за прилавкомъ вышелъ огромный толстый мужчина въ бѣломъ кителѣ съ засученными рукавами и съ восточнымъ небритымъ лицомъ. Онъ сталъ, поправилъ жирными, облѣпленными тѣстомъ пальцами кисею надъ пирожными, почмокалъ губами и сказалъ:

— Холадна сиводни... Градусовъ пѣтнадцять будить... Можѣтъ кофеекъ прикажѣтѣ...

— Нѣтъ благодарю васъ, отвѣтилъ Иванъ Гаврилычъ и отпилъ глотокъ изъ стакана, чтобы показать, что онъ вполне удовлетворенъ своимъ молокомъ

Булочникъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него такими же мутными собачьими глазами, какъ женщина, а потомъ обратился къ ней съ длинными, тупыми и непонятными словами, которыя Ивану Гаврилычу всѣ показались похожими на что-то вродѣ «Карамыга...» Потомъ оба, стоя за прилавкомъ, опять смотрѣли на него мутно и по собачьи.

«И чего они смотрять, подумалъ онъ, можетъ быть они знаютъ, что я забрелъ къ нимъ на городскую окраину и пью молоко съ ватрушками, ночью, въ какой-то дикій часъ, потому что мнѣ измѣняетъ жена и я не знаю, куда дѣться..» Онъ торопливо допилъ, расплатился и, не глядя на армянъ, но чувствуя на своей спинѣ ихъ мутные и недоумѣвающіе взгляды вышелъ изъ булочной. Поднявъ воротникъ, онъ побѣжалъ по тротуару, съ одной мыслью — найти таксометръ и поѣхать домой.

7.

Войдя въ вестибюль, снова читая «Акціонерное общество Грахамъ», а затѣмъ подымаясь по лѣстницѣ, онъ все время думалъ о томъ, почему вынѣшнее его положеніе и ожиданіе встрѣчи съ

женой кажутся ему такими странно-знакомыми. И вдруг вспомнилъ: когда-то въ дѣтствѣ, въ гостяхъ у одной тетюшки въ деревнѣ, онъ случайно, идя изъ сада, подсмотрѣлъ, какъ тетюшка эта цѣловалась на верандѣ съ однимъ пріѣзжимъ молодымъ человѣкомъ. Вспомнилось ему, какъ у него тогда забилось сердце и сдѣлалось жарко-жарко отъ какой-то подступившей и охватившей его липкой волны, какъ онъ бросился въ кусты и пробродилъ потомъ въ саду до сумерекъ съ тѣмъ-же душнымъ и стыднымъ за чужое бестыдство чувствомъ, что и нынче. Какъ затѣмъ, вернувшись къ ужину въ домъ, онъ старался, чтобы никто не замѣтилъ, что онъ знаетъ и какъ ему трудно было глядѣть въ глаза тетюшкѣ и молодому человѣку и какъ все кругомъ показалось ему измѣнившимся и тревожнымъ. Теперь, подымаясь по ступенямъ, онъ чувствовалъ страшную тяжесть отъ лжи и фальши, которая отнынѣ безповоротно и уже совсѣмъ явно входила въ его жизнь и уродовала ее. Онъ боялся за себя и за то, что ему не удастся провести свою роль, вѣрить лжи и самому лгать..

Въ передней, раздѣваясь, онъ приюхивался къ воздуху, представляя себѣ, какъ это онъ дѣлалъ-бы, если-бы не зналъ навѣрно, что Анатолий Сергѣичъ былъ у жены. «Нѣтъ, говорилъ онъ себѣ, морщась, какъ отъ боли, онъ не былъ... жена писала письма, а я былъ у Соколовскихъ... такъ нужно...» Онъ медлилъ онъ долго чистилъ щеткой брюки, слегка запачканные снѣгомъ, онъ откладывалъ минуту, когда ему придется войти къ женѣ, какъ мы медлимъ войти въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

Съ спальню онъ вошелъ на цыпочкахъ. То, что въ ней было полутемно и только на ночномъ столикѣ горѣла лампа подъ фіолетовымъ абажуромъ, нѣсколько успокоило его. «Такъ будетъ лучше... такъ можно будетъ лгать... Лишь-бы она не

увидѣла моего лица...» Въ эту минуту жена подняла голову съ подушки, улыбнулась ему и сказала, опуская на атласное одѣяло холеную полную руку съ желтой книжкой французскаго романа:

— Зажги же люстру... тебѣ плохо видно будеть...

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, отвѣтилъ онъ поспѣшно, вѣдь ты знаешь, что у меня по вечерамъ болятъ глаза... Такъ лучше...

Онъ подошелъ къ умывальнику и началъ мыть руки. Вытирая ихъ полотенцемъ, онъ обернулся. Онъ видѣлъ голову жены съ раскиданными по подушкѣ стриженными волосами, видѣлъ, какъ она, полуобернувшись къ нему, щурила сонные глаза и ему показалось вдругъ, что она хочетъ что то сказать ему, но не рѣшается. «А вдругъ она услышала, какъ я выскочилъ изъ Настиной комнаты или какъ я хлопнулъ дверью... а вдругъ она знаетъ все, что во мнѣ происходитъ и что лжи больше не можетъ быть... вдругъ она скажетъ мнѣ все... что я буду дѣлать... буду-ли я способенъ на... да, на что-же, на что?.. И что-же я молчу, вѣдь надо говорить, рассказывать, иначе все погибло...» Въ это время жена спросила его:

— Ну, какъ было у Соколовскихъ... играли?..

— Играли, конечно... отвѣтилъ онъ и отвернулся, чтобы повѣсить полотенце. «Господи, помоги, пронеслось у него: что-жъ я скажу, что-жъ я налгу... Вѣдь я же ничего не могу говорить о Соколовскихъ... Я тамъ не былъ... что-же я буду говорить о нихъ?.. Я могъ-бы рассказать о булочной и о ватрушкахъ... ахъ, какъ-бы такъ сдѣлать, чтобы рассказать о ватрушкахъ...»

Онъ налилъ въ стаканъ зубнаго элексира и, пробалтывая его щеткой, а потомъ полоща ротъ и думая, что отъ этого полосканія въ голосѣ будетъ больше естественности, заговорилъ:

— Скука была ужасная у Соколовскихъ... гур-

гур-гурь... игра не клеилась... къ тому же... гурь-гурь... Анна Егорна уѣхала куда-то... и... и ужина такъ и не было... Я такъ, понимаешь, проголодался...

Онъ набралъ полный ротъ воды и продолжалъ:

— ...такъ проголодался... гурь-гурь... что на обратномъ пути зашелъ въ какую-то булочную и съѣлъ... съѣлъ три ватрушки.. Замѣчательно, понимаешь, вкусныя... гурь-гурь гурь... ватрушки...

— Жалко, что ты мнѣ не привезъ.. протянула жена, повернувшись на подушкѣ и закрывая глаза я-бы сейчасъ съ удоово-ооольствіемъ съѣла бы ватрушку...

— Ахъ, какъ, жалко, что я не догадался, сказалъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ и, сѣвъ на стулъ, началъ разшнуровывать ботинки...

Перекрестокъ.

(Изъ пережитаго).

Съ самаго ранняго дѣтства я помню этотъ перекрестокъ, и улички расходившіяся лучами, и аптеку на углу. Въ окнахъ аптеки стояли огромныя пузатыя бутылки—желтая и синяя—и отражали въ себѣ и скрещивавшіяся улички и горбатые булыжники мостовой, и куцыхъ и смѣшныхъ въ отраженіи прохожихъ, и дремавшаго на углу ванька съ вислозадой пролеткой и голенастой поджарой пѣганкой.

Эти пузатыя, смѣшно и куцо отражавшія міръ бутылки были для меня въ тѣ времена главной достопримѣчательностью перекрестка, домъ же напротивъ аптеки, впоследствии получившій такую значительность, тогда еще не привлекалъ моего вниманія. Это былъ обыкновенный низенькій желтый домъ со створчатыми ставнями въ саду и почти скрытый имъ, и жилъ въ немъ шорникъ Астаховъ съ семьей. Такихъ домовъ было много въ нашей губернской столицѣ.

Ни перекресткѣ расходились послѣднія въ земной жизни дорога городскихъ обывателей — вправо отъ него увозили на близкое кладбище православныхъ, влѣво, по длинному заросшему травой проулку въ акаціяхъ и черемухѣ направлялись катаfalки католиковъ и лютеранъ. Правая православ-

ная сторона была знакома издавна, лѣвая-же была какая то неизвѣданная и таинственная, и тамъ, въ этой зеленой глуши за акаціями и черемухой, предполагалось нѣчто почти необычайное. Помню, какъ я впервые въ жизни попалъ въ тѣ таинственныя страны.

Жаркимъ весеннимъ полднемъ хоронили важнаго генерала, убитаго японцами. Уже то, что генераль, котораго я не помнилъ живого былъ убитъ далекими желтыми японцами, было одинаково не понятно и страшно. Онъ имѣлъ какое то отношеніе къ нашей семьѣ и матушка взяла меня съ собою на похороны. Шли долго и все были нагрѣтые зноемъ булыжники—совсѣмъ близко подо мною—запахъ пыла и навоза, сверкающій газетъ ката фалка и передъ нимъ, въ пеленѣ жаркой пыли, мѣдъ трубъ, изрыкавшихъ крѣпкіе, грустные и молодцеватые звуки. Матушка держала меня за руку, но была это не обычная, своя, теплая и знакомая мамина рука, а рука въ черной лайковой перчаткѣ, отъ которой и пахло необычно, и отъ этого все кругомъ казалось еще болѣе торжественнымъ и чопорнымъ. Когда процессія дошла до перекрестка, я вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она начинаетъ вытягиваться влѣво и огромнымъ, сверкающимъ и пыльнымъ клиномъ вливается въ тихую улочку съ акаціями. Это было неожиданно, потому что я никакъ не предполагалъ, чтобы генераль, да еще убитый японцами, можетъ не быть православнымъ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ этого на томъ-же кладбищѣ, что и генераль, легла бабушка Франциска Карловна, родимая бабушка съ черными, не посѣдѣвшими до самой смерти волосами. Тогда мы стали часто бывать на лютеранскомъ кладбищѣ и оно совершенно перестало быть таинственнымъ. Это былъ просто небольшой тѣнистый садъ съ рѣдкими холмами могилъ. За нимъ надъ рѣчкой Ка-

менкой, былъ пивоваренный заводъ и тамъ изъ тонкой желѣзной трубы вылеталъ парь, ударялся объ щитокъ надъ трубой и дѣлалъ «пыхъ-пыхъ-пыхъ». . Протекала рѣченка, въ близкихъ хатахъ жили люди, тамъ были вишневые садочки, мычали коровы и кричали пѣтухи и покойникамъ на кладбищѣ, по сосѣдству съ пыхтящей трубой, хатками и пѣтухами было, вѣроятно, совсѣмъ не жутко, а мирно, просто и домовито быть мертвыми..

Изъ дому на могилу бабушки шли долго и когда доходили по перекрестка, для меня наступали трагическія минуты. Тамъ, на углу, у забора того дома, который впослѣдствіи получилъ для меня значительность, стояла будка съ флюгеркомъ и въ этой будкѣ продавался квасъ. На всегда облитой и липкой клеенкѣ прилавка, стоялъ огромный, грубо-граненый кувшинъ съ оранжевой, а иногда малиновой жидкостью и плавающими въ ней корками и кусочками льду, предѣльно, нестерпимо аппетитная на видѣ. Толстая женщина съ пылающими по лѣтнему щеками сидѣла у будки, въ тѣни; вязала чулокъ, подремывая, вела бесѣды съ окрестными дворниками и бабами, дѣлала все это очень степенно и со вкусомъ и жила, вѣроятно въ свое удовольствіе, хотя я и никогда, рѣшительно никогда не видѣлъ, что бы она выпила хоть глотокъ своего упоительнаго кваса. Казалось, что отъ одного постоянного сидѣнія рядомъ съ оранжевой влагой она утолена навѣки.

Уже за много домовъ до будки съ квасомъ я начиналъ жаловаться на нестерпимую жажду, но каждый разъ эти жалобы бывали напрасны: мнѣ не давали напитокъ, объясняя эту жестокость сомнительнымъ качествомъ кваса и негигіеничностью общихъ уличныхъ стакановъ. Тогда я шелъ разбитый, изнывающій, жизнь мгновенно теряла для меня всякій смыслъ, а въ это время все ближе подплывали знакомыя и желанныя очертанія кувшина съ

прохладнымъ ледянымъ блескомъ кваса. Я почти не шель самъ меня волокла чья то рука, безжалостная и глухая къ мольбамъ. Вотъ и будка, баба, квасъ, вотъ, прыгнувъ съ козелъ, идетъ по улицѣ, бія кнутомъ по голенищамъ пыльных сапогъ, ванько, онъ подходитъ къ будкѣ, баба жирными красными пальцами какъ перышко подымаетъ кувшинъ и легко, привычно, съ бульканіемъ наливаетъ чудесной влаги, вотъ для ванька наступаетъ дивная минута, къ которой онъ относится, какъ будто, совершенно равнодушно, вотъ онъ подноситъ къ безусымъ губамъ покрывшійся капельками стаканъ—ахъ!.. Я не иду самъ, меня тянетъ чья-то рука безповоротно впередъ, я спотыкаюсь, я весь и лицомъ и тѣломъ обращенъ назадъ, я вбираю въ себя зрѣлище пьющаго квасъ ванька, какъ откровеніе, какъ будто отъ этого зрѣлища могу утолиться самъ...

Позднѣе, уже гимназистомъ-первоклассникомъ, я часто бывалъ въ угловомъ домѣ на перекресткѣ, у пріятеля своего Лаврика Астахова, у дѣда и отца котораго была шорная и скобяная лавка, тутъ-же за аптекой. Я еще вижу передъ глазами эту вывѣску съ выпуклыми буквами, поддѣланными подъ березовые столбики: «В. Астаховъ и сынъ». Я завидовалъ Лаврику за лавку вообще, а за вывѣску въ особенности. Казалось такимъ счастьемъ видѣть свою фамилію изъ березовыхъ столбиковъ. Лавка была всегда прохладная, полутемная, съ крѣпкимъ запахомъ юхти. Я вижу выщербленный, въ опилкахъ полъ, вижу зеленые, еще пахнушіе краской, плуги; вижу сидѣвшіе торчкомъ на длинной палкѣ подъ потолкомъ хомуты и свисавшія гроздьями шлеи, уздечки и цѣпи, вижу—у самага входа—предметъ моей страсти, великолѣпные кожаные кнуты съ металлическими пуговками на кнутовищахъ...

Однажды, въ тотъ періодъ жизни, я нашель

въ книжномъ шкафу довольно объемистую брошюрованную книжку, у которой корешокъ уже началъ отставать, обнаруживая некрасивый, рыжій отъ клея исподъ. На обложкѣ крупными буквами было написано: «Исторія моего современника». Я заглянулъ въ нее, она заинтересовала меня и я прочелъ ее, кажется, въ два дня.

По мѣрѣ того, какъ я читалъ эту зеленую брошюрованную книжку, я все больше убѣждался въ томъ, что въ ней описывается нашъ городъ, и что человекъ, написавшій ее, этотъ невѣдомый В. Г. Короленко, жилъ именно въ домѣ на перекресткѣ, тамъ, гдѣ нынче живутъ Астаховы. Онъ, также, какъ и мы съ Лаврикомъ видѣлъ расходившіяся улицы, ведшія на кладбища и глядѣлъ съ забора на похоронныя процессіи, все доходившія до этого перекрестка, онъ, также, какъ и мы, видѣлъ дымную даль и тотъ послѣдній горбъ улицы, за которымъ, снижаясь, исчезали дилижансы и телеги, тотъ горбъ, за которымъ начинались провѣянные вѣтрами просторы и шири луговъ...

Читая, я почти не вѣрилъ глазамъ, я какъ-то не могъ себѣ представить, что въ напечатанной книгѣ можетъ быть описанъ нашъ скромный провинціальный городъ, наши улицы, перекрестокъ и знакомый астаховскій садъ съ тополемъ. Казалось непонятнымъ, какъ такое необычайное и книжное существо, какъ писатель, такой же писатель какъ Жюль Вернь или Фениморъ Куперъ могъ жить когда-то, хотя-бы и въ дѣтствѣ, вотъ въ знакомомъ желтомъ домѣ со створчатыми ставнями, вотъ тамъ, гдѣ нынче живетъ Лаврикъ, свой рыженькій веснучатый Лаврикъ...

Потомъ все это оформилось. Мы съ Лаврикомъ рассказали въ классѣ и тогда классъ обратился къ Евгению Акимычу, словеснику, который зналъ все—и Евгений Акимычъ подтвердилъ и еще прибавилъ, что писатель этотъ не только родился въ

нашемъ городѣ, но три года обучался въ нашей гимназіи. Это невыразимо подняло ее въ моихъ глазахъ. До тѣхъ поръ одной изъ главныхъ причинъ, почему я долженъ былъ гордиться своей гимназіей — гордиться же непременно надо было — было обстоятельство, что основана она въ 1833 году. Это надо было знать твердо и этимъ надо было гордиться, хотя гордость и была нѣсколько напускная и не совсѣмъ искренняя. Тутъ же, съ Короленко, была совсѣмъ другая, никѣмъ не навязанная, а потому искренняя и радостная гордость, которая сохранилась у меня надолго...

Перекрестокъ въ родномъ, румяномъ городкѣ дѣтства и юности — я закрываю глаза и вижу его всего, каждый горбатый булыжникъ, квасную будку съ флюгеркомъ, ванька въ синемъ, выцвѣтшемъ на солнцѣ армякѣ, вижу тополь въ астаховскомъ саду, вижу какъ вечернее солнце румянить слюду оконцевъ и какъ рой комаровъ золотинокъ качается въ малиновомъ теплѣ воздуха.

И еще я вижу его послѣдній, хмурый ликъ въ то раннее оттепельное утро, когда мы уѣзжали надолго, можетъ быть навсегда. Городъ нашъ, какъ и всѣ города русскіе, былъ тяжело и безнадежно раненъ лихолѣтіемъ. Хмурый былъ онъ весь, поблѣднѣлый и больной. Былъ февраль, оттепель, снѣга расползались какъ грязная мпавая сермяга. Вотъ въ послѣдній разъ, въ мгlistомъ туманѣ утра, проплылъ мимо насъ перекрестокъ. Изъ одного изъ проулковъ, направляясь на кладбище, показались похороны, страшныя, моровыя похороны. Дровяныя сани. На нихъ сосновый, некрашеный, щерватый гробъ. Въмѣсто парчеваго покроя — морская рогожа, волочащаяся по мостовой. Три-четыре хмурыхъ, общипанныхъ, плохо мытыхъ и плохо сытыхъ человѣка. Идутъ въ буромъ, навозномъ мѣсивѣ ущербнаго снѣга. Санки подпрыгиваютъ, скользятъ на черномъ льду. Въ голыхъ

сучьяхъ деревьевъ — въ туманныхъ садахъ — слыло каркаетъ воронье... Ушелъ перекрестокъ, уходила улица, промаячило кладбище. Тусклыми закоптѣлыми брандмауерами высунулся изъ мглы свѣчной заводь... У кирпичныхъ воротъ, треплясь на вѣтру, вздувается морская афишка: Концертъ-митингъ.

Сидя на облучкѣ саней, я еще разъ оглянулся. Гнилые февральскіе туманы, подымаясь изъ щербатыхъ снѣговъ и сливаясь съ небомъ, висятъ тусклыми слошными полотнами. За ними сразу и навѣки исчезъ городъ. Ни купола собора, ни пожарной каланчи, ни тополей кладбища. Муть. Бѣгутъ черныя льдины по краямъ шоссе, относить назадъ сермяги снѣговъ на поляхъ, тамъ, сѣрѣя въ пару кружить надъ падалью охрипшее воронье.

Румяное тепло и соловьиные трепеты весень, рай мой — родина, золотые свѣты, бившіе въ глаза — гдѣ вы?..

Дѣвочка Оля.

Послѣ того, какъ у папы вышла какая то неприятность, а мама должна была продать послѣднюю брошку—золотую подковку съ бриллиантиками—впервые заговорили объ отъздѣ, о томъ что «больше нельзя», а ей, дѣвочкѣ Олѣ, сказали, что поѣдутъ къ тетѣ Салѣ, въ другую страну, гдѣ она опять получить булочки.

Дѣвочка Оля повѣрила, а вышло совсѣмъ иначе.

Ужъ одно—ничего нельзя было взять съ собой, ничего—и всѣ игрушки, книжку, и кроватку, и икону Спасителя, и собачку Трефа и все другое—оставили у знакомыхъ послѣ того, какъ папа и Дима все это, и даже канарейку, вечеромъ въ темнотѣ увезли на санкахъ—а она съ мамой спала въ одной кровати, жесткой и неудобной, и закрывались не одѣяломъ, а папиной шубой.

А утромъ уѣхали, совсѣмъ рано. Таяло и снѣгъ былъ скважистый, бурый и грязный, а за свѣчнымъ заводомъ, тамъ, у сосноваго лѣса, гдѣ когда то, давно, устроили маевку весной и надъ рѣкой играла музыка,—тамъ ихъ нагнали солдаты въ папахъ и спросили документы; папа сказалъ, что они ѣдутъ въ село, къ учителю Назаренко, на масло-ницу. Потомъ были другіе солдаты, въ другихъ фуражкахъ, и тоже спрашивали документы и ругались.

Спали въ какой-то избѣ, мужикъ былъ добрый и далъ цѣлое блюдо горячей картошки; у него было много дѣтей, и она, босые бѣгали по комнатамъ и въ сѣняхъ, по кирпичному полу, а потомъ они все спали на печкѣ, въ темнотѣ.

А дѣвочка Оля съ мамой помѣстились на хозяйской кровати, въ которой пахло капустой, папа на громадномъ жесткомъ диванѣ безъ спинки, а Дима на сундукѣ въ углу.

И приснился ей сонъ въ ту ночь: она опять ѣдетъ въ саяхъ, и снѣгъ таетъ, таетъ и вдругъ они вѣзжаютъ въ лѣсъ, а лѣсъ совсѣмъ зеленый, пахучій, весенній, и сосенки потѣютъ отъ теплоты и течетъ по ихъ стволамъ краснымъ смола, золотая и прозрачная, какъ янтарь. А среди сосенъ стоитъ домикъ и изъ домика выбѣжалъ Трефъ и отъ радости началъ кувыркаться по травкѣ и скалить зубы; въ домикѣ все вещи, кукла Вероника и кроватка, и иконы, и книжка «Сонины проказы» и канарейка—все, какъ дома.

А когда дѣвочка Оля проснулась—луна смотрѣла въ окошко, комната была чужая, странная, Дима храпѣлъ на сундукѣ и не было ни Трефа, ни куклы, ни домика—и заплакала Оля—маму будить не хотѣла—и плакала одна въ полутьмѣ. Не знала, куда ее везутъ, и почему увозятъ, и почему ничего больше нѣтъ изъ того, что было, и куда все дѣлось любимое.

Плакала дѣвочка Оля...

А на утро поѣхали дальше, ѣхали, ѣхали, снѣгъ таялъ, и Олѣ все спать хотѣлось. А къ вечеру пріѣхали въ чужой городъ. Другіе солдаты по улицамъ ходили, нарядные и веселые, и люди въ санкахъ ѣздили, какъ прежде, и дамы съ муфтами и въ калошахъ шли, а въ лавкахъ вкусныя вещи продавались, черносливъ и шоколадки въ серебряныхъ бумажкахъ.

Но мама сказала, что пока покупать еще нель-

зя, денегъ мало, но потомъ купятъ. А вечеромъ въ гостиницѣ, въ комнатѣ съ обоями, гдѣ всѣ были охотники съ ружьями и лисички нарисованы, сидѣли и пили чай, и ложки были оловянные, съ узорами, и пахло отъ вихъ чуть чуть селедкой, такъ что мама вытирала ихъ полотенцемъ.

Папа говорилъ, что ко всему надо привыкать. Дима сѣлъ на подоконникъ и смотрѣлъ на улицу, а мама въ это время зашивала ему дырку на брюкахъ подъ колѣномъ.

Дома Оля никогда не скучала, а теперь совсѣмъ не знала, что дѣлать въ этой комнатѣ, въ этотъ вечеръ, совсѣмъ не знала. И вынула изъ корзиночки своей альбомчикъ, свой зеленый альбомчикъ съ ласточками, гдѣ были ея карточки и открытки — единственная вещь которую дѣвочка Оля могла взять съ собой въ дальнюю, незнакомую дорогу. Все остальное осталось тамъ дома и даже не дома, а у знакомыхъ въ темной и холодной комнатѣ.

И смотрѣла Оля свои открытки, кошачій кварталъ, и хороводъ русалокъ, и красную шапочку съ волкомъ, и карточку, гдѣ они всѣ съ папой, мамой и Димой на дачѣ пьютъ чай. Смотрѣла она и вспомнилась ей пѣсенка одна и зацѣла она дѣтскимъ своимъ, тоненькимъ голоскомъ:

— Цвѣтикъ мой въ лѣсу живетъ,
Цвѣтикъ мой въ лѣсу цвѣтегъ,
Колокольчикъ голубой, подъ сосной...
Лѣпшій цвѣтъ мой растопаль,
Лапою къ землѣ прижалъ,
Бѣдный цвѣтикъ голубой, подъ сосной...

И пока пѣла она, мать оглянулась на нее, и наполнились глаза ея, темные и усталые, слезами. И переглянулись родители. Острой болью рванула пѣсенка ихъ скорбныя души.

Дѣвочка маленькая, цвѣтикъ растоптанный — о себѣ поетъ.

А кругомъ, въ дешевой гостиницѣ, въ коридорѣ полутемномъ, гдѣ въ керосиновомъ чаду коптѣли лампы, хлопали двери, чужіе люди проходили, пробѣгали, говорили, смѣялись и никто не зналъ и не думалъ о цвѣтикѣ растоптанномъ, о дѣвочкѣ бездомной съ альбомчикомъ и пѣсенкой...

Много дней жили въ городѣ чужомъ, а папа все хлопоталъ о пропускѣ и объ отъѣздѣ. И уже мама съ Димой и Олей, бывало, послѣ обѣда, отправлялись гулять, какъ будто это дома было, гуляли долго до сумерекъ, и уже знали они, по какимъ улицамъ ходить, чтобы выйти на тотъ скверикъ, который полюбили дѣти.

На окраинѣ скверикъ былъ, на берегу рѣки, а на другомъ берегу, за изгибомъ синяго лѣса, возвышался бѣлый домъ, большой, какъ дворецъ.

Мама узнала гдѣ то, что это помѣщичій домъ польскаго графа, что владѣлецъ уѣхалъ, а въ домѣ неизвѣстно что — не то школа, не то управляющій живетъ — но только, какъ вечеръ наступалъ и солнце садилось, всѣ окна въ домѣ горѣли, какъ будто въ нихъ слюда горящая или пожаръ бездымный, и свѣгъ на равнинѣ и на берегахъ крутыхъ былъ розовый и веселый, весь скважистый и весенній. А на рѣкѣ въ тѣни льдины проплывали, грузныя и сизыя.

Насмотрѣвшись мама и дѣти шли домой, не домой конечно, а въ гостиницу «Ліонъ», но уже говорили всѣ: «идемъ домой». Потомъ пили чай, папа рассказывалъ о пропускѣ, о томъ, что онъ завтра пойдетъ къ самому коменданту, а потомъ мама штопала или возилась въ чемоданѣ. Дима смотрѣлъ на улицу, а дѣвочка Оля принималась за альбомчикъ.

Одинъ онъ у нея былъ свой домашній, знакомый.

Наконецъ, папа все досталъ и вечеромъ поѣхали на вокзалъ, на колесахъ. Свѣгъ почти совсѣмъ растаялъ, но было холодно, дулъ вѣтеръ и, когда проѣзжали мимо театра, гдѣ горѣли фонари, у одного толстаго господина вѣтеръ сорвалъ шляпу и онъ побѣждалъ за ней, размахивая палкой, а Дима и Оля звонко смѣялись.

Но на вокзалѣ уже не до смѣху было. Толкотня была, и крики и брань, носильщики ругались и жандармы, и всѣ, и во всѣхъ проходахъ, на лавкахъ, на узелкахъ и чемоданахъ сидѣли люди, чужіе, блѣдные, сердитые.

Въ большую залу, гдѣ было свѣтло и чисто, не пускали, тамъ былъ какой-то проѣзжій важный генералъ, выходили офицеры, небрежно козыряли, спѣшили и кричали что-то.

Папа ушелъ къ кому-то со своимъ пропускомъ, а мама съ Димой и Олей усѣлись на корзинкахъ въ проходѣ и всѣ поджимали ноги, чтобы ихъ не отдавили прохожіе.

А въ уголкѣ, у дверей уборной, куда постоянно проходили напудренные дамы въ шубкахъ, сидѣла, тоже на корзинѣ, старушка съ чайникомъ на колѣняхъ. И изъ всего вокзала только одна эта старушка показала дѣвочкѣ Олѣ доброй, ласковой и теплой.

Потомъ подошелъ усачъ въ формѣ, грубо проговорилъ что-то непонятное и ткнулъ сапогомъ въ одну изъ маминыхъ корзинъ. Мама поняла, что тутъ опять нельзя и надо убираться. Дима одну корзинку взвалилъ на плечо, другую хотѣлъ взять подъ мышки, но она выпала у него изъ рукъ и шнурокъ развязался. А тутъ прибѣжалъ папа и закричалъ, что ужъ поѣздъ гдѣ-то стоитъ и надо топиться сѣсть.

Дальше дѣвочка Оля ничего не помнитъ; ее толками, всѣ кричали, гдѣ-то ревѣли паровозы — ма-

ма взяла ее за руку потащила и она бѣжала, спотыкаясь, и плакала.

И долго это было, страшно было, холодно, крикливо, непонятно, а потомъ была теплушка, такой красный вагонъ, гдѣ раньше возили багажъ или скоть; теперь туда набили людей, сотню людей и всѣмъ было тѣсно, неудобно, холодно и враждебно.

Далеко гдѣ-то, въ туманномъ воздухѣ оттепельной ночи, протяжный и страшный прозвучалъ свистокъ и далеко впереди начали гремятъ и звякать буффера вагоновъ, все ближе и ближе, звякнули и ихъ буффера, и вагонъ пошелъ.

И только тогда люди въ теплушкѣ начали размѣщаться, сдвигаться, разсаживаться, и сдѣлалось какъ будто просторнѣе, и не всѣ уже были врагами другъ другу, а тутъ и тамъ ужъ заговорили, разсмѣялись и даже одинъ другому предлагалъ мѣстечко, спичку, папиросу... И только тогда замѣтила мама, когда снова начала пересчитывать вещи, что нѣтъ одной корзиночки, самой маленькой, корзиночки съ Олинымъ альбомчикомъ.

И по Олинымъ щечкамъ, уже высохшимъ было, снова потекли слезинки, чистыя, какъ росинки, какъ капли крови на ликѣ мученическомъ Распятаго.

— «Альбомчикъ мой», — всхлипывала она, — «альбомчикъ мой».

По рельсамъ мокрымъ, по снѣгамъ талымъ, въ ночь вешнюю уходилъ поѣздъ, длинный и темный...

И только папа измученный и мама усталая, да Дима полусонный знали, о чемъ плакала дѣвочка Оля.

О домикѣ своемъ, оставшемся далеко въ темнотѣ, о дѣтской кроваткѣ своей бѣлой, объ альбомчикѣ, потерянномъ, какъ все другое.

Все растопталъ лѣшій, все...

Бѣдный цвѣтикъ голубой!..

Третій.

Розказъ.

Это было давно ..

Я и одинъ мой пріятель, возвращаясь съ охоты проѣзжали мимо хутора Овсяницкихъ, о которыхъ шла странная въ округѣ молва. Было поздно, заря отгорѣла, небо обѣщало грозу — третью за этотъ пасмурный августовскій день. Мы промокли, устали, конекъ нашъ нехотя передвигалъ курчавыя отъ дождя ноги и косился умнымъ глазомъ на сѣрѣвшія въ ложбинѣ хуторскія строенія. До дому оставалось верстъ двадцать съ лишнимъ, и мы рѣшили переночевать у Овсяницкихъ, съ которыми нѣсколько разъ встрѣчались у сосѣдей.

Когда мы подъѣхали къ дому, въ немъ и около него было безлюдно. Въ открытыхъ настежь окнахъ колыхались и трепались по вѣтру бѣлыя полотна занавѣсей. На крышѣ, въ сгущавшихся сумеркахъ, тускло маячилъ одинокій флюгеръ и визжалъ желѣзнымъ, ржавымъ звукомъ. Подъ тополемъ, шелестя опавшими листьями и цѣпью, старая овчарка давилась лѣнливимъ, злобнымъ лаемъ. Конекъ нашъ радостно заржалъ. Тогда изъ дому выбѣжалъ лакей и попросилъ насъ войти.

Снимая въ передней ягдташи, ружья и намокшія куртки, мы услышали изъ столовой голосъ ста-

рика Овсяницкаго, спрашивавшаго докладывавшаго о насъ лакея:

— Кто такіе? Кто—о? Ахъ, эти... ну, попроси ихъ сюда!

Мы вошли. Послѣ привѣтствій, извиненій съ нашей стороны за безпокойство и всего обычнаго, что бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда насъ уже усадили за столъ и лакей разставлялъ передъ нами приборы, я взглянулъ на супруговъ. Онъ — старый, сѣдой, полный, обрюзглый, съ холодными и непріятно пытливыми глазами, которые все время будто спрашивали насъ:

— Что вамъ, собственно нужно?

Она — молодая, хрупкая, съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, въ которомъ, какъ черные бриллианты, горѣли темные и прекрасные глаза. Она тоже смотрѣла на насъ, но взглядъ ея молодыхъ и разбуженныхъ глазъ былъ преисполненъ радости, которую она тщетно старалась скрыть.

«Люди вошли — говорилъ ея взглядъ — живые люди, пахнушіе далекимъ вѣтромъ. Молодое вошло. Какъ хорошо, что вошло молодое...»

Намъ подали холодный ростбифъ, налили вина. Мы проголодались за долгій день, проведенный на воздухѣ, въ лѣсу, мы крѣпко ѣли и пили, радовались свѣчамъ въ канделябрахъ бѣлоснѣжной скатерти и черному огню въ глазахъ молодой женщины.

Овсяницкій о чемъ-то говорилъ. Объ охотѣ, о погодѣ и урожаѣ, о чемъ-то еще. Говорилъ, брюзжа, морща губы, будто нехотя, со скукой лаялъ, какъ та овчарка подъ тополемъ. Мы отвѣчали ему, мы говорили съ нимъ, но были мы только съ нею, только ею были странно встревожены и беспокойно осчастливлены наши чувства.

А послѣ ужина мы всѣ четверо вышли на веранду. Вѣтеръ улегся. Ночь была тиха, темна и безпокойна. За садомъ, надъ черной холмистой ли-

ней лѣса, вспыхивалъ блѣдный фосфоръ зарницъ. Гдѣ-то на дворѣ слышались прыгающіе, заглушенные разстояніемъ, взвизги гармошки. Крѣпко и терпко пахло засырѣвшей землей и травами. Овсяницкій говорилъ и по временамъ зѣвалъ, щелкая челюстями. Мы же трое молчали. Ночь давила и была полна тревоги.

Вскорѣ мы попрощались съ хозяйками и прошли въ отведенную намъ комнату. Мой пріятель быстро заснулъ. Мнѣ не спалось. Меня душили потолокъ, стѣны, ночь. Я не раздѣлся, а полулежалъ на кровати, какъ былъ, въ мокрыхъ и грязныхъ сапогахъ и только разстегнулъ куртку. Мнѣ было жарко и душно и страшно отъ жалости къ бѣдной женщицѣ съ черными брилліантами глазъ.

Все это бывало, можетъ быть, сто разъ, но сомной это было тогда въ первый и единственный разъ. И этотъ первый разъ и этотъ первый страхъ были сильны и крѣпки и молоды необъятно. Я всталъ, подошелъ къ окну и выскочилъ въ садъ.

Да, я встрѣтилъ ее, и мы пошли вглубь сада. Шли быстро, будто торопились куда-то. Черезъ черную стѣну ельника, окаймлявшаго садъ, устремились мы, и хвои царапали насъ и обрызгивали большими и потерпѣвшими каплями. А потомъ мы вышли въ поле, въ сѣрое пространство пожнива, въ широкій и страшный просторъ. Стали рядомъ. Снова поднялся вѣтеръ, а гроза и тучи ушли за лѣсъ, слившись съ нимъ плотной и клубистой громадой. Но громада тучъ и лѣсъ были далеко, и далеки были тихія зарницы, полосовавшія небо. Мы же были одни въ вѣтровомъ просторѣ.

— Вы слышите? — спросила она меня.

— Что?

— Нѣтъ. Вы не можете слышать. Голоса... тамъ кто-то есть. Мы не одни съ вами. Вотъ я сейчасъ крикну, и вы увидите...

Громко, звонко, всею силою своихъ легкихъ она крикнула:

— А—а—а! А—а—а—у—у!

Да, что-то отвѣтило. Эхо, конечно. По черной массѣ деревьевъ и тучъ пронесся странный и заглушенный стонъ. Не голосъ. Не отвѣтъ. Не отзвукъ. Мучительный стонъ. Будто раненый звѣрь въ дебряхъ бора. Умиравшій, агонизирующій звѣрь.

— Я каждую ночь кричу, — сказала она прислушавшись, — и каждую ночь получаю отвѣтъ. Кто-то есть еще ночью, кромѣ меня. Кто-то тоже не спитъ. А зачѣмъ? Скажите, зачѣмъ мы не спимъ? Развѣ не лучше спать, спа—ать, спать...

— Почему вы такъ говорите? — спросилъ я, чувствуя мертвящій страхъ. — Вы такъ молоды. Почему вы такъ говорите?

Я схватилъ ее за руку. На мгновение она прильнула ко мнѣ страстнымъ и горячимъ движеніемъ.

— Вы... — сказала она тихо. — Можетъ быть, вы? Вы или никто...

Но потомъ она рѣзко отодвинулась отъ меня и опять крикнула:

— А—а—а! А—а—а! А—у—у!

И опять стонъ отвѣтилъ ей.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорила она въ изступленіи. — Никто, ни вы, ни ктонибудь другой. Можетъ быть, я и люблю васъ нынче, но завтра я васъ разлюблю. А если нѣтъ... если нѣтъ .. черезъ двадцать лѣтъ вы будете такимъ, какъ мой мужъ. Ахъ, что я говорю! Уйдите! Прошу васъ... Слышите?

Но я не ушелъ. Я схватилъ ее въ свои объятія и покрылъ ея бѣлое лицо дикими и безмѣрными поцѣлуями.

Она позволила. Какъ бѣлый цвѣтъ, который безвольно отдается хлынувшему на него дождю. Потомъ она вырвалась и убѣжала. Я погнался за нею.

Это была страшная, звѣриная погоня. По поживу, по топямъ и болотамъ, спотыкаясь о пни и корни, гнался я за нею, забывъ весь міръ, и себя и свое имя и свое прошлое. Она, бѣлое пятно ея фигуры, ея развѣвавшійся на вѣтру платокъ были единственнымъ, на чемъ сошелся этотъ безумный часъ жизни.. Въ лѣсу я потерялъ ее. Изрѣдка она кричала. И на этотъ крикъ я, мокрый, грязный, исцарапанный хвоями срывался съ какого-нибудь пня, на который присѣлъ, или отдѣлялся отъ холоднаго ствола, къ которому въ изнеможеніи прислонился, и вновь бѣжалъ за ней, за этимъ одинокимъ крикомъ, заглушеннымъ лѣсною гущей.

Она была невѣсома, безтѣлесна и неуловима..

Потомъ прекратились ея крики. Потомъ насталь хмурый и тусклый разсвѣтъ. Я возвращался по хлопавшей подъ моими шагами топи, и душа моя была подобна пожарищу, на которомъ погасаютъ послѣднія искры.

Когда я подходилъ къ дому, я вдругъ остановился, пораженный. Въ окнѣ своей комнаты сидѣлъ старикъ Овсяницкій и дѣлалъ мнѣ какіе то знаки. Потомъ приложилъ палець къ губамъ и съ видомъ заговорщика прошепталъ:

— Идите сюда! Скорѣе!

Я подошелъ, какъ подъ гипнозомъ.

— Влѣзайте въ окно, тихонечно! Слушайте!

Я влѣзъ и прикорнулъ на подоконникѣ. Старикъ сидѣлъ у открытаго окна, въ халатѣ, и лицо его было изжелта сѣрое и страшное, какъ у мертвеца. Въ комнатѣ его былъ полусвѣтъ утра. На письменномъ столѣ догорала свѣча, колыхаемая вѣтромъ и вокругъ ея лиловато-янтарнаго пламени вздыблялись лоснящіяся сосульки стеарина. Надъ кроватью сѣрѣла серебряная рукоятка стариннаго кинжала.

— Я знаю, откуда вы идете, — сказалъ старикъ. — Это такъ естественно, что вамъ понрави-

лась моя жена. Мнѣ она тоже когда-то правилась. Но моя жена — сумасшедшая, вы это замѣтили? Она ищетъ третьяго въ поляхъ и въ лѣсу, а между тѣмъ этотъ третій здѣсь — вы понимаете, здѣсь... Вотъ въ этой комнатѣ. Или въ той — это безразлично. Вы чувствуете?

Онъ провель рукой полукругъ, а потомъ продолжалъ:

— Здѣсь. Вы думаете, что мы съ вами вдвоемъ? Нѣтъ... здѣсь — третій! Я не знаю, гдѣ — въ углу на шкафу подъ кроватью, можетъ быть, въ ящикѣ письменнаго стола... Но онъ подслушиваетъ. Онъ знаетъ все, что съ нами дѣлается. Вотъ мы говоримъ, да — а онъ гдѣ то качаетъ головой и не согласенъ съ нами. Ахъ, онъ всегда несогласенъ. Часто, ночью, когда мнѣ еще хоропо, я сижу одинъ и читаю. Вы знаете — у меня пристрастіе къ Овидію. Я читаю его Метаморфозы и глотаю каждое слово, какъ ягоду спѣлаго винограда или какъ какую-нибудь остендскую устрицу. И вдругъ онъ скажетъ: Григорій Овсяницкій! Гри-го-рій Ов-ся-ницкій! Только имя и фамилію. И довольно. Конечно! Я знаю, что я не имѣю права наслаждаться гекзаметрами Овидія, потому что онъ, третій, этого не хочетъ... Я и моя жена — мы двое, а онъ третій. И мы безсильны передъ нимъ. Онъ скомкалъ и изуродовалъ всю нашу жизнь. Онъ вездѣ и всюду. Теперь я развалина, но лѣтъ пять тому назадъ я еще жилъ съ своей женой — вы понимаете? И вотъ въ самую острую минуту тѣлесной радости и тѣлеснаго восторга, онъ вдругъ покачаетъ головой: «Зачѣмъ вы это дѣлаете?» И конецъ! Не могу больше. Пропаль. Жена мнѣ кажется проституткой, гетерой, фуріей, омерзительной до тошноты. А постель, теплая подушка, надушенный атласъ одѣяла вызываютъ гадливость, какъ куча слизняковъ или жабъ... Насъ приглашаютъ сосѣди, я надѣваю фракъ, чтобы ѣхать на званый ужинъ, смотрюсь

въ зеркало: тщательно ли я побрился — и вдруг онъ захихикаетъ, я даже не знаю, гдѣ и откуда — изъ рукомойника, изъ флакона одеколона, изъ запонки, просто изъ моего стараго беззубаго рта: «Хи-хи-хи! Тоже еще! Куда это ты собрался? Кому это нужно? Сиди ужъ дома, да жди, покуда подохнешь. Ужъ недолго!» Вы понимаете? Жена ждетъ третьяго гдѣ-то за гумномъ и думаетъ, что онъ ей принесетъ жизнь, а я знаю, что этотъ третій уже есть и никакой жизни не принесетъ, а смерть... Самую неприглядную и жуткую смерть... Оскаль зубовъ... безглазые провалы... лысый череп...

Онъ вдругъ привсталъ и замахалъ рукой, будто отмахиваясь отъ кошмара. И прошипѣлъ старческимъ шопотомъ:

— Вонъ тамъ — за дверьми... близко... сейчасъ войдетъ, сейчасъ, нажметъ ручку... третій! Гнилой весь... лысый. Всемогушій. Ха-ха-ха! Вы чувствуете, молодой человекъ? Ощущаете? Ха-ха-ха!

Я спрыгнулъ съ подоконника и убѣжалъ.

*

Когда мы съ товарищемъ уѣзжали съ хутора, день былъ горячъ, румянъ и полонъ звуковъ. Свѣрый разсвѣтъ принесъ погожее и свѣтлое утро. Лѣнливо лаяла овчарка. Весело ржалъ нашъ гнѣдой конекъ. Возлѣ хуторскихъ службъ виднѣлись люди — сермяжные, босые люди. А у колодца, на лужку, стояли двѣ бабы и раскатисто, широко и зычно смѣялись, глядя на насъ. Старый, мшистый журавль, пища, поднимался въ голубую высь безоблачнаго неба. Бабы подняли ведра и, расплескивая воду и сверкая загорѣлыми икрами, побѣжали по просохшей травѣ съ полей плыль длинный и острый гудъ молотилки...

Сила мечты.

1.

Комната Альфонса была на шестомъ этажѣ, подъ самымъ чердакомъ. Только и было въ ней обстановки, что столъ, стулъ, кровать, этажерка, піанино, да примусъ, да сковородка и двѣ чашки, унаслѣдованныя отъ тетушки Розаліи. А надъ піанино порыжѣлый эстампъ: Шопэнъ, играющій у князя Радзивила. И когда вечернее солнце, остановившись на время надъ стекляной крышей сосѣдняго фотографическаго ательэ, бросало косые и розовые лучи и въ Альфонсину комнатку, оно любовно и подолгу освѣщало именно пылевенькій эстампъ, будто приглашая піаниста всмотрѣться и почерпать вдохновенія на продолженіе тернистаго пути.

Ахъ, тернистый былъ путь: гаммы, уроки, лоснящаяся визитка, дырявое бѣлье, жиденскіе обѣды въ кухмистерской «Викторія», пустота въ карманѣ, пустота въ желудкѣ. Только и было, что молодость — двадцать три года — да смазливое лицо, смуглоцыганское, да гвардейскій ростъ и исполинскія руки, которымъ ничего не стоило пробѣжаться по всей клавиатурѣ въ дэцимахъ — только и всего..

Нынче Альфонсъ вернулся съ концерта, который давалъ въ залѣ Филармоніи его живой кумиръ — мертвымъ былъ Шопэнъ — піанистъ Антонъ

Ховарда, гениальнѣйшій изъ гениальныхъ. И какъ пришелъ Альфонсъ въ свою комнату, зажегъ свѣчу, увидѣлъ, пианино, крамеровскіе этюды, застывшій въ пепельномъ маслѣ бигосъ на — примусѣ — задрожалъ звѣриной дрожью отъ тоски.

— Не могу больше, — рыдалъ и думалъ онъ, и думалъ и рыдалъ — не могу больше... Я большой и красивый, а Ховарда малый да щуплый, но я такой несчастный, а онъ такой счастливый... Милая небесная Дама, пусть я буду такой куцей и щуплый, какъ Ховарда, но дай мнѣ его геній, его технику, его игру. Сотвори чудо, перевоплоти насъ, я дамъ ему молодость и красоту, а онъ пусть дастъ мнѣ свой талантъ. Онъ — богатый, онъ будетъ жить одновременно въ трехъ своихъ виллахъ, въ Каннахъ, въ Констандѣ и... не знаю, гдѣ еще, въ Нью-Йоркѣ, на пятомъ Авеню, все равно, такой молодой и смазливый, какъ я... А, я — пусть у меня будетъ нервный тикъ, и лысина, и подагра, и 49 лѣтъ за плечами, но я хочу играть сонату Листа такъ, какъ онъ... и шумановскій Карнаваль... Хоть одинъ вечеръ, на одномъ концертѣ, а тамъ пусть умру, все равно... Слышать ревъ тысячной толпы, видѣть, какъ двѣ тысячи глазъ упиваются тобою, какъ дурманомъ какойнибудь экзотической туберозы; какъ тысячи душъ боготворятъ тебя, какъ небесную радугу, засіявшую изумрудами и рубинами... дай, дай, милая небесная Королева, сладчайшая Дама, величайшая Заступница...

Свѣча погасла, исчезъ Крамеръ на щюпитрѣ пианино, эстампъ, бигосъ, исчезла пыль и веряшливость монсарды. Поплыла темень, чародѣйная, ворожащая темень...

2.

Заголубѣлъ день и солнце засіяло на стеклянной крышѣ фотографа. Бросило дрожащій, лучис-

тый щить на занозистый полъ мансарды. Альфонсъ проснулся, открылъ глаза, потянулся — и удивился. За ночь выросла кровать. Онъ, бывало, какъ потянется по утрамъ — непременно прободаетъ простыню длинньми своими, мускулистыми ногами, да и вонзится пятками въ этажерку, что стоитъ въ пяти вершкахъ отъ кудой его кровати, чувствуя, какъ мансардный холодъ охватываетъ его голыя ноги. Нынче не то, нынче пятки его мирно покоятся подъ одѣяломъ и даже не достають изножья. Что за чертъ? Вскочилъ съ кровати — что такое, куда дѣлись его длинныя ноги, его богатырский торсъ?... онъ ростомъ съ піанино, не больше... Навожденіе, сонъ на яву?! Провелъ по лицу, по волосамъ — гдѣ его патлы кудрявыя — лобъ безконечный, и только на самой макушкѣ какая-то жиденькая шерсть. И взглянувъ въ зеркальце, онъ ужаснулся окончательно.

Морщины подъ глазами, лицо землистое, голова наполовину лысая — постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Весь испариной такъ и покрылся, сѣлъ, въ изнеможеніи, на единственный свой стулъ у піанино — и вдругъ острая, безумная мысль прожгла мозгъ. Вчерашній вечеръ, концертъ, а потомъ комнатуха его убогая, бигось, отчаяніе и шалая его мечта, страстная мольба передъ небесной Королевой о чудѣ.. Не можетъ быть?!

Поднялъ крышку піанино — передъ нимъ черная и бѣлая рябь клавиатуры, такая привычная, какъ ежедневныя гаммы, такая тошная и никчемная для него, никчемнаго, и такая чародѣйная по мечтѣ... Поднялъ руки и вдругъ заигралъ «Преамбюль», первую сцену шумановскаго Карнавала... Никогда не зналъ на память, не мечталъ постичь — и вдругъ вотъ она, живая, блестящая, вылившаяся въ величайшее совершенство, чеканная, ласкающая, непостижимо-прекрасная... А потомъ »Пьерро«, а потомъ «Арлекинъ», и «Вальсъ нобль», и дальше,

дальше... Милая небесная Дама, это ты, твоя улыбка улыбнулась земному нищему, твое лазурное око засіяло надъ пылью будней, надъ сквернами голода, гаммъ, безталанности, надъ паутиной чердачной комнатухи, надъ слѣпотой кривого окошка, надъ жалкимъ солнцемъ фотографическихъ стеколъ...

Играль Альфонсъ, постарѣвшій и помолодѣвшій въ одно утро, играль, и плакаль, и благодариль небесную Заступницу, и вѣрилъ въ чудо обманное.

3.

Великій піанистъ Ховарда провелъ утро не безъ пріятности. Когда старый лакей Казимиръ, сопровождавшій его на всѣхъ концертныхъ поѣздкахъ, доложилъ ему, войдя въ затемненный бархатными занавѣсами номеръ, что утренній душъ его готовъ, Антонъ Ховарда, проснувшись, вспомнилъ вчерашній аншлагъ у кассы и сообщеніе импрессаріо, что и на нынѣшній вечеръ всѣ билеты проданы—онъ съ радостью потянулся на мягкой—гостиница Бристоль—кровать и вдругъ бухнулся пятками въ лоснящееся, изножье краснаго дерева.

— Бумсъ!.. такъ что даже пальцы хрустнули отъ неожиданности. Хмъ?—подумалъ онъ,—гостиница первоклассная, а кровать даже на мой ростъ мала... Переѣду въ Европейскую...

Накинувши халатъ, прошелъ въ ванную комнату—и опять, не рассчитавъ, больно стукнулся о дверной косякъ теменемъ. Даже остановился, удивленный. Снялъ халатъ, шелковую рубаху, сталъ, какъ каждое утро, передъ зеркаломъ, чтобы полюбоваться знаменитымъ своимъ лицомъ, лысиной, руками—не менѣе знаменитыми, чѣмъ даже наполеоновскія...

Францискъ Ассизскій, Антоній Падуанскій, да что-же это такое?! Ослѣпительный юноша стоялъ передъ нимъ, такой, какимъ онъ никогда и не былъ, даже лѣтъ тридцать тому назадъ. Большой, мускулистый, стройный, съ румянымъ лицомъ безъ единой морщинки, съ цѣлой копной кудрявыхъ каштановыхъ волосъ. Всматривался, вглядывался, то въ зеркало, то въ самого себя, трогалъ упругую кожу, а потомъ ударилъ себя по ляшкамъ и подпрыгнувъ козломъ, такъ что чуть было не треснулъ головой о кафельный потолокъ ванной.

Ко всѣмъ ласкамъ судьбы еще и эта — даръ сладчайшій, неожиданный и непостижимый. Откуда, какимъ образомъ?! Говорятъ, послѣ тифа или чего-то такого сильно растутъ, но вѣдь онъ-же не болѣлъ, вчера давалъ концертъ, вчера былъ лысый и куденькій, съ брюшкомъ, съ морщинками, а нынче... Всматривался онъ — и опять подпрыгнувъ козломъ Все равно, какъ-бы тамъ ни было, онъ помолодѣлъ на тридцать лѣтъ и нынче, на концертѣ, публика ахнетъ...

— Хмъ... на концертѣ?... Но какъ-же я выйду такимъ къ публикѣ... Никто и не узнаетъ, пожалуй потребуютъ обратно деньги, скажутъ — подмѣнили пианиста... Пожалуй, неловко даже... Антоній Падуанскій, вотъ оказія!..

За дверью осторожно кашлянулъ лакей.

— Что такое, Казимиръ?

— Ничего, баринъ... больно вы долго моетесь нынче... Васъ и по телефону уже спрашивали...

— Хмъ!.. Я сейчасъ...

— ...«Моетесь... Онъ ни однимъ пальцемъ даже и не окунулся еще въ воду... А что скажетъ лакей, а что скажутъ всѣ другіе, импрессарио, секретарь, знакомые, друзья?.. Всѣ остальные — какъ прежде, и только онъ одинъ будто маску надѣлъ и на ходули влѣзъ. Да не виновать-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, а тѣ пусть привыкають... И вѣдь не къ худ-

Ему-же онъ перемѣнился, а къ лучшему... Эдакій бравый да рослый, что у дамъ слюни потекутъ... Да къ тому-же еще и геній...

Царица Небесная, да теперь весь міръ у его ногъ, вся Европа и вся Америка, всѣ столицы, вся радость и сладость любви, весь блескъ и вся жизнь... А что ему сорокъ девять лѣтъ—этому никто не повѣритъ»...

И, глотая слюну отъ восхищенія собою, окунулся онъ въ надушенную Маріей Фариною воду, уже нѣсколько похолодѣвшую—и вытянулся во весь ростъ, такъ что, отъ непривычки, опять стукнулся пятками о мраморные края ваввы. «Ой»; взвизгнулъ онъ и съ наслажденіемъ засмѣялся...

4.

Стрѣлки времени подвинулись только на часъ впередъ, а перемѣны за этотъ промежутокъ произошли большія.

Ховарда, умывшись, направился въ спальню одѣваться. Еще разъ взглянулъ въ зеркало и самодовольно улыбнулся: халать, доходившій ему до пяты, еле-еле прикрывалъ его колѣни и эдакія здоровыя торчали изъ-подъ него ноги мускулистыя да футбольныя. Но какъ началъ одѣваться—нѣсколько приунылъ.

Ни бѣлье, ни платье не подходили къ его измѣнившемуся росту. Взбѣшенный погрузился онъ въ нѣдра своего платяного шкафа, роясь какъ такса въ свѣжевскопанной грядкѣ, комкая брюки, жилетки, пиджаки, выбрасывая все это, нелѣпо короткое для его роста, на пепельно-цвѣтной коверъ гостиничной спальни.

Казимиръ, вернувшись откуда-то и зайдя въ спальню піаниста—остолбенѣлъ, схватившись ру-

кой за бархатную портьеру и дико уставившись на незнакомаго юношу, роющагося въ барскомъ добрѣ.

— Воръ!.. пронеслось въ его мозгу и, такъ какъ онъ былъ человѣкъ рѣшительный и испытанной вѣрности къ своему знаменитому господину, онъ, ни мгновенья не промедливъ, подскочилъ къ юношѣ и схватилъ его за шиворотъ.

— Я аааа тебѣ! — прошипѣлъ онъ, тыча лохматой головой незнакомца по кучѣ разбросаннаго имъ бѣлья и платья, опять-таки подобно тому, какъ поступилъ-бы хозяинъ таксы разрывшей клумбу въ его саду.

— Какъ забрался сюда, каналья, а?!

Глаза, полные ужаса и мольбы уставились на него.

— Казимиръ, Казимиръ, голубчикъ, это я, я... Ховарда... Ей Богу — повѣрь мнѣ!.. Казимиръ, голубчикъ, я знаю, что ты меня не узналъ... я и самъ себя не узнаю, я не знаю, что со мною случилось и почему я такъ перемѣнился за одну ночь... во это, честное слово, я... я... Ховарда!..

Казимиръ опустилъ руку, больно сжимавшую господскій затылокъ и остался стоять съ разинутымъ ртомъ. отъ лившейся съ лицъ обоихъ, господина и слуги, наполнилъ-бы добрую кукольную ванну, если бы какой-нибудь досужій наблюдатель попытался бы собрать его.

А полчаса спустя Ховарда шеголялъ въ старомъ Казимировомъ костюмѣ, лѣтнемъ, гороховомъ съ крапинками. Смотрѣлся въ зеркало и оба они, и Ховарда, и Казимиръ, поминутно прыскали со смѣху.

— И какимъ образомъ?.. И откуда?.. И за одну ночь!. Чортъ его знаетъ!.. — говорили они на всѣ лады и не могли прійти ни къ какому заключенію.

Опять звонилъ телефонъ и импрессарио изъ концертнаго бюро спрашивалъ, что нынче пойдетъ первымъ номеромъ — Бахъ или Бетховень? И

тогда только Ховарда вспомнил о сегодняшнем концертѣ и въ ужасѣ побѣжалъ въ гостиную, къ роялю. Ему почему-то вдругъ показалось, что онъ изъ сегодняшней программы не знаетъ ни одной ноты, такъ разволновалъ его утренній непостижимый сюрпризъ.

Онъ поднялъ крышку рояля, сѣлъ передъ клавиатурой и, взглянувъ на нее, какъ онъ это всегда дѣлалъ передъ тѣмъ, какъ начать играть — онъ вдругъ понялъ, что ничего не знаетъ... ничего. Клавиатура лежала передъ нимъ, какъ мертвая, какъ книга на чужомъ языкѣ. Мурашки пробѣжали у него по спинѣ. Онъ провелъ рукой по лбу... навожденіе?..

Хроматическая фантазія Баха... сказалъ онъ себѣ и зналъ какимъ-то подсознаніемъ, что начинается она съ фортиссимо короткимъ пассажемъ лѣвой руки, который сейчасъ-же схватывается правой, чтобы затѣмъ опять перейти къ лѣвой — это волнообразное движеніе составляетъ одну изъ главныхъ характерныхъ чертъ безсмертной фантазіи.

Но гдѣ она, откуда, съ какой ноты?.. Тыча по клавиатурѣ громадными, чужими, неопытными пальцами, онъ приходилъ въ ярость, бѣшенство, не знавшія границъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу... Трудъ всей жизни, достиженія тысячъ часовъ проведенныхъ у этой клавиатуры въ упорной, каторжной работѣ, знакомой только виртуозамъ — гдѣ они?! Уплыли, исчезли, замѣнены смазливой рожей и исполинскимъ ростомъ, ненужнымъ ему и смѣшнымъ для него. Какъ-же это можетъ быть, когда же подобное бывало...

Съ трескомъ захлопнувъ крышку рояля, онъ всталъ, шатаясь. — Мистификація... шепталъ онъ и губы его тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

Онъ подошелъ къ телефону и объявилъ импрессарию, что по недомоганію онъ нынче не въ

состояннїи дать концерта, который откладывается на неопредѣленное время. Онъ просить агента взять на себя всѣ хлопоты, но ему нуженъ покой и онъ никого не принимаетъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ нѣсколько успокоился: «Вернется! — утѣшалъ онъ себя, иначе быть не можетъ»... А теперь подальше отсюда, куда нибудь... здѣсь оставаться невысказано, здѣсь онъ сойдетъ съ ума...

— Казимиръ! — крикнулъ онъ и, когда тотъ вбѣжалъ въ гостиную, продолжалъ: — вотъ, братецъ ты мой, штука... (онъ покрутилъ въ воздухѣ пальцами) — не идутъ... Ухнуло, капутъ... Отвынѣ я не пианистъ, а такъ что-то коломенская верста безталанная... Чортъ его знаетъ... чортъ его знаетъ!

И онъ покачалъ головой, отчего прядь его лохматыхъ волосъ легла на его смуглый юношескій лобъ. Потомъ продолжалъ, обращаясь къ Казимиру:

— Вотъ что... Я уѣзжаю въ Санъ-Доминикъ... это два часа ѣзды. Тебя не беру съ собою. Буду съ однимъ чемоданчикомъ и въ твоёмъ гороховомъ костюмѣ. Тамъ буду дышать морскимъ воздухомъ, и ждать, пока ко мнѣ не вернется моя лысина. И моя техника... А ты, братецъ, сиди тутъ и — никому ни слова... Понимаешь — ни полслова...

— Понимаю! — сказалъ растроганный лакей — слушаюсь... Поѣзжайте себѣ и да поможетъ вамъ непорочная Дѣва. Только... только ужъ... дозвольте слово сказать... пусть лысина-то къ вамъ не вернется, потому что такой, безъ лысины... вы такой красивый!..

И онъ, изогнувшись, подбѣжалъ къ своему господину и звонко чмокнулъ его въ румяныя губы.

5.

А въ это время Альфонсъ такъ заигрался, что не замѣтилъ, какъ пролетѣло время. Какъ вско-

чилъ въ одной рубахѣ и босой, такъ и сидѣлъ онъ передъ старенькимъ своимъ пианино и упивался слетѣвшимъ къ нему божественнымъ даромъ.

...Голубыя дали потусторонняго открывались передъ нимъ, невидимый фіалъ искусства разливалъ надъ нимъ благоуханный елей вдохновенія, лазоревая райская птица колыхала вокругъ него чародѣйными крылами-опахалами... Что-бы ни вспоминалось ему изъ Баха, Шопэна, Листа — волшебные пальцы его собирали по пожелтѣвшимъ клавишамъ жемчужины звуковъ, бисерныя четки пассажей, громовые взлеты октавныхъ бурь, пѣвучую сладость проникновенныхъ кантиленъ... Возникало, вставало, ширилось чудо, пѣвучее, нежданное, неповторимое...

И только, когда въ сосѣдней часовнѣ святой Жозефины торопливые часы пробили полдень, онъ пришелъ въ себя. Всталъ, блѣдный отъ волненія, поднялъ привычнымъ движеніемъ руки, чтобы вонзиться пятерней въ густые свои русые волосы... и наткнулся на лысину, далеко открывавшую лобъ. Улыбнулся.

— Я — Ховарда... подумалъ онъ, — и буду имъ, имъ однимъ... Пойду на улицу и все будетъ иначе... Всѣ разступятся предо мною, какъ передъ богомъ, и нынче вечеромъ я буду играть въ Филармоніи... Скорѣе, скорѣе начать этотъ волшебный день, эту драгоцѣнную жизнь..

И тутъ-же онъ наткнулся на первое препятствіе: брюки, которые онъ натянулъ съ поспѣшностью, охватывали его тощія ноги, какъ складки гармошки, вздыблялись у подъема колоколами а ботинки уподоблялись на его маленькихъ ногахъ неуклюжимъ валенкамъ... И такъ все: манжеты нависали на пальцы, а визитка доходила до икръ. Обезсиленный и взбѣшенный, онъ опустил на стулъ.

— Какъ это скучно, подумалъ онъ, быть та-

кимъ маленькимъ и щуплымъ!.. Человѣчекъ, а не человѣкъ... Да?! загрохотала въ мозгу противодѣйствующая мысль — человѣчекъ, который такъ играетъ?.. Не человѣчекъ, а богъ, слышишь-ли, Альфонсъ, богы!.. И ты будешь трижды дуракомъ, если ты хоть разъ еще подумаешь о такихъ пустякахъ, какъ малый ростъ и лысина. Не въѣшность — духъ главное, духъ генія!..

Приведя себя такимъ образомъ въ равновѣсіе, онъ сейчасъ же почувствовалъ благотворность такого состоянія: онъ вспомнилъ о старомъ фракѣ, брюкахъ, пальто и цилиндрѣ и еще какихъ-то мелочахъ, доставшихся ему отъ покойнаго дяди Павла, мужа и тетушки Розалии, погибшаго, какъ и она, при автомобильной катастрофѣ. Гдѣ, бишь, они?.. Вотъ на шкафу узелокъ весь въ пыли, забытый имъ и казавшійся ненужнымъ хламомъ... Полѣзъ на кровать, на желѣзную спинку, потянулся и съ трудомъ досталъ, весь перепачкавшись въ пыли, узелокъ. И непріятную отъ движенія почувствовалъ ломоту въ спинѣ и боль въ большемъ пальцѣ правой ноги... Хмъ... подагра?..

Но когда открылъ узелокъ и увидѣлъ прекрасно сохранившіяся дядины платья — забылъ и боль, и ломоту. Одѣлся — платью пришлось какъ разъ въ пору — сталъ передъ зеркальцемъ и ахнулъ: Ховарда стоялъ передъ нимъ, живой кумиръ его.. Теперь, во фракѣ, съ бѣлымъ галстукомъ, это былъ соскочившій съ концертной эстрады знаменитый піанистъ, весь, до мельчайшей складки на лицѣ, до легкой сѣдины въ вискахъ, до насмѣшливаго, самоувѣреннаго взгляда большихъ сѣрыхъ глазъ, до характернаго, нервнаго подергиванія бритыхъ губъ...

Надѣвъ дядино пальто и цилиндръ, Альфонсъ крадучись вышелъ изъ своей комнатки. Онъ боялся быть замѣченнымъ многочисленными обитателями квартиры, среди которыхъ — онъ это зналъ

многіе бывали на концертахъ піаниста и, конечно, знали его въ лицо. Судьба благопріятствовала ему: онъ пробрался, незамѣченный никѣмъ, въ переднюю и выскочилъ на лѣстницу.

Гдѣ то, уже въ предѣлахъ второго этажа, встрѣтились ему полная дама съ молодой бѣлокурой дѣвушкой. Обѣ онѣ такъ и впились въ него глазами и, какъ только онъ спустился нѣсколько ступенекъ ниже, онъ услышалъ за собою звонкій шопоть дѣвушки «Ховарда!..»

Онъ улыбнулся и слова дѣвушки потекли по его сознанию благовеннымъ елеемъ.

И вотъ онъ на улицѣ. Закурилъ папиросу, идетъ, какъ всѣ. И жадно ждетъ взглядовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе онъ уловилъ на лѣстницѣ. Но тутъ, въ сутолокѣ большой столичной улицы, ихъ нѣтъ. Онъ — господинъ, который, очевидно, отправляется на банкетъ, на юбилей, на торжественное засѣданіе, на похороны, наконецъ... потому что онъ теперь, въ утренніе часы — во фракѣ и въ цилиндрѣ. Но такіе въ большинствѣ, проѣзжаютъ въ автомобиляхъ или экипажахъ и не идутъ пѣшкомъ... Эта мысль пришла ему внезапно и смутила его. Лучше вернуться домой и переодѣться... да, но во что?.. На автомобиль-же, пожалуй, у него не хватитъ денегъ.. А кромѣ того — куда-же онъ поѣдетъ?..

Да и вообще — нынче второй концертъ Ховарды, объ этомъ можно прочесть на всѣхъ афишныхъ столбахъ. Какого же Ховарды, чертъ его дери?.. Неужели-же тотъ, настоящій, все еще есть и такъ-же играетъ, какъ онъ, Альфонсъ?.. Путаясь въ этомъ лабиринтѣ противорѣчивыхъ мыслей, онъ вдругъ почувствовалъ острый голодъ и вспомнилъ что еще ничего не ѣлъ съ утра. Хмъ... зайти, развѣ въ кофейню выпить кофе?..

Не долго думая, онъ зашелъ въ первое попавшееся кафэ. Сѣлъ у окна, заказалъ кофе съ бу-

лочками. Лакей, подававшій ему, пристально взглянул на него — или это ему только такъ показалось?.. На мраморномъ столикѣ лежалъ свѣжій, только что полученный номеръ самой распространенной дневной газеты. Онъ развернулъ его и, не интересуясь ни французской Палатой, ни новымъ британскимъ премьеромъ, отыскалъ отдѣлъ театра и музыки. И прочелъ первую-же замѣтку, напечатанную крупнымъ шрифтомъ:

«Сегодняшній концертъ піаниста Ховарды откладывается, по случаю недомоганія знаменитаго артиста, на неопредѣленное время. День концерта еще не назначенъ. Билеты, взятые на...» и такъ далѣе.

Молніеносная мысль прорѣзала его мозгъ: все идетъ, какъ онъ просилъ у небесной Заступницы — Ховардинъ гевій, ростъ его, и наружность, перешли къ нему, Альфонсу... Тотъ же, настоящій Ховарда, очевидно потерялъ свой даръ, разъ онъ такъ внезапно и на неопредѣленное время откладываетъ свой концертъ... Недомоганіе... вчера же онъ былъ еще совсѣмъ здоровъ... Нѣтъ — это предлогъ, надо же какъ-нибудь объяснить публикѣ..

О, дивная Заступница, о сладчайшая небесная Лама, будь благословенна во вѣки!

Отъ волненія онъ не въ состояніи былъ допить свой кофе. Мысли кувыркались въ его мозгу, какъ телята на весеннемъ лугу, какъ ошалѣвшія струйки мартовскаго половодья. Здѣсь, въ столицѣ, онъ не можетъ играть... Но играть онъ долженъ — можетъ быть завтра чудесная мистификація разсѣется, какъ дымъ, и онъ проснется снова длиннымъ, лохматымъ, безталаннымъ парнемъ. . Да, да онъ будетъ играть... но гдѣ? И тутъ-же, вдругъ и спасительно, возникъ отвѣтъ: Санъ-Доминикъ... это самый модный, самый фешенебельный приморскій курортъ и теперь, въ августѣ, тамошній сезонъ въ

разгарѣ... Да, такъ надо, такъ рѣшилъ импульсъ и ему надо повиноваться слѣпо и безповоротно...

Расплатившись, онъ всталъ и торопливо выпелъ изъ кафэ, почти забывъ, что онъ не юноша больше, а пятидесятилѣтняя маститая знаменитость. А полчаса спустя, собравъ всѣ свои скудныя сбереженія, онъ уѣхалъ въ таксомэтрѣ на Южный вокзалъ и еле-еле поспѣлъ къ двухчасовому поѣзду, отходившему въ Санъ-Доминикъ.

6.

Зеркала отражали его и въ профилъ, и спиной, этого толстаго, самодовольнаго импрессаріо Блюменфельда съ рыжей холеной бородой, котораго Альфонсъ вызвалъ изъ концертнаго бюро въ Асторію и принималъ въ одномъ изъ салоновъ, прилегающихъ къ вестибюлю. А звуки, лившіеся изъ его круглаго, румянаго рта, казалось тоже отражались зеркалами, а потомъ отскакивали отъ ихъ блестящей поверхности какъ маленькія благозвучныя петарды: Ааа... Ооо... Уууу...

Онъ говорилъ, захлебываясь:

— Какъ-же, какъ же, я имѣлъ честь сопровождать васъ, Антонъ Романовичъ, по западной Россіи, наши концерты были въ Кіевѣ и въ Вильнѣ, и въ Вагшавѣ... А потомъ вы брали меня съ собою въ Румынію и Австрію — помните концерты въ Букагестѣ, Вѣнѣ и Ислѣ... Иплъ я живо воскгешу въ вашей памяти, Антонъ Романовичъ, если напомню вамъ гьяфину Эстегъязи, которой вы изволили заинтересоваться... помните, рыжую очаговательную даму, гьяфину Клару Эстегъязи?

Но Альфонсъ, не только не помнившій никакой графини Эстергази, но видѣвшій самого Блюменфельда впервые въ жизни, поспѣшилъ перейти на другую тему, на сегодняшній концертъ въ залѣ

Казино. Программа — отмененнаго въ столицѣ концерта, а больше онъ ничего не скажетъ, такъ какъ безмѣрно усталъ...

И Альфонсъ, откинувшись въ креслѣ, полузакрывъ глаза, что въ связи съ общимъ его обликомъ знаменитости, получилось у него очень эффектно. Блюменфельдъ заговорилъ тономъ ниже и медлѣннѣе, умѣло подчиняя какъ модуляцію, такъ и динамику голоса настроеніямъ знаменитаго пианиста.

— Я не смѣю васъ больше тревожить, Антонъ Романовичъ, увидимся нынче въ 8 часовъ въ большомъ залѣ Казино.. Все остальное — мое дѣло.. О, это такое неожиданное, такое непредвидѣнное счастье для Санъ-Доминика — вашъ сегодняшній концертъ. Проглявъ въ газетѣ о вашемъ внезапномъ недомоганіи, я пгедавался самымъ мгачнымъ мыслямъ.. И вотъ вы пгедо мною, такой-же, какъ всегда.. Но я молчу, молчу.. Вы устали.. Вамъ нуженъ абсолютный покой!.. И я лечу, лечу.. Только еще одно малюсенькое техническое пгимѣчаніе: въ залѣ — Бехштейнъ, а здѣсь къ вашимъ услугамъ вотъ этотъ маленькій Стенуэй.. Я лечу, лечу.. Итакъ, до вечера, маэстро.. Ничайшее почтенье...

Петарды замолкли. Рыжая холеная борода скрылась за портьерой. Альфонсъ всталъ, потянулся. Онъ волновался. Онъ волновался, какъ школьникъ передъ экзаменомъ. Ему все казалось, что онъ ничего не знаетъ, что нынче вечеромъ, на эстрадѣ, мистификація разсѣется и дѣло окончится небывалымъ скандаломъ.

Стенуэй.. вотъ онъ.. Мечта его жизни.. Ему страшно подойти, ему кажется кощунствомъ дотронуться до этого упоительнаго бѣлаго и чернаго лоска незапятнанныхъ клавишъ, коснуться этой холодной слоновой кости, передать драгоцѣнному металлу этихъ струнъ слова любви и страха,

мечты и страданія, страсти и восторга... Эхъ, была не была... И, тряхнувъ головой, какъ это онъ дѣлалъ раньше, чтобы отбросить ото лба нависшую прядь волосъ, онъ сѣлъ къ роялю и заигралъ

Дама въ горностаевомъ палантинѣ, проходившая по вестибюлю, остановилась и прислушалась.

— Кто это?... — спросила она лакея въ коричневой ливреѣ.

Это піанистъ Ховарда, княгиня... — отвѣтилъ тотъ.

Уже въ четвертомъ часу по бульварамъ и улицамъ моднаго курорта заблѣли свѣжія, лоснящіяся афиши, возвѣщавшія объ одномъ единственномъ концертѣ Антона Ховарды.

Сандоминиканская публика, это озеро, собранное по каплямъ изъ всѣхъ королевствъ и республикъ міра, каплямъ самымъ холенымъ, изысканнымъ и благоуханнымъ, этотъ фестифаль изъ жизнерадостныхъ представителей верхушекъ, гдѣ рядомъ съ британскимъ аристократомъ шель чекагскій милліардеръ, а бокъ о бокъ съ румыбской княгиней или французской маркизой — голливудская фильмовая красавица, гдѣ на площадкѣ гольфа саксонскій принцъ игралъ съ сыномъ лодзинскаго фабриканта-еврея, а на раутѣ Яхтъ-Клуба турецкій эфенди танцевалъ съ вѣнской опереточной пѣвицей — эта публика вся знала Ховарду, такъ какъ Ховарду зналъ какъ Константинополь, такъ и Лондонъ, какъ Вѣна, такъ и Парижъ, какъ Ницца, такъ и Нью-Йоркъ... И эта публика устремилась къ вечерней кассѣ Казино.

Уже зажигались дуговія лампы на бульварахъ и у пляжа, странно-свѣтлыя подъ синѣющимъ южнымъ небомъ, уже зацвѣтились хрустальными радугами витрины кафэ, варьетэ и магазиновъ, когда странный и несуразный юноша въ старомодномъ гороховомъ костюмѣ и съ блуждающими тем-

ными глазами на смугломъ лицѣ, возвращался съ моря, съ далекаго маяка, куда онъ совершилъ одинокую, многочасовую прогулку, борясь со своею израненной душой... Станный, нездѣшній шелъ онъ въ толпѣ, никого не замѣчая и никѣмъ не замѣчаемый. И только молодыя дѣвушки мелькомъ взглядывали на него, пораженные тревожнымъ горѣніемъ его прекрасныхъ южныхъ глазъ...

Такъ поронялся онъ съ Казино. Громадныя стеклянныя двери величественнаго зданія то выбрасывали изъ себя пестрыя людскія пятна, то всасывали въ себя маячливыя ихъ очертанія. Здѣсь, казалось, былъ самый центръ, самый нервъ жизни мірового курорта. Онъ остановился. И вдругъ глаза его воспріяли три слова:

...«Концертъ Антона Ховарды..»

И эти три слова повторялись справа, и слѣва, вверху, внизу, вовнѣ и внутри... Концертъ Антона Ховарды... сегодня вечеромъ... восемь часовъ...

Онъ не крикнулъ, не зашатался. Онъ только длиннымъ взглядомъ смотрѣлъ на эти слова, какъ на послѣднюю печать, выпукло и четко являющую ему его гибель... Потомъ онъ медленно пошелъ къ кассѣ и купилъ одинъ изъ послѣднихъ билетовъ...

7.

Когда Альфонсъ у подъѣзда Казино вышелъ изъ автомобиля, громадное, ярко освѣщенное зданіе показалось ему чудовищемъ, которое надо покорить. Этотъ переливающийся огнями и кишашій толпой улей людской — что дастъ онъ ему?.. На мгновенье закружилась голова отъ остраго, безумнаго страха и онъ долженъ былъ пересилить себя крайнимъ напряженіемъ воли, чтобы вслѣдъ за импрессарио и швейцаромъ, суетливо и подобостра-

стно открывавшимъ передъ нимъ дверь, пройти въ вестибюль...

Толпа, замѣтившая необычайную суету швейцара и характерную фигуру извѣстнаго концертнаго импрессаріо — обратила взгляды на дверь и когда Альфонсъ появился въ ней, сотни глазъ обожгли его румянымъ огнемъ восторга. Снявъ цилиндръ и разстегивая на ходу перчатки, онъ прошелъ и почувствовалъ при этомъ, что ни одинъ мускуль не дрогнулъ на его лицѣ и что оно оставалось равнодушнымъ и безучастнымъ.

— Я перевоплотился окончательно... подумалъ онъ.

Импрессаріо повелъ его въ боковой корридоръ, чтобы, минуя залу, провести его въ артистическую. И тутъ, въ корридорѣ, его ожидало мгновенье, которое потрясло его. У одной изъ витринъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, онъ увидѣлъ вдругъ себя — свое вчерашнее «я» — высокаго юношу со смуглымъ прекраснымъ лицомъ, кудряваго и румянаго и въ старомодномъ и жалкомъ платьѣ. Ихъ взгляды встрѣтились. Юноша, съ расширенными зрачками обезумѣвшихъ глазъ, схватился рукою за выступъ витрины, у которой стоялъ. Но это продолжалось только мгновенье. Зіяющая пропасть открылась передъ ними, черная и непостижимая... и закрылась опять...

Альфонсъ медленными, тяжелыми шагами прошелъ мимо, а юноша продолжалъ разсматривать фотографіи какихъ-то артистовъ варьетэ и только трясущіяся губы еще выдавали его волненіе. Импрессаріо шедшій впереди, ничего не замѣтилъ...

Въ артистической, бѣлой и очень высокой комнатѣ, подъ самымъ потолкомъ горѣла, вдѣланная въ него, электрическая лампа, подъ граненымъ колпакомъ. И свѣтъ отъ нея былъ холодный и враждебный. Альфонсъ ходилъ взадъ и впередъ, потирая руки, бѣлый, какъ полотно. Импрессаріо

Блюменфельдъ смотрѣль-смотрѣль на него, да вдругъ не выдержалъ, улыбнулся и вкрадчиво замѣтилъ:

— Вы, кажется, волнуетесь, маэстро?..

— Да... — коротко отвѣтилъ Альфонсъ, продолжая свой путь.

— Да... — отскочила отъ блюменфельдовскаго рта сладкая маленькая петарда — всѣ геніи волнуются... это законъ пригоды..

«Хоть-бы помолчалъ», подумалъ Альфонсъ и поморщился.

Остро, четко, безудержно гдѣ то прозвучалъ звонокъ

— Втогой!.. — дѣловито замѣтилъ Блюменфельдъ. — Что-жъ, нынче, какъ всегда—аншлагъ... уже съ шести часовъ аншлагъ... Вотъ что значить имя Антонъ Ховагда, хэ-хэ-хэ!..

И бѣлыя стѣны, и лампы и зеркала — казалось Альфонсу — повторили: Хэ-хэ хэ...

— Передъ концертомъ я не привыкъ разговаривать — сухо молвилъ Альфонсъ — потрудитесь, будьте добры, пройти въ залъ...

— Иду, иду, маэстро, лечу!.. И онъ вышелъ въ боковую дверь.

— Ужась, ужась — думалъ Альфонсъ и сознание его повторяло на всѣ лады это слово: «Ужась, ужась..» Хоть бы скорѣе!..

Но вотъ — послѣдній, самый страшный, самый безжалостный звонокъ. За первыми двумя еще чувствуется время, какъ отсрочка одинокаго ужаса эстрады, послѣдній придвигаетъ вплотную этотъ знакомый только десяткамъ изъ тысячъ одинокій ужась... Въ дверяхъ появляется швейцарь. Онъ оставляетъ дверь открытой, почтительно склоняется передъ Альфонсомъ и произноситъ:

— Пожалуйте!..

...«Рояль, мошь, готовъ и публика тоже—про-

носятся въ мозгу Альфонса—точно такъ-же онъ, вѣроятно, сказалъ-бы: ваяна приготовлена»..

Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ въ зеркало, поправилъ галстукъ, провелъ рукой по волосамъ на вискахъ, подтянулъ фракъ. Потомъ вышелъ въ дверь и поднялся по ступенямъ на эстраду.

И какъ только изъ за рояля показалась его голова, волны рукоплесканій брызнули ему навстрѣчу, подняли, прожгли горячимъ дыханіемъ. Онъ низко склонилъ голову, кланяясь толпѣ. Все, что онъ нынче дѣлалъ, онъ дѣлалъ не отъ себя, а отъ какой-то посторонней силы, направлявшей всѣ его поступки, слова и движенія, и только мысли—тамъ, въ тайномъ ларцѣ черепа—были его собственными, настоящими, сохранившими связь съ прошлымъ...

Онъ подошелъ къ роялю и сѣлъ на хрупкій вѣнскій стулъ, расправляя фалды фрака. И въ мгновенье умолкъ плескъ сотенъ человѣческихъ ладоней, точно вѣтеръ пробѣжалъ волной, принесшій мертвую тишину. И всѣ сотни человѣческихъ сердець, глазъ, мыслей, существъ—превратились въ ничто, аннулировали себя мгновенно, чтобы дать право на это пространство залы и на этотъ вечерній часъ одному ему, возвышавшемуся на эстрадѣ передъ чернымъ лоснящимся инструментомъ.

Онъ впился глазами въ клавиатуру, въ это бѣлое «дэ» первой октавы, съ котораго начинается баховская фантазія. И вздохнулъ облегченно: клавиатура была жива, она являла передъ нимъ то, что онъ долженъ былъ сейчасъ взять у нея. И, поднявъ обѣ руки, онъ бросилъ третій палецъ руки на это «дэ», перехватилъ правой, разлилъ по клавиатурѣ сильную и мощную вступительную скалу, остановился на ферматѣ—и руки заиграли сами. Онъ не думалъ о чудѣ, онъ только упивался мощью, четкостью и красотой своей интерпретаціи...

Въ первомъ-же антрактѣ, когда онъ вернулся, послѣ вызововъ, въ третій разъ въ артистическую, а въ залѣ постепенно умолкаль шкваль рукоплесканій, импрессарио ввелъ къ нему двухъ дамъ, старую и молодую въ горностаевомъ палантинѣ. Старую импрессарио назвалъ графиней Ржецкой, а молодую—ея дочерью—вдовой, княгиней Паталаки. Дамы сказали ему вѣсколько восторженныхъ фразъ, на которыя очъ отвѣтилъ молчаливой улыбкой. А потомъ онъ попросилъ ихъ сѣсть.

Онѣ сѣли на диванъ, а онъ противъ нихъ на стулѣ. Онъ чувствовалъ, какъ у него трясутся руки и онъ совершенно не зналъ, что сказать.

— Мы встрѣчались съ вами въ Ниццѣ,—сказала княгиня Паталаки—когда еще былъ живъ мой мужъ.. Онъ былъ флигель-адъютантомъ императора. Вы помните?—въ октябрѣ прошлаго года...

— Простите, княгиня,—отвѣтилъ онъ,—но я во время перерывовъ на моихъ концертахъ не помню никого и ничего...

И это вышло у него такъ естественно, что княгиня улыбнулась и сказала:

— Это не особенно лестно для меня, но вполне понятно..

...«Какъ она очаровательна»,—подумалъ Альфонсъ, глядя въ ея лучистые золотые глаза и слѣдя за движеніями ея рукъ, которыми она откалывала на груди чайную розу. Когда онѣ встали, княгиня протянула ему розу и сказала:

— Я хочу, чтобы эта роза лежала передъ вами на роялѣ, когда вы будете играть Шопэна...

И, уже въ дверяхъ, она обернулась къ нему:

— Можно къ вамъ еще разъ прійти?..

— Я буду счастливъ!—сказалъ онъ тихо и поклонился.

Когда онѣ вышли, онъ внезапнымъ и юношескимъ движеніемъ закрылъ ладонью глаза и въ красной темнотѣ закрытыхъ вѣкъ онъ увидѣлъ ея

улыбку. «Шопэна я буду играть для нея» — сказалъ онъ себѣ и ощущение такого остраго и непонятнаго счастья охватило его, что ему захотѣлось громко смѣяться. До звонка онъ ходилъ по комнатѣ и долженъ былъ пересилить себя, чтобы не дѣлать быстрыхъ и нелѣпыхъ движеній, которыя подсказывало ему его тревожно бившееся сердце.

Когда онъ заигралъ дэсдурный ноктюрнъ, по залѣ пронеслось неуловимое движеніе — не попотъ, не возгласы, но улыбка, можетъ быть только тѣнь улыбки, какъ тончайшее отраженіе внезапнаго взлета души. А вальсъ, асдурный вальсъ, покоришь оковчательно и старыхъ, и молодыхъ, и чуткихъ, и нечуткихъ, какъ покоряетъ радуга, какъ покоряютъ переливы ночныхъ соловьевъ, какъ покоряетъ дрожаніе росы на утренней сѣдой травѣ...

Во второмъ антрактѣ артистическая наполнилась самыми разнообразными людьми. Были дамы, дѣвушки, профессора музыки, журналисты, даже какой-то сѣдой генераль съ багровой шеей, который, пожимая руку Альфонсу, говорилъ съ одышкой:

— Отъ всего... сердца... отъ всего сердца... благодарень ..

Избѣгая профессоровъ и журналистовъ, которые напоминали ему то парижскія, то венеціанскія, то берлинскія встрѣчи, о которыхъ онъ ничего не зналъ — Альфонсъ говорилъ съ княгиней. И вдругъ, среди разговора, острая и внезапная дрожь сердца заставила его поднять глаза. Передъ нимъ стоялъ юноша въ старомоднымъ гороховомъ костюмѣ, горящіе его глаза были устремлены прямо на него, безсмѣнно и неумолимо, воспаленные и полоумные, точно они искали въ немъ и вокругъ него разгадку дьявольскаго навожденія. Альфонсъ вздрогнулъ. Потомъ, пересиливъ себя, спросилъ нѣсколько свысока:

— Чѣмъ могу служить?

— Моя фамилія тоже Ховарда... сказалъ юноша такъ тихо, что Альфонсъ скорѣе догадался объ этихъ словахъ, чѣмъ разслышалъ ихъ.

— Очень пріятно, пробормоталъ онъ и заставилъ себя улыбнуться — значитъ однофамилецъ.

— У меня къ вамъ просьба — сказалъ юноша нѣсколько громче. — Можете вы меня прослушать... мою игру и... мои... композиціи?...

— Я завтра утромъ уѣзжаю — сказалъ Альфонсъ холодно.

— Кто это?... — спросила его княгиня тихо. — Вы можете его представить мнѣ..

— Пожалуйста!.. отвѣтилъ Альфонсъ и что-то дрогнуло у него въ груди.

Онъ обратился къ юношѣ, улыбнулся — будто не совсѣмъ вѣрилъ въ то, что долженъ былъ сейчасъ сказать — и съ неопредѣленнымъ движеніемъ руки сказалъ:

— Итакъ... ваша фамилія Ховарда... А это — княгиня Паталаки...

Княгиня удивленно приподняла брови:

— Ховарда?... — переспросила она. Потомъ протянула руку юношѣ. Тотъ приложился къ ней губами.

Все это мѣшало Альфонсу. Отодвигало княгиню. Создавало какую-то жуть, передъ которой онъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Чго-бы прекратить неловкость, неопредѣленность, жуть — онъ сказалъ, насколько могъ самоувѣренно и хозяйски:

— Княгиня — я надѣюсь, мы встрѣтимся послѣ концерта. Я прошу васъ и вашу матушку оказать мнѣ честь поужинать со мною.

И когда княгиня молча кивнула головой, онъ обратился къ Блюменфельду, не отходящему отъ него.

— Вы конечно тоже... Пожалуйста распорядитесь насчетъ кабинета...

Онъ чувствовалъ, что юноша стоитъ и смотреть

на него. Онъ чувствовалъ, что ему не уйти отъ этой жути и не избавиться отъ него.

Онъ улыбнулся, какъ улыбается, быть можетъ, висѣльщикъ на эшафотѣ и сказалъ юношѣ:

— Я васъ тоже прошу отуживать съ нами. Мы встрѣтимся въ вестибюлѣ... Можетъ быть удастся получить кабинетъ съ фортепіано и тогда вы мнѣ сыграете ..

Въ этихъ послѣднихъ словахъ вдругъ вспыхнуло торжество, еле скрытое: онъ зналъ, какъ этотъ юноша долженъ играть — и что игрою своею онъ не побѣдитъ княгини. Прозвучалъ звонокъ. Артистическая быстро опустила.

Когда, послѣ двѣнадцатой листовской рапсодіи, сыгранной на бисъ и приведшей публику въ такое неистовство, что казалось — не одна она а стѣны и потолокъ и все пространство залы вдругъ взревѣли и взорвались Альфонсъ вышелъ еще разъ на эстраду и склонилъ голову однимъ долгимъ, усталымъ движеніемъ, онъ чувствовалъ еще, что чудо, поднявшее его на румяное облако — дороже для него и любви и бытія. Но въ ту же минуту онъ увидѣлъ, совсѣмъ близко отъ эстрады, княгиню, а съ нею рядомъ юношу. Онъ не аплодировалъ. Онъ, улыбаясь, говорилъ ей что-то. Она же шевелила ладони, мило и граціозно, и будто ласкала болонку.

Альфонсъ ушелъ съ эстрады скорбный и старый.

8.

Онъ сидѣлъ между графиней Ржецкой и Блюменфельдомъ, а княгиня и юноша помѣщались напротивъ. Странный ужинъ .. Удивительный ужинъ.. Сплетались нити и расплетались, души трехъ его участниковъ то открывались, выпуская щупальцы, то сжимались, нѣмѣя. И что то вѣяло вокругъ — тайна... дьявольщина...

Альфонсъ и юноша, сидя другъ противъ друга, смотрѣли порою одинъ другому въ глаза, какъ безумные, «Я-я, а ты-ты... А можетъ быть ты-я, а я-ты?...»

И я, и ты, и ты, и я — соприкасались, только въ одномъ: въ княгинѣ. Вокругъ ея золотыхъ глазъ... Вокругъ шалой безпечности ея улыбки. Вокругъ бѣлаго очарованія ея рукъ.

— Какую вы окончили консерваторію? — спрашивалъ юноша Альфонса.

— Парижскую.. бросаль тотъ вскользь, наливая вино графинѣ.

— Вотъ какъ?... А я гдѣ-то читаль, что вы учились въ Прагѣ и въ Берлинѣ.

— Если вы такъ освѣдомлены — зачѣмъ-же вы спрашиваете?... — злился Альфонсъ, глядя въ глаза княгинѣ.

А та хохотала, откинувшись въ кресло и кутаясь въ горностаи. Хохотала безумно, до слезъ.

— Какіе вы оба смѣшные!... говорила она, отпивая маленькими глотками шампанское

Альфонсъ видѣлъ, какъ, она пія и смѣясь, скользила жемчужными своими зубами по краю граненаго стекла и какъ это граненое стекло отражало бѣлую жемчужность ея зубовъ и это трогало его до спазмы въ горлѣ.

— А что вамъ нравится больше—спрашивалъ поблѣднѣйшій юноша дальше — Парижъ или Вѣна?..

— Яблоко или груша? — доканчивала княгиня изъ-за своего бокала и глаза ея наполнились влагой, а смѣшливый ротъ вздрагивалъ, какъ у ребенка.

— Натали, Натали!.. — говорила укоризненно графиня, качая головой.

— Вѣна — вставилъ Блюменфельдъ — единственный гогодь въ Евгопѣ, гдѣ умѣютъ приготовить соусъ тагтагъ... увѣгьяю васъ..

— Ахъ, не говорите — сказала графиня — я од-

нажды, проѣздомъ въ Италію, еще когда былъ живъ мой покойный мужъ, съѣла тартаръ въ Имперіалѣ и у меня сдѣлалась изжога..

А Альфонсъ смотрѣлъ на нее, на ея огромный, дышащій бюстъ, на ея двойной подбородокъ и сафировые серьги, и думалъ, что у такихъ дамъ мужа всегда покойные.

Отъ шампанскаго у него кружилась голова, а отъ присутствія княгини было такое чувство, будто онъ приблизился, наконецъ, къ роднику, по которому жаждалъ, но великолѣпіе и блескъ, котораго ослѣпили его и отняли дыханіе. То же обстоятельство, что рядомъ съ нею сидѣлъ человекъ, образъ котораго еще вчера воплощалъ его самого—не вмѣщалось ни въ одно изъ чувствъ, доступныхъ ему.

Бредъ... но какой-же бредъ, когда вотъ пахнутъ розы, напротивъ сидитъ женщина съ золотыми глазами и съ золотой улыбкой, а толстый импрессарио Блюменфельдъ разрѣзаетъ грудинку рябчика, лоснясь пальцами и брилліантовымъ кольцомъ, и рассыпая изъ лоснящагося рта маленькія благозвучныя петарды словъ.. А стѣны кабинета обиты геліотроповыми обоями съ бронзовыми барельефами подъ плафономъ, стоитъ орѣховое капсовское піанино, безвкусное какъ всѣ ресторанныя піанино—на полу лежитъ осязаемый пепельный коверъ и все кругомъ осязаемое, даже четкое, будто обведенное золотой каймой, какъ картина, разсматриваемая черезъ увеличительное стекло...

— Когда Аннета Есипова еще была женой Лешетцкаго...—слышалъ онъ картавый голосъ Блюменфельда, обращенный къ графинѣ и видѣлъ, какъ юноша чокнулся съ квягивей и какъ они, передъ тѣмъ какъ выпить влаги, выпили другъ у друга изъ глазъ каплю влюбленнаго утвержденія, которое сильнѣе яда и хмельнѣе вина.

Чѣмъ дальше подвигался ужинъ, тѣмъ явственнѣе обозначалось это утвержденіе, тѣмъ дальше

уходили отъ Альфонса сидѣвшіе противъ него, тѣмъ уже и безповоротнѣе смыкались вокругъ него холодные круги одиночества. Зависть и ревность давили его, жгли, полосовали, какъ острый бѣгъ вѣтра въ поляхъ. Онъ задыхался. Онъ не въ состояніи былъ усидѣть.

Онъ всталъ—вдругъ, рѣзко, рѣшительно. Тогда всѣ взглянули на него.

— Княгиня!.. — сказалъ онъ громко—я хочу играть. Я хочу играть для васъ... Что вы хотите слушать?.. говорите.. Ну, говорите же!..

Она подняла на него удивленные, далекіе глаза.

— Это очень мило съ вашей стороны—сказала она чопорно—я очень рада...

— Что—повторялъ онъ настойчиво—что... Или вамъ безразлично?.

— О нѣтъ, сказала она, легко откинувъ голову и въ этомъ движеніи столько было истомной прелести, что у него закружилась голова. Онъ понялъ, что мгновенье, которое она переживала, важно для нея и значительно и, что игра его могла усугубить для нея знойный полетъ этихъ минутъ. Пряный запахъ, румяный цвѣтъ для нарождающагося тѣла ея внезапной любви...

— Сыграйте «Мечту любви» Листа—сказала она ему съ мимолетной улыбкой и сейчасъ-же опять обратилась къ юношѣ.

Онъ подошелъ къ піанино. Графиня встала вслѣдъ за нимъ, явно отнеся себя къ нему, какъ къ знаменитости и хозяину. Она полузакрыла глаза еще передъ тѣмъ, какъ онъ заигралъ, подчеркивая этимъ значительность и торжественность минуты.

Онъ заигралъ вдохновенную листовскую мелодію, которая прозвучала подъ его пальцами, какъ мольба.. Какъ вызовъ, какъ страстное заклятіе..

Играя онъ видѣлъ графиню. Закрытыя, тяжелыя старческія вѣки. Отвислыя щеки. Тщательно

запудренную дряблость кожи. Колыханіе огромнаго стародамскаго бюста. Блескъ сапфировъ подь блѣдными ушами и вату въ ушныхъ раковинахъ. Это привело его въ бѣшенство... Онъ долженъ видѣть вату въ ухахъ графини, въ то время, какъ юноша упивается золотомъ и чудесной перламутровой влагой въ глазахъ княгини... Нелѣпость, смѣшная какъ все трагическое!.. Онъ въ бѣшенствѣ разсыпаль по клавиатурѣ блестящій листовскій пассажъ, а графиня, раздувъ ноздри прошептала:—Какая красота... Какая сила...

Онъ не продолжалъ пьесы. Онъ повторялъ до безконечности одно и то-же мѣсто, одну и ту-же трель И, повторяя эти двѣ ноты, оглянулся.

Блюменфельдъ, сидя на диванѣ съ дымящейся сигарой во рту, вздремнулъ Розы горѣли малиново-бѣлымъ пятномъ. Сдвинутая скатерть, тарелки, рюмки—застыли, ненужныя больше, отдавъ свою чистоту и роскошь мимолетной прихоти, ихъ скомкавшей и загрязнившей. А дальше, отодвинувшись отъ всего этого, сидѣли княгиня и юноша. Она медленно разрывала розу, роняя палевые лепестки на голубое свое платье, а онъ смотрѣлъ на эти ея движенія, на тѣнь отъ опущенныхъ рѣсницъ, на молодой изгибъ румяныхъ губъ, и что-то тихо говорилъ ей...

Альфонсъ, внѣ себя, вскочилъ. Нелѣпо размахнулся руками, смѣшной и жалкій. Подбѣжалъ къ столу, облокотился рукою на край, скомкалъ скатерть и вдругъ закричалъ:

— А знаете ли молодой человекъ, что вы дѣло моихъ рукъ?!. Мое созданіе!.. Что это я вамъ далъ эти ваши дурацкія румяныя щеки, эту вашу шевелюру, этотъ вашъ ростъ... Это я... Я!.. Только я одинъ!.. Но я могу и обратно, слышите?.. Захочу — и опять полысѣете и постарѣете, и зубы вывалятся, и тикъ сдѣлается, и подагра... и... и... всякая дрянь... Я васъ сдѣлалъ!.. Силюю своего желанія

перевоплотилъ... силою своего желанія отбросилъ отъ себя, какъ ненужную тряпку — и молодость свою, и красоту — чтобы дать ихъ вамъ.. Но довольно!.. Я больше не хочу... слышите?! Дайте обратно, умоляю васъ... заклинаю васъ.. дайте обратно!..

Юноша съ остановившимися глазами смотрѣлъ на Альфонса. Графиня вскрикнула и затряслась въ истерическихъ всхлипываніяхъ.

— Натали, Натали! — кричала она — ради Бога, онъ сошелъ съ ума.. Разбуди Блюменфельда... Позови мэтръ д'отеля.. Господи, какой скандалъ!..

Княгиня, вся бѣлая какъ горностаи, охватывавшій ея плечи, не двигалась съ мѣста.

— Не хочешь?!. не хочешь?!. — кричалъ Альфонсъ, наступая на юношу — такъ я-же заставлю тебя...

Онъ схватилъ со стола бутылку шампанскаго и взмахнулъ ею въ воздухъ. Тогда княгиня прижала руку къ лицу и закрыла глаза. Блюменфельдъ проснулся отъ крика.

— Согокъ семь, двадцать четыге... — сказалъ онъ спросонья, а потомъ видя піаниста, размахивающаго бутылкой, блѣдную княгиню, остановившіеся глаза юноши и графиню въ креслѣ, производившую самыя странныя движенія, — не то колдовала, не то ловила мухъ — онъ сообразилъ, что за его короткій и пріятный послѣуживный сонъ произошли значительныя перемѣны. Онъ рѣшилъ вмѣшаться въ дѣло.

— Но, но, господа, господа! — сказалъ онъ, вставая — какъ-же можно?!. Ша, шааа!.. Антонъ Гомановичъ, я вамъ говою: ша!.. шааа!..

Но Альфонсъ не слушалъ его. Зажатая въ его пальцахъ бутылка, обливая его плечо и рукавъ золотистой, пахучей влагой, еще разъ высоко взлетѣла, направленная на лохматую голову юноши.

Но такъ, высоко взнесенная, она вдругъ застыла въ дрожащихъ пальцахъ Альфонса.

Онъ увидѣлъ, какъ за минуту до этого сіявшее молодостью и счастьемъ, лицо его соперника начало внезапно тускнѣть, измѣняться и блекнуть. Оголился лобъ, отъ носа къ подбородку полегли глубокія, дряблыя складки, глаза помертвѣли, все богатърское рослое тѣло его будто соохлось и сжалось, такое кудое и ничтожное межъ кожаныхъ ручекъ огромнаго клубнаго кресла. Самъ же онъ Альфонсъ, будто вдругъ поднявшись на невидимыя ступени, съ радостной высоты гордо и презрительно глядѣлъ на это жалкое зрѣлище, чувствуя въ груди назрѣваніе какого-то пламеннаго и дурманящаго счастья.

Онъ услышалъ безумный крикъ графини, картавый голосъ Блюменфельда, призывавшаго мэтръ д'отеля, обера и всѣхъ святыхъ, шелканье выключателя, шумъ отодвигаемыхъ стульевъ — и тогда внезапно ниспала тьма. Еще былъ скрипъ дверей, изъ коридора брызнулъ дрожащій снопъ свѣта, потомъ захлопнулись двери и онъ опять очутился въ мягкой, благодатной и ворожащей темнотѣ.

...Были ли это секунды, минуты, часы, былъ-ли онъ одинъ въ елейно струившимся мракѣ, или еще кто то близкій раздѣлялъ съ нимъ этотъ зачарованный провалъ времени — онъ не зналъ, онъ чувствовалъ только роскошную усладу своего бытія и то, что незримый и неслышный маятникъ времени приближаетъ его къ чему-то непостижимо прекрасному.

И когда потомъ, внезапно открылась дверь, внезапный свѣтъ всколыхнулъ и разрѣзалъ тьму и княгиня съ взволнованнымъ чудеснымъ лицомъ надъ мягкимъ объятіемъ горностая появилась передъ нимъ — онъ зналъ, что назрѣвавшій въ немъ знакъ чувства есть любовь и что, ничто, кромѣ нея не имѣетъ ни имени, ни значенія, ни бытія. Онъ

упалъ на колѣни и склонился впередъ, огромными своими безталанными руками вонзившись въ мягкій ворсъ ковра, отдавая ей и безталанность этихъ рукъ, и неопытность дремливаго ума, и страстный жаръ молодого сердца. Она обняла его голову холеными своими избалованными руками, а потомъ погрузила пальцы въ лохматое буйное цвѣтеніе его каштановыхъ волосъ. И тогда оба они услышали звукъ, заставившій ихъ вздрогнуть.

Въ углу, у орѣховаго, безвкуснаго, ресторанаго піанино они увидѣли маленькаго, забытаго человѣка, державшаго руки на пожелтѣвшихъ клавишахъ и тихо шевелившаго пальцами, производя далекую, скорбную трель. Огромными, остановившимися, горящими глазами этотъ человѣкъ глядѣлъ на нихъ, потомъ весь какъ-то сжался вдругъ и упалъ лысѣющей головой на клавиатуру, застонавшую подъ нею кричащимъ, рѣзкимъ диссонансомъ.

Разсказъ о смѣшливой княжнѣ.

1.

Въ Хатнемъ, обыкновенно, ложились рано, и не одной зимой, но и лѣтомъ, когда на дворѣ усадьбы только-только начинался гармошный гамъ, бабья визги, шалости ряжихъ черноземныхъ парней, молодая и звонкая деревенская суета. Некому было въ павскомъ домѣ жить душистыми, теплыми вечерами, быстро переходящими въ синія хохлацкія ночи, некому было прислушаться къ лихимъ гармоньямъ, къ ухарскимъ, съ приплясомъ, напѣвамъ, приглядѣться къ лунной ворожбѣ, къ хороодамъ за гумномъ, къ купавному мельканью смуглотѣлыхъ дивчинъ въ неостывшемъ отъ дневного зноя пруду.

Хатнянскія дамы — сама вдова — княгиня, сестра ея тетя Дашенька, миссъ Уойтъ, да монашеская Прасковья Валерьяновна — въ то время обыкновенно уже покоились въ широкихъ своихъ комфортабельныхъ кроватяхъ, въ просторныхъ высокихъ комнатахъ, гдѣ пахло лавандой и Маріей-Фаривой и гдѣ со стѣнъ глядѣли — гдѣ портретъ мужа покойника, гдѣ Николай Павловичъ, грезовская головка со стрѣльчатыми рѣсницами, берлинскій конгрессъ (Горчаковъ приходился дядей...) гдѣ мурильевская Мадонна. Лежали и старческими или

старѣющими пальцами переворачивали страницы англійскихъ романовъ или отечественнаго Маркевича. Но скоро слипались глаза, миссъ Хэппсъ путалась съ мистриссъ Хиппсъ, тщательно умытыя на ночь руки тянулись къ мѣднымъ, въ стеаринѣ, колпачкамъ, водружали ихъ на пламя свѣчи и тогда роскошнымъ душистымъ бархатомъ падала тьма и спокойный, чивный, накрахмаленный. день былъ навсегда потушень.

Нынѣшнимъ-же лѣтомъ жила въ сорокакомнатномъ хатнянскомъ домѣ въ верхней половинѣ, по старинѣ называемой антресолями — дѣвушка одна, которая только нехотя, по безконечной прирученности и благовоспитанности своей подчинялась общему въ домѣ, дневному и вечернему сву, общей старческой и аристократической горделивости и замкнутости, но которая разбуженной душой и крѣпкозрячими глазами уже льнула порою къ щелямъ и рѣшеткамъ и уносила жаждою затѣсные вѣхи тетушкинаго мірка. Дѣвушка эта, Варенька, внучка княгини, восемнадцатилѣтняя, съ гладкимъ проборомъ вороныхъ волосъ, отдѣлявшимъ иногда непослушный завитокъ, который княжна поддувала пухлыми румяными губами, со свѣтлой лучистой сталью продолговатыхъ глазъ — только весной окончила питерскій институтъ и нынче, пока отецъ — вдовецъ и сенаторъ — находился въ заграничномъ отпуску, проводила свое первое взрослое лѣто въ любимомъ и памятномъ по дѣтскимъ годамъ Хатнемъ.

Изрѣдка изъ Бѣлаго Яра и изъ Томиловки приѣзжали родственники и среди нихъ кузины и кузены, Бѣтси, Машенька, правовѣдъ Митя, драгунскій корнетъ Базиль, и тогда играли въ теннисъ или въ карты, въ Хартсъ, и даже пѣли дуэты изъ Пиковой дамы и корнетъ рассказывалъ полковья исторіи и анекдоты, но всегда послѣ такихъ вечеровъ, когда за тополями подъѣзда, въ сивемъ

мракъ исчезали фонари послѣдней кареты и уже издали слышался на пыльной дорогѣ мягкій топотъ драгунской полукровки — всегда княжна думала, что это еще не все, что Хортсъ и анекдоты могли-бы быть и потомъ когда-нибудь въ жизни, послѣ, и что эта сияя хохлацкая ночь, пылающіе какъ фейерверкъ Стожарь и Млечный путь, свѣтляки въ боскетахъ цвѣтника, томительные дурманы липъ въ паркѣ, какіе то гдѣ-то шопоты и грубые голоса у людской, дерзкіе, ухарскіе и веселые оттуда звуки гармошки — могли-бы быть волнующей, чудесной приправой къ очаровательному чувству или событію, которое, какъ ей казалось, ожидало ее въ этой звѣздной тѣмѣ, въ этихъ душныхъ тѣняхъ парка, глядѣло съ бѣлыхъ, облитыхъ блѣднымъ мерцавіемъ колоннъ и стѣнъ.

Но это было только иногда и всегда почему-то острѣе всего послѣ отъѣзда родственниковъ, послѣ драгунскихъ дурачествъ и правовѣдскихъ комплиментовъ, послѣ маленькихъ, быстрыхъ — полушопотомъ, разговоровъ съ кузинами на антресоляхъ, когда послѣ тенниса и передъ ужиномъ мыли руки и поправляли волосы, разговоровъ намековъ на влюбленность, ревность, миражные мечтанія, зарождающіяся чувства, разговоровъ, которые уже гасли, уже благовоспитанно тушились, когда кузины, обнявшись за тонкія дѣвственныя талія, спускались по скрипучимъ ступенямъ съ антресолей въ лиловатый полумракъ сумеречныхъ сѣней съ колоннами и зыбкими золотистыми крадратами на полу отъ оранжевыхъ стеколъ оконъ.

Обыкновенно-же Варенька такъ хорошо, такъ мирно и прирученно жила съ бабушкой, тетей Дашенькой и сестрицей Просковьей Валерьяновной, которая была лѣтъ на пятнадцать старше ея, слушала послѣ обѣденныя общія чтенія миссъ Уойтъ, англичанки, съ туго накрахмаленными маяжетами и воротниками, позировала тетѣ Дашенькѣ для

акварелей, составляла для нея-же натюр-мерты изъ розъ, севрскихъ чашекъ, бисерныхъ подушекъ и хрусталя, медленно, въ тактъ сіятельныхъ бабушкиныхъ прюнелевыхъ ножекъ разгуливала со старушкой по парку въ предвечерній мягкой опаловой часъ, рассказывала объ Императрицѣ, о братѣ-пажѣ, о петербургскихъ родныхъ и знакомыхъ, когда состоялась помолвка фрейлины Нелидовой и когда будетъ свадьба сенатора Давыдова, она разливала чай, мягко, палево скользила изъ залы черезъ кипарисовыя двери въ гостиную когда тамъ сидѣлъ пріѣхавшій изъ губернской столицы предводитель, а потомъ по просьбѣ бабушки и самого предводителя играла на бѣломъ Штейнвейцъ дэсъ-дурный прелюдь Шопена и моцартовскую Лакримозу.

И только неразумное, уже забеременѣвшее пагубной жаждой сердце подъ палевымъ шелкомъ лифа знало, какъ далека княжна порою отъ акварелей, Лакримозы, отъ бронзы и шелка аристократической успокоенности прохладныхъ усадебныхъ комнатъ и жизни въ нихъ.

2

Однажды медленнымъ и очень румянымъ июльскимъ вечеромъ княгиня бабушка получила письмо отъ своего племянника изъ губернскаго города и въ письмѣ этомъ молодой графъ Анатолій Гаяринъ писалъ, среди прочаго, слѣдующее:

«Вы знаете, дорогая тетушка мое пристрастіе къ малиновому варенью, особенно если оно еще не побывало въ банкахъ, а подается прямо съ жаровни къ чаю, этакой розовой душистой пѣной, и къ нему бисквиту, вашъ хатнянскій рыхлый, очаровательный бисквиту, готовъ съѣсть полпуда одного и другого, *пassez moi l'augmentation...* Думаю, что ма-

линовое варенье — или какъ это сказать — у васъ въ полномъ разгарѣ, а такъ какъ это предположеніе совпадаетъ съ моимъ отпускомъ — пожалуйста, не дѣлайте одну изъ вашихъ очаровательныхъ саркастическихъ улыбокъ, *ma tante*, у меня подлинный и заслуженный отпускъ, данный мнѣ самимъ Назарычемъ — я и думаю прибыть завтра до обѣда (временисчисленіе ваше, хатнянское) и вѣроятно автомобилемъ, такъ что Архипа-кучера со станціей тревожить не придется, пусть толстѣетъ, такъ и передайте ему.. А за симъ цѣлую ручки, привѣтствую конклавъ и свиту, вашъ племянникъ Анатоль Гаяринъ».

Письмо это придало хатнянскому вечеру необыкновенность и нѣкоторую тревожность. Зная, что Варенька со старшею сестрицею, Прасковьей Валерьяновной, катается въ лодкѣ на форелевомъ пруду, княгиня-бабушка съ конклавомъ (съ легкаго языка графа Анатоля уже многіе называли такъ окруженіе старой княгини) сидя, по обыкновенію, въ диванной рядомъ съ зимнимъ садомъ, у перламутроваго столика, на которомъ уже ожидали двѣ колоды японскихъ картъ для вечерняго пасьянса, княгиня-бабушка обсуждала съ сестрою и миссъ Уойтъ грядущій — вѣроятно мѣсячный или болѣе — визитъ молодого графа. Она, въ третій разъ — наиболѣе вѣскія свои мысли княгиня любила повторять по многу разъ — говорила, что хотя она въ принципѣ всегда рада видѣть у себя Анатоля и знать, что въ деревенской тиши Хатняго онъ хоть немного остепенивается отъ сумасшедшей своей жизни въ губернскомъ городѣ, нынче же она встревожена — именно встревожена — завтрашнимъ пріѣздомъ племянника, и встревожена изъ-за княжны Вареньки. Вѣдь графъ, говорила княгиня, не посмотритъ на то, что онъ, въ сущности приходится дядюшкой княжнѣ — хотя разница между ними она высчитала точно, не болѣе чѣмъ на двѣнадцать

съ половиною лѣтъ—онъ, наоборотъ, всѣми правдами и неправдами начнетъ кружить ей голову и въ этомъ она видитъ ужасную для этого очаровательнаго и невиннаго ребенка опасность отъ прїѣзда сумасшедшаго, хотя и милѣйшаго графа.

Конклавъ, естественно, во всемъ соглашался съ княгиней и разговоръ, вѣроятно, протянулся бы еще очень долго, если-бы миссъ Уойтъ не нашла испытанное и вѣрное средство къ смягченію или даже полному аннулированію всѣхъ вызванныхъ письмомъ графа Гаярина, тревогъ Она, складывая увядшія свои бѣлыя руки наль очереднымъ послѣобъденнымъ романомъ—это была скоттовская Ламмермурская невѣста—сказала съ типичнымъ для нея закатываніемъ безцвѣтныхъ британскихъ глазъ, что милосердіе Небеснаго Отца не допуститъ приближенія пагубы къ такому невинному ангелу, какъ Варенька.

На этомъ совѣтъ былъ законченъ и старушки черезъ зимній садъ прошли на террасу и уже княгиня-бабушка, опираясь на руку тети Дашеньки, прикладывая лѣвой рукой черепаховую лорнетку къ близорукимъ глазамъ восхищалась какимъ-то удивительнымъ оттѣнкомъ заката за стриженными вязами парка, ея маленькаго хохладкаго Версаля, въ то время, какъ миссъ Уойтъ, поправляя одну изъ своихъ крахмаленныхъ бѣлоснѣжныхъ манжетъ, совала свой острый, сухой и безстрастный носъ въ урну съ левкоями на перилахъ террасы, дѣловито вбирая въ себя ежевечернюю порцію прянаго запаха.

Слѣдующее утро хатнянскія дамы провели въ нѣкоторомъ—скрываемомъ другъ отъ друга—волненіи. Все было какъ всегда: княгиня-бабушка изъ маленькой, оливковой лейки поливала цвѣты и пальмы въ зимнемъ саду и залѣ, тетя Дашенька вышивала крестиками коверъ съ изображеніемъ продажи братьями Іосифа—къ это утро она доши-

вала и никакъ не могла дошить рыжую лопастую бороду одного изъ египетскихъ купцовъ миссъ Уойтъ безстраство начала новое безстрастное бродри, Прасковья Валерьявовна была въ хозяйствѣ, въ буфетной, на скотномъ дворѣ, на людской, но каждая изъ нихъ—стараясь дѣлать это незамѣтно для другихъ — подходила то къ окну, то къ периламъ передней террасы, то высовывалась за бескеты подъѣзда, и всѣ глаза искали той точки за воротами усадьбы, гдѣ впервые въ солнечномъ туманѣ надъ ослѣпительной лентой дороги могъ появиться графскій автомобиль.

Больше-же всѣхъ, но и скрытнѣе всѣхъ, волновалась княжна Варенька. Она изъ дѣтства помнила этого огромнаго, смѣшнаго и веселаго дядю Анатоля, котораго совсѣмъ не хотѣлось называть дядей, потому что онъ былъ какъ кузень, она помнила еще болѣе позднія встрѣчи въ Петербургѣ, когда онъ кончалъ лицей, а она только поступила въ институтъ, когда онъ однажды куда то повезъ ее на рысакѣ, къ какимъ-то роднымъ, зимою, когда синяя попова надъ чалымъ горячимъ рысакомъ была вся залѣплена сырымъ оттаивавшимъ снѣгомъ и Анатолю тоже былъ сырой въ снѣгу и ужасно смѣшной. Она знала о немъ, что онъ одинъ изъ самыхъ безпутныхъ молодыхъ людей изъ ихъ обширнаго родства и что безпутность эта заключается въ томъ, что онъ много пьетъ, много играетъ въ карты и еще—много возится съ жевщинами. Такъ всѣ и говорили о немъ: «Анатолю возится съ жевщинами» и она, княжна, представляла себѣ подъ этимъ, по рассказамъ другихъ, что Анатолю ѣздить къ актрисамъ—даже говорили, къ цирковымъ наѣздницамъ, совсѣмъ загадочныхъ для княжны существамъ—возить имъ подарки, тратить на нихъ деньги, и что же еще? Вотъ тутъ княжна чувствовала, какую-то черту, за которую ей не удастся переступить. Она подсознаніемъ чувствовала, что въ

томъ, что онъ ѣздитъ и дѣлаетъ подарки еще не заключается вся сумма безпутства и что въ эту сумму еще должно входить какое-то слагаемое, о которомъ она смутно догадывалась, которое было тревожно, душно и страшно, но совершенно неясно. Нынче-же ей было и страшно и остро — любопытно встрѣтиться съ человѣкомъ, который не только знаетъ все объ этой ужасной и загадочной жизни, но и дѣлаетъ все это загадочное и съ головою окунулся въ негъ.

Думая объ этомъ, Варенька вышла изъ дому, спустилась съ передней террасы, и мимо старыхъ чугунныхъ не стрѣляющихъ пушекъ у подъезда направилась по липовой аллѣе къ воротамъ. Она шла, опустивъ вороную голову и держа въ рукѣ, на палевой шелковой лентѣ, соломенную шляпу, въ которой она только что ходила на оранжерею. Блики солнца, веселыми юлами прорываясь сквозь тѣнь липъ, скользили по гладкому пробору ея темныхъ волосъ освѣщали иногда легкую смуглую сыпь веснушекъ на переносѣе и на щекахъ и алую влажность пухлыхъ губъ. Она глядѣла на прохладный въ тѣни исполосанный граблями гравій дороги, на которомъ въ это утро ни одно колесо и ни одна нога не оставили еще своего слѣда и такъ, почти незамѣтно для себя, она дошла до старыхъ, съ облупившейся штукатуркой, всегда настезь открытыхъ усадебныхъ воротъ.

Зеленый, усыпанный ромашками и калкой косогоръ за воротами мягкимъ полукругомъ закрывалъ спускающуюся въ яръ дорогу и надъ этимъ косогоромъ только и видно было, что бѣлесое полуденное июльское небо съ легкими маковками пухлыхъ, похожихъ на мыльную пѣну облаковъ. Вправо-же, за ракетами заросшаго сокою прудка у дороги, золотой и зыбкой парчей сверкали хлѣба и виднѣлась въ солнечномъ маревѣ бѣлая колоколенка церкви и желтосизыя насупленные шапки сельс-

кихъ крышъ. Опершись на тумбу, положивъ ногу въ теннисной туфелькѣ на выступъ княжна глядѣла на полюбившуюся ей родную даль и чувствовала страстную и необъяснимую тревогу сердца.

Вдругъ — и это было такъ неожиданно, что княжна вздрогнула — пыльный синій радиаторъ показался изъ за ракутъ и почти въ ту же секунду огромная и громкая машина вынырнула изъ за косогора и, замедливъ ходъ только у самыхъ воротъ, обдала ее блескомъ защитнаго стекла, запахомъ бензина и моторнымъ гудѣніемъ. Она повернулась, чтобы убѣжать — это было ея первое движеніе — но потомъ остановилась на тропкѣ, быстро надѣвая шляпу, чтобы показать этимъ, что она просто гуляетъ въ паркѣ и вовсе не думала идти навстрѣчу этому безпутному и полужнакомому дядю Анатолю. Такъ, уже въ шляпѣ и уже идя по тропѣ, она, будто теперь только услышала его, оглянулась на моторный шумъ.

Въ фонѣ автомобиля сидѣлъ огромный полный господинъ въ пыльникѣ и въ дворянской фуражкѣ и, улыбаясь всѣмъ загорѣлымъ, краснымъ, породистымъ лицомъ, нагибаясь впередъ, трясъ огромными въ рыжихъ перчаткахъ руками спину очкастаго шоффера. Такъ же неожиданно, какъ нѣсколько секундъ тому назадъ оглушилъ и смутилъ ее вдругъ вынырнувшій изъ за косогора радиаторъ и моторный шумъ, теперь обдалъ ее громкій, властный смѣшной голосъ, кричавшій ей смѣшныя и сумбурныя слова:

— Да это Варенька! Ну конечно-же Варенька, маленькая женщина, ставшая взрослою, какъ у мистриссъ Олькотъ... Ты читала мистриссъ Олькотъ — *little women*?... Ну, садись-же, подвезу, ну здравствуй здравствуй, я ужасно радъ тебя видѣть, мы вѣдь не видались, кажется, сорокъ семь лѣтъ, какъ?...

Онъ уже наполовину вышелъ изъ автомобиля,

путаясь въ пыльникѣ, путаясь съ дверцами, которыя тоже открываль шофферъ, путаясь съ перчатками и еще въ чѣмъ-то и все время улыбаясь и хохоча.

Варенька, будто помимо воли, подошла послушно и послушно-же стала на подножку, чтобы проѣхать съ нимъ десять шаговъ до подѣзда, замороженная его огромнымъ, смѣшнымъ, суетливымъ добродушіемъ и открытостью. Она увидѣла близко его молодое, бритое, загорѣлое и красивое лицо и всякіе комфортабельныя вещи, которыми онъ былъ окруженъ — чемоданы, несессеръ крокодиловой кожи, бинокль, журналы, еще что-то, она услышала отъ него запахъ (свойственный, вѣроятно, всѣмъ такимъ смѣшнымъ, добродушнымъ и безпутнымъ людямъ...) запахъ великолѣпныхъ англійскихъ духовъ, сигары и — кажется — вина, и, уже усаживаясь, почти толкаемая имъ, все еще слыша каскадъ его безтолковыхъ неоконченныхъ фразъ, что-то о конклавѣ, о малиновомъ вареньи, о воротничкахъ миссъ Уойтъ — она вдругъ не выдержала и звонко, совсѣмъ по дѣтски, разсмѣялась ему въ лицо. Она была ужасно смѣшлива и весь пріѣздъ его, фигура, слова и суета уже давно подготовили въ ней взрывъ этого обрадованнаго и счастливаго смѣха. А онъ усаживая, толкая ее и цѣлуя ея руки, видя ея смѣхъ, говорилъ съ восторгомъ:

— Ну вотъ и отлично, ну вотъ прекрасно, чего-же больше и вѣдь мы будемъ друзьями, какъ?..

Такъ со смѣхомъ, восклицаніями и суетой они подѣхали къ огромному, сверкающему на солнце хатнявскому дому, не замѣчая того, что изъ оконъ залы уже глядятъ вооруженныя и невооруженныя лорнетками удивленныя и любящія старушечьи глаза.

Анатолю отвели лучшую изъ нижнихъ комнатъ для прїѣзжихъ, куда онъ и прошелъ послѣ бурныхъ объятій, поцѣлуевъ и дурачествъ со всѣми дамами — онъ зналъ о каждой что-нибудь и каждую объ этомъ чемъ-нибудь спрашивалъ и тутъ-же самъ отвѣчалъ, такъ что спрашиваемой приходилось только всплескивать руками и восклицать:

— Ну, Анатолий, сумасшедшій, ну что это ты, право ..

Въ своей комнатѣ онъ долго мылся при помощи лакея, страшно фыркалъ и плескался, княжна случайно проходила корридоромъ и, слыша его фырканья и плесканья, она опять засмѣялась и отъ этого смѣха почувствовала въ себѣ смѣшную и нетерпѣливую радость.

Къ обѣду онъ вышелъ еще болѣе розовый, умытый, душистый и нарядный, въ великолѣпномъ моднѣйшемъ костюмѣ, въ каштановыхъ полуботинкахъ и шелковыхъ носкахъ, съ жемчужной булавкой въ галстукѣ и Варенькѣ онъ показался не только смѣшнымъ и добродушнымъ, но и представительнымъ и красивымъ. «Онъ совсѣмъ не русскій, а европеецъ ..» подумала она, вспоминая другихъ своихъ дядей-помѣщиковъ, оставшихъ военныхъ во большей части, которые совершенно не умѣли одѣваться. То что они не умѣли одѣваться, княжна считала типично русскимъ въ нихъ.

Варенька замѣчала что за этимъ первымъ обѣдомъ въ обществѣ графа Анатоля — и бабушка, и тетя Дашенька, и даже сестрица Прасковья и миссъ Уойтъ постоянно улыбались и какъ будто помолодѣли. Анатолий, безпрерывно разговаривая, ловко и аппетитно поѣдалъ знаменитые хатнянскіе раки, часто наливая себѣ изъ граненаго графина, стоявшаго передъ нимъ и такъ просто и легко пилъ свой Доппелькюммель, какъ будто это было вино.

Къ концу раковъ оказалось, что онъ ѣлъ и пилъ одинъ, а всѣ остальные давно кончали и смотрѣли на него, улыбаясь ему и почти любуясь имъ. Когда онъ замѣтилъ это, онъ сдѣлалъ смѣшные круглые глаза и воскликнулъ:

— Батюшки, да что жь это я одинъ ѣмъ, а милыя дамы смотреть... Это ужасно, mesdames, простите великодушно, да это просто неприлично и похоже на кормяжку слона въ звѣринцѣ... Николай, Николай — кричалъ онъ лакея, складывая свои тарелки и рачью скорлупу.

Но княгиня властно положила свою маленькую руку на его огромную загорѣлую ладонь и сказала:

— Пожалуйста ѣшь, я рада что тебѣ вкусно, ѣшь, сдѣлай милость... только не пей такъ много, прибавила она тише но Варенька услышала и увидѣла также, какъ отъ этихъ словъ княгини въ его глазахъ вдругъ мелькнуло какое-то смѣшное, виноватое, почти мальчишеское выраженіе Въ слѣдующую же секунду онъ опять ѣлъ, налилъ себѣ вина, отстранивъ водку — будто самъ не хотѣлъ ея — и заговорилъ по англійски съ миссъ Уойтъ.

Послѣ обѣда, какъ всегда, перешли въ синюю гостиную, куда было подано кофе, Анатолю, закуривъ сигару, началъ разсматривать какой-то фамильный альбомъ, но вдругъ вскочилъ, воскликнулъ: «Ахъ да..», куда то на каминъ ткнулъ сигару и выбѣжалъ изъ комнаты, споткнувшись объ коверъ и подпрыгнувъ. Варенька прыснула и сказала съ завлажнѣвшими отъ смѣха глазами:

— Куда это онъ вдругъ?.. Господи, какой смѣшной!..

— Правда?! тоже смѣясь говорила княгиня, обводя всѣхъ глазами. И вѣдь очарователенъ и такой *comme il faut*, несмотря на всѣ свои дурачества и шуки. Ахъ, если бы не его ужасное, ужасное легкомысліе... прибавила она, полузакрывъ глаза и покачивая головой.

Тутъ Варенька замѣтила, какъ всѣ опустили глаза и ей сдѣлалось немного даже жутко, хотя она и никакъ не могла себѣ представить, какой вредъ, какая пагуба могутъ быть отъ такого смѣшного, добродушнаго и веселаго легкомыслія, какъ у Анатоля. Въ эти минуты ей казалось, что то, что она видѣла — и былъ весь Анатолий и ничего страшнаго нѣтъ и не можетъ быть въ немъ.

Въ залѣ слышались торопливые на скрипучемъ паркетѣ шаги и въ гостиную, съ сафьяновымъ саквояжемъ въ рукѣ, вошелъ графъ. Онъ очень дѣловито и молча очистилъ отъ альбомовъ одинъ изъ перламутровыхъ столиковъ у окна и, водрузивъ на немъ свой саквояжъ, хотѣлъ открыть его маленькимъ ключемъ, который онъ вынулъ изъ кармана жилетки. Но ключъ не влѣзалъ, онъ свирѣпо поковырялъ имъ, потомъ воскликнулъ:

— Diable!.. не тотъ!.. и хотѣлъ опять убѣжать, но еще остановился на секунду, посмотрѣлъ на княгиню и сказалъ съ отчаяніемъ въ голосъ:

— Ключи... ключи — это ужасъ, тетушка.. Они или путаются, или вовсе не открываютъ, или еще что-нибудь, но мы, русскіе, не умѣемъ обращаться съ ключами, и вѣроятно потому, что мы слишкомъ открытые...

Потомъ онъ опять убѣжалъ. Всѣ улыбаясь глядѣли ему вслѣдъ, а тетя Дашенька сказала:

— Подарки, конечно... Вѣдь онъ же безъ подарковъ не можетъ. Накупить кучу дорогихъ и бесполезныхъ вещей и самъ радуется какъ ребенокъ.

Дѣйствительно, это были подарки. Когда Анатолий открылъ, наконецъ, свой саквояжъ, въ немъ оказались роскошные, нарядные и совершенно ненужные предметы, предметы, которые — подъ видомъ ли полусломаннаго фарфороваго яйца на подставкѣ, автомобиля ли съ куколками, бѣлаго ли слона съ сидящимъ на немъ магараджей, бомбонь-

ерокъ-ли изъ золотого плетенія — составляли только внѣшнюю оболочку находящагося въ нихъ дорогого шоколада или марципана. Дамы, принимая эти предметы, громко восхищались, цѣловали графа въ лобъ и опять восхищались, далеко отстранивъ отъ себя слона или бонбоньерку, чтобы лучше любоваться.

Но изъ всѣхъ дамъ одна, вѣроятно, Варенька искренно радовалась своему яйцу съ клейновскими розами и не только потому, что розы очень нравились ей, но и потому, что за свою недолгую жизнь она еще не очень много перевидала такихъ розъ, бонбоньерокъ и нарядныхъ вещей и что каждая такая нарядность жизни казалась ей цѣнной и долговѣчной.

4.

Два человѣка въ усадьбѣ цѣлыми днями отдавались нарядному, лѣтнему аристократическому бездѣлю — Графъ Анатолій и княжна Варенька. Они не занимались даже такими видимостями работы, которыми наполняли свои дни — кромѣ труженицы Прасковьи Валерьяновны — остальные дамы: не поливали пальмы изъ кукольныхъ леекъ, не вышивали Юсифовъ Прекрасныхъ и купцовъ, не читали романовъ или мемуаровъ министровъ и фаворитокъ. Варенька не дѣлала ничего по двумъ причинамъ: первая была та, что бабушка строжайше запретила ей дѣлать что-либо, кромѣ того чтобы поправляться въ деревнѣ и отдыхать послѣ института. Вторая же была та, что въ то время, какъ дамы вышивали ковры и бродри, играли въ четыре руки симфоніи Гайдна, дѣловито переходили изъ комнаты въ комнату, отдавая приказанія лакеямъ, и сосредоточенно читали иностранныя книги — кто-нибудь долженъ былъ быть съ го-

стемъ-графомъ, и этимъ кѣмъ-нибудь чаще всего оказывалась княжна

Графъ-же не дѣлалъ почти ничего потому, что такое времяпрепровожденіе не было ему вовсе чуждо и онъ великолѣпно зналъ его и въ городѣ, кромѣ тѣхъ часовъ, которые отнимало у него его чиновничество по особымъ порученіямъ у губернатора. Но и тамъ важнѣе были его лицейское воспитаніе, титулъ, богатство и положеніе въ обществѣ, чѣмъ доклады и дѣятельность съ которыми у «Назарыча», какъ всѣ въ губернскомъ городѣ называли стараго, долготѣняго губернатора, всегда можно было повременить. Тутъ-же, въ деревнѣ, графъ показывалъ себя такимъ воспитаннымъ, очаровательнымъ, добродушнымъ и ласковымъ молодымъ челоувѣкомъ, что княгиня-бабушка и всѣ остальные дамы не видѣли ничего предосудительнаго въ его прогулкахъ съ княжной, катаніяхъ на лодкѣ и всемъ остальномъ, что соединяло и не могло не соединить этихъ двухъ представителей молодого поколѣнія, которые къ тому-же — что всегда подчеркивала княгиня — приходились другъ къ другу дядей и племянницей, хотя княжна и ни разу не величала его дядей. Она чувствовала столько молодого и товарищескаго въ немъ, что титулъ «дядя» казался ей смѣшнымъ и неумѣстнымъ.

Такъ медленно, густо и золото отъ солнца, душисто отъ липъ, цвѣтовъ, лѣсныхъ запаховъ, отъ прохладныхъ голубоватыхъ сумраковъ высокихъ старинныхъ комнатъ проходили для нихъ дни и всѣ они, всѣ эти роскошно уплывающіе нарядные часы — на сѣдлахъ-ли холеныхъ породистыхъ лошадей, надъ серебрянымъ ли плесомъ форельнаго пруда, въ мягкихъ-ли креслахъ тѣнистыхъ верандъ, въ медленномъ-ли хожденіи по сверкающему гравию аллея вдоль стриженныхъ деревьевъ парка — всѣ они были наполнены разговорами, безконечными, всегда какъ будто новыми и никогда не

изсякающими. Они говорили о лошадяхъ и собакахъ, о духахъ театрахъ, книгахъ, о теннисѣ и лыжахъ, говорили съ увлеченіемъ, какого не знали раньше въ связи съ этими предметами, говорили о тетушкахъ и миссъ Уойтъ и въ особомъ, заговорщицкомъ стилѣ они говорили объ уйдовскомъ романѣ послѣобѣденнаго общаго чтенія, романѣ, который оба считали снотворно скучнымъ, но которымъ они всегда, и въ особенности Анатолю, превеличленно восхищалась передъ старушками. Но для того, чтобы восхищаться, Анатолю надо было хоть что нибудь знать о романѣ, онъ же обыкновенно засыпалъ въ своей качалкѣ послѣ первыхъ же минутъ чтенія и тогда, послѣ чтенія онъ бѣжалъ съ Варенькой въ паркъ и спрашивалъ, задыхаясь:

— Ради Бога, что было съ лордомъ Уэвэрвей — или какъ его — послѣ того какъ онъ нашелъ ожерелье своей жены въ часовнѣ?.. Я заснулъ приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ спускался по мраморнымъ ступенямъ и когда уже дрожали его ноздри и все остальное...

А Варенька падала на скамейку и беззвучно, съ наслажденіемъ хохотала, но потомъ добросовѣстно рассказывала всѣ четыре главы очереднаго чтенія, стараясь говорить смѣшно, что всегда и выходило у нея, когда она видѣла его широкій добродушный мальчишескій смѣхъ.

— Какъ, какъ — переспрашивалъ графъ, будто не понялъ — Ричардъ начинаетъ влюбляться въ лэди Эвелину, въ эту старую кругосвѣтную путешественницу?.. Да вѣдь она ему въ бабушки...

— Да не въ кругосвѣтную, смѣясь ужасалась княжна, легонько ударяя его японскимъ вѣеромъ по рукаву — въ племянницу ея, знаешь въ эту безстрашную изъ Индіи, которая охотилась на тигровъ и еще на что-то. Эстеръ или какъ ее...

— Э-ээхъ, ми и-лая моя, безнадежно махаль

рукою графъ, никакихъ я тигровъ не помню и никакой Эстеръ—тютютю, проспалъ праведникомъ...

И опять они хохотали, какъ дѣти.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, узнавъ объ интересномъ и знаменитомъ во всей губерніи хатнянскомъ гостѣ, въ усадьбу пріѣхали бѣлоярцы, дядя Ипполитъ, тетя Вика, Бѣтси и правовѣдъ Митя и съ ними же, сговорившись по телефону, пріѣхали и томиловскіе господа.

Въ сѣняхъ съ колоннами и съ лучами предвечерняго свизившагося солнца, бившаго черезъ оранжевыя и синія стекла оконъ, была суета, масса пыльниковъ, соломенныхъ женскихъ шляпъ, повязанныхъ шарфами, поцѣлуи, лай тети Викиной моськи, драгунскіе шпоры, бѣготня лакеевъ съ плѣдами, мельканія правовѣдскихъ и пажескихъ фуражекъ, восклицанія, гуль голосовъ. Мужчины, немного жеманно склоняясь, цѣловали ручки дамамъ, эти—особенно пожилыя—становились легонько на цыпочки, прицѣвливаясь губами въ мужскіе лбы, всѣ ритуалы вопросовъ о здоровьи, радости хозяевъ, объясненій гостями причинъ долгаго отсутствія—исполнялись въ точности, хотя никто ни въ томъ ни въ другомъ, ни въ третьемъ не видѣлъ особой необходимости. Когда—кто обнявшись, кто подъ руку, кто такъ, жеманной мѣнуэтной парой—прошли черезъ угловую и залу на террасу и очутились лицомъ къ лицу съ зелеными, позлащенными вечернимъ солнцемъ далями парка и душистымъ запахомъ сѣна, цвѣтовъ и вечера—всѣ какъ-то облегченно вздохнули, зная, что самая ритуальная часть осталась позади и что начинается то, изъ-за чего всѣ, собственно, и пріѣхали или считали, что пріѣхали.

И Анатолий вздохнулъ облегченно, видя какъ кольцо обступившихъ его пожилыхъ родственниковъ, не слишкомъ для него интересныхъ, начинается рѣдѣть. Маша Томилова, московская исти-

тутка, смуглая, черноглазая и задорная—попалась первая въ освобожденномъ отъ кольца родственниковъ пространствѣ и онъ подошелъ къ ней съ естественностью, съ какой въ не слишкомъ обильной вазѣ съ фруктами онъ выбралъ-бы наиболѣе свѣжую, румяную и аппетитную ягоду. Съ такими же пріемами, какими онъ пользовался и зъ обращенія съ Варенькой, онъ у нея черезъ нѣсколько секундъ уже вызвалъ радостную и возбужденную дѣвичью улыбку, повторить же эти нажимы на молодость, безпечность и улыбчивость, было уже совсѣмъ нетрудно. Спускаясь съ Машенькой по ступенямъ террасы въ паркъ, графъ видѣлъ какъ впереди, въ клубкѣ нарядной и оживленной молодежи, шла Варенька, вскидывая глаза на шедшаго рядомъ съ нею драгунскаго корнета Базиля и слушая съ улыбкой его—какъ казалось Анатолю—тяжеловѣсныя и топорныя слова. «Ничего, подумалъ онъ, очень хорошо, вѣдь не вѣчно-же ей быть со мною, а онъ бурбонъ и совсѣмъ неопасный для нея. Я посмотрю, умѣетъ-ли она уже ревновать»...

Въ паркѣ, на одной изъ лужаекъ, играли въ игры. Надо было становиться парами, потомъ выбѣгать и ловить другъ друга такъ, чтобы не поймалъ стоявшій впереди шеренги кричавшій, бившій въ ладоши, раскраснѣвшійся человекъ безъ пары—и это были горѣлки. Когда, среди игры, графъ случайно очутился въ парѣ съ княжной и потомъ, выбѣжавъ—несмотря на тучность, онъ былъ хорошимъ бѣгуномъ—онъ, смѣясь надъ усиліями спотыкавшагося правовѣда, опять поймалъ ее, на секунду крѣпко пожалъ ея руку и взглянулъ ей въ глаза.

Она отвѣтила на его взглядъ со сдержаннымъ лукавствомъ: «Знаю я тебя и знаю, чего ты хочешь... бѣшенства моего и ревности, да... Ну, посмотримъ, кто побѣдитъ»...

Это лукавство такъ очаровало его, что онъ

подумалъ съ восторгомъ: «Да это просто женщина уже, очаровательная, расцвѣтшая, разбуженная, готовая женщина, и какъ я до сихъ поръ не зналъ» ..

Потомъ онъ далъ поймать ее правовѣду или драгуну и опять очутился съ Машенькой. Послѣ горѣлокъ, раскраснѣвшіеся, обмахивающіеся платками и вѣерами, усѣлись въ плетеныя кресла и начали играть въ Корабль. Это было какъ будто просто, но и не совсѣмъ просто, надо было бросать и ловить носовой платокъ, скомканный зайчикомъ, и выдумывать слова на букву «ф», но такъ быстро, чтобы не получать фантъ. Когда почти изсякли слова на букву «ф» и уже пускались въ ходъ теннисныя слова — фивтинъ, форти, — перешли на букву «х», но и тамъ скоро добрались до Харитоненки и Храповицкаго и тогда стали просто сидѣть въ креслахъ, обмахиваться платками, говорить глупости и ждать, пока позовутъ къ ужину. Было еще одно развлеченіе, лодки, но его, по просьбѣ княжны, отложили на послѣ ужина, при лунѣ...

Пахло сѣномъ, на маковкахъ деревьевъ лежала золотисто-румяная парча вечера, на лужайкахъ слышались сухія, веселыя верещанія кузнециковъ, внизу, въ болотѣ, жирно и степенно квакали лягушки, всѣ смотрѣли другъ на друга веселыми — изъ румянцевъ разгоряченныхъ лицъ — молодыми глазами и часто смѣялись почти безпричинно и то, что корнеть и теперь еще, въ эти лѣтніе, пріятно-истомныя, румяныя минуты затихшья передъ оживленіемъ многолюднаго, съ виномъ и вкусными блюдами, ужина — продолжаетъ острить и дурачиться, многимъ казалось уже излишнимъ.

Далеко, но отчетливо видно на фонѣ поблѣднѣвшаго безъ солнца, величаво застывшаго дома, изъ за колонны террасы вышла тетя Дашенька, приложила къ губамъ ладошки рупоромъ и прокричала:

— Ужинать... У ужинать!

Всѣ сразу же вскочили и, опять оживленные, разговорчивые и смѣшливые, направились къ дому.

5.

Княгиня бабушка во всѣхъ случаяхъ, и даже передъ не очень большимъ кружкомъ близкихъ родственниковъ, любила и умѣла доказывать, что Хатнее—не какой-нибудь черноземный хуторокъ, гдѣ къ ужину подаютъ босыя горничныя и смѣшливые козачки, подаютъ, фамиллярно вступая въ разговоры съ гостями и переливая соусы, гдѣ столъ накрытъ вчерашней скатертью и сборнымъ сервизомъ, и гдѣ возможны всякія иныя некомилфотности—но что оно, Хатнее—феодалное княжеское владѣніе, въ которомъ во времена ея мужа, генераль-адъютанта, не разъ гостили лица царской крови и гдѣ она, бабушка, и по сей день придерживается старинныхъ традицій. Объ этомъ знали всѣ родственники и сосѣди, а потому и въ нынѣшній вечеръ и бѣлоярцы и томиловцы вступая въ огромную двухсвѣтную столовую, не были нисколько удивлены сервировкой знакомыми ливрейными лакеями, стоявшими на вытяжку и становившимися во время такихъ церемоній непроницаемыми, алымъ мерцаіемъ свѣчей въ бронзовыхъ канделябрахъ, обиліемъ цвѣтовъ и общей торжественностью. Для большинства гостей—особенно для пожилыхъ—важно было показать, что хатнянская церемонная торжественность нисколько не привычна для нихъ и что въ этой торжественности они чувствуютъ себя такъ же естественно, какъ въ своей домашней простотѣ.

Молодежь, правда, предпочла-бы большую свободу и меньшую близость къ старому поколѣнію, но въ этотъ вечеръ присутствіе Анатоля, явно

отнесшаго себя къ молодежи, но въ то-же время не забывавшаго своей связи съ пожилыми, великолѣпно содѣйствовало общей непринужденности. Анатолий сидѣлъ между тетей Викою и Машенькой и съ виртуозностью долготѣянаго опыта чередовалъ разговоры между обѣими сосѣдками, разговоры эти съ собственной ѣдой и питьемъ, а все вмѣстѣ съ поддерживаніемъ настроенія въ предѣлахъ своей части стола.

Противъ него, между двумя братьями—томиловскими корнетомъ и пажемъ—сидѣла Варенька, и Анатолий, немного близорукій, въ общей красновато-золотистой мути свѣчей, хрустальныхъ вазъ, блюдъ, лакейскихъ ливреевъ, розовыхъ лицъ, платьевъ—странно отчетливо видѣлъ нѣжно-розовое ея, притворно-оживленное лицо подъ черными крылами гладкаго пробора, видѣлъ знакомый, женскій, возбужденный и неудовлетворенный въ одно и то-же время блескъ ея сѣрыхъ глазъ, и приглядѣвшись, онъ вдругъ увидѣлъ малиновую розу на ея груди. «Для кого она приколола эту розу, думалъ онъ между ѣдой, глотками вина и разговорами—для себя ли просто, то есть для себя и для всѣхъ, или для кого-нибудь одного, для корнета Базиля или—для меня.. Не для того, чтобы понравиться больше—она не такъ примитивна—но для какихъ-нибудь романтическихъ подробностей, которыя она ожидаетъ отъ этого вечера, отъ катанія на лодкѣ потомъ, отъ парка, отъ прощанія, откуда мнѣ знать... И что я, вообще, знаю о ней, недѣля жизни въ одномъ домѣ, почти неразлучная, но сколько недѣль было до этой одной и сколько будетъ потомъ»...

Мысль эта, такая сентиментальная и непривычная для него, наполнила его жалостью къ ней и къ себѣ и еще къ чему, что онъ совершенно не былъ въ состояніи опредѣлить. И уже нынѣшняя его затѣя заставитъ ее ревновать, показалась ему

безтактной, нехорошей и совершенно незанимательной болѣе. «Она вправѣ, думалъ онъ, ожидать отъ меня большаго вниманія, а не какихъ то экспериментовъ въ присутствіи родственниковъ, которые могутъ подумать, что я совершенно не интересуюсь ею.. А развѣ я интересуюсь—думалъ онъ дальше и вдругъ вспомнилъ одну рыжую, утонченно накрашенную, безобразно-красивую женщину, извѣстную актрису и его предпоследнюю, зимнюю связь которая предсказывала ему, что онъ кончитъ кузиной-институткой съ альбомами, стихами и катаніемъ на лодкѣ—и это воспоминаніе заставило его улыбнуться и съ этой улыбкой обратиться къ Машенькѣ, которая со своими черешневыми задорными глазами и прелестной смуглой шеей тоже показалась ему очень пріемлемой. Говоря ей какую-то чепуху и заставляя ее смѣяться только для того, чтобы видѣть смѣшные ея мышинные зубки, графъ думалъ: «Сколько на свѣтѣ прелести, какая хроматическая гамма разнообразнѣйшихъ женщинъ красоть, чувствъ, страстей, винъ, наслажденій, сколько чистоты и сколько порока и какъ легко можно ступевать и уничтожить всякую грань между ними, сколько этой нарядной душистости жизни, только лета пчелой, жужжи и собирай медь»...

Къ концу ужина подавался плэмпуддингъ, съ великолѣпно горѣвшимъ синимъ пламенемъ въ немъ, и всѣ смотрѣли на это пламя и восхищались и уже отъ обилія вина, всюду виднѣлись покраснѣвшія щеки и блестящіе глаза. уже правовѣдъ Митя опрокинулъ бокаль съ токайскимъ и вылавливалъ изъ хрустальной вазы орхидею, чтобы замаскировать пятно, съ дѣланымъ страхомъ поглядывая на верхнюю половину стола. Но тамъ княгиня-бабушка, вся хрупкая, съ нѣжнымъ персиковымъ румянцемъ холеныхъ щекъ, по старинному ворковала съ томиловскимъ генераломъ, не только не замѣчая

Митинаго пятна, но даже лакея, наклонившагося надъ ней съ вторичнымъ плэмпуддивгомъ.

Уже дядяИпполить шумно чокался съ монашеской Прасковьей Валерьяновной, подъ всякими предлогами заставляя ее хотъ пригубить свой стаканъ, уже корнетъ съ пылающимъ румянымъ загаромъ лица подъ бѣлымъ румянымъ лбомъ, пыхтя сигарой, черезъ столъ и на скверномъ авглійскомъ языкѣ рассказывалъ миссъ Уойтъ какой-то анекдотъ, уже была та мутноватая, нарядная, свободная беспорядочность сдвинутыхъ тарелокъ недопитыхъ стакановъ, догорающихъ свѣчей болѣе свободныхъ позъ, громкихъ голосовъ, смѣха, чоканій черезъ столъ и всего того шумнаго и слегка хмѣльного, что бываетъ неминуемо къ концу даже самыхъ чопорныхъ сначала и церемонныхъ ужиновъ. Самые строгіе и непогрѣшимые рулевые хатнянскихъ торжествъ — тетя Дашенька и миссъ Уойтъ — мысленно махнули рукой на разбушевавшееся море, только изрѣдка поглядывая на Вареньку и еще слѣдя за тѣмъ, чтобы румяныя волны безтолковой суеты не захлестнули ее.

На Вареньку-же глядѣлъ и Анатолий все чаще чѣмъ ближе къ концу подвигался ужинъ, и странное почти необъяснимое самому себѣ волевіе овладѣвала имъ. Ему казалось, что, что-то очень важное ему необходимо поправить какое-то упущеніе наверстать и, еще ему казалось что очаровательнѣе, моложе, чище и свѣжее Вареньки никого нѣтъ на свѣтѣ и что онъ самъ глупо и безтолково виноватъ въ томъ, что это очаровательное и молодое отодвигается отъ него.

Онъ видѣлъ, какъ томиловскій пажъ строя изъ лепестковъ орхидей какую-то фигуру на скатерти, близко наклонившись къ княжнѣ, что-то говоритъ ей какъ будто значительное холевыми ногтями вода по лепесткамъ и, очевидно, щеголяя передъ ней этими ногтями. И уже Анатолю казалось,

что княжна куда лучше подходит къ кузену своему пажу, чѣмъ къ нему, дядѣ и сановнику, и что ту молодость, которую онъ, Анатолий, чувствуетъ въ себѣ, она не въ состояніи понять такъ непосредственно и просто, какъ настоящую и подлинную молодость пажа и что эта настоящая и подлинная молодость обоихъ ихъ, непременно должна ихъ сблизить. Но эта мысль была такъ обидна для графа, что онъ на нѣсколько минутъ даже потерялъ свою обычную свѣтскую разговорную виртуозность, такъ что Машенька, блестя черепневыми глазами, уже нѣсколько разъ удивленно поглядывала на него.

Уже общее безпорядочное и хмѣльное возбужденіе конца ужина начало переходить въ то слегка усталое отъ повторяющагося зрѣлища лицъ, позъ, предметовъ, отъ разговоровъ, остротъ и стремленія ни въ чемъ не отставать отъ другихъ — затишье, которое показываетъ, что за столомъ засидѣлись, когда изъ залы раздались бодрые мажорные звуки штраусовскаго вальса изъ Летучей мыши. Это незамѣтно для другихъ вставшая изъ-за стола тетька Вика подавала сигналъ къ танцамъ. Мгновенно опять засіяли глаза, заулыбались губы и всѣ взгляды молодежи обратились къ княгинѣ-бабушкѣ, своимъ пока еще безмятежнымъ сидѣніемъ и воркованіемъ съ томиловскимъ генераломъ тормозившую чувствуемое уже въ ногахъ вставаніе и движеніе въ залу. Но уже генераль что-то шепчуль старушкѣ и она, виновато улыбаясь, встала съ раскраснѣвшимися щечками и съѣхавшей на бокъ кружевной наколкой.

Будто прорвалась запруда — такъ шумно, освобожденно и опять возбужденно задвигались всѣ и послѣ остановки у бабушкиной ручки направлялись въ залу, гдѣ два лакея торопливо зажигали свѣчи въ канделябрахъ. Тамъ уже, колыхаясь фалдами старомоднаго сюртука, дядя Ипполитъ открывалъ

балъ съ Прасковьей Валерьяновной, танцовавшей очень прямо, безстрастно и строго и вслѣдъ за этой первой парой уже правовѣдъ Митя, неуклюже горбясь, обхвативъ рукою талью Зизи Томиловой, старательно вытанцовывалъ балансэ передъ тѣмъ какъ начать вальсъ.

Стоя въ дверяхъ гостиной, Анатоль, забывъ о томъ, что ему слѣдуетъ танцевать съ Машенькой, поджидалъ тотъ пестрый и шумный клубокъ лицъ, который еще задержался у бабушкиной ручки и въ которомъ онъ предполагалъ Вареньку. Когда же этотъ клубокъ приблизился и онъ узналъ среди него княжну, онъ, чувствуя безнадежность того, что дѣлаетъ, но еще болѣе — непреодолимость этого поступка, подошелъ къ ней и улыбаясь наклонилъ голову. Княжна, уже издали испытующе глядя на него, при видѣ этой наклоненной головы смутилась, но потомъ улыбнулась, какъ улыбаются человѣческой разсѣянности и безтолковости и съ этой улыбкой, удивленно приподнявъ брови, сказала ему:

— Благодарствую, у меня уже есть кавалеръ...

Она хотѣла шепнуть ему, что онъ поступаетъ невѣжливо, приглашая ее, а не Машеньку, но удержалась и прошла съ пажемъ въ залу.

«Ну, ну — подумалъ графъ — это со мной-то, съ Анатодемъ Гаяринымъ, ловко. Ну и подѣломъ мнѣ, по-дѣ ломъ ..»

Онъ отыскалъ Машеньку, извинился передъ нею, объясняя свое запоздавшее приглашеніе близорукостью и, чувствуя что запутался, онъ, только протанцевавъ кругъ, крикнулъ властнымъ своимъ, картавымъ, бальнымъ голосомъ:

— Гранъ ронъ!..

Онъ увидѣлъ благодарные, оживленные молодые взгляды на себѣ, ожидавшіе его знаменитаго и блестящаго дирижерства и, слегка свысока, какъ на дѣтскомъ балу началъ свои замысловатыя сложныя фигуры, все время картаво крича, щеголяя па-

рижскимъ произношеніемъ и подчеркнуто показывая, что и какъ нужно дѣлать. Онъ добродушно ласково тормозилъ и поворачивалъ дядю Ипполита, совсѣмъ безпомощнаго въ этой суетѣ, выдумывалъ все новыя ухищренія, скользилъ вдоль шеренгъ, выравнивалъ, и все это дѣлалъ такъ блестяще и оживленно, что уже вся молодежь была влюблена въ него и что Варенька уже не разъ глядѣла на него прежнимъ восхищеннымъ взглядомъ.

Самъ-же онъ во все время танцевъ, въ теченіе котораго онъ не разъ танцевалъ и съ княжной, чувствовалъ смѣшную незаживающую трещинку въ себѣ отъ перваго отказа Вареньки, но эта трещинка чѣмъ-то неувимымъ была любя и дорога ему и онъ почти не хотѣлъ, чтобы она срослась и забылась.

6.

Прудъ лежалъ огромнымъ, будто хрустальнымъ дискомъ, весь облитый высокой и совершенно круглой луной и вокругъ этого диска чернильной тѣнью напряженно и строго застыли деревья и стлалось росистое сѣдое серебро луговъ.

Когда Варенька первая подбѣжала къ мосткамъ и первая же вскочила въ закачавшуюся лодку, ей казалось, что то таинственное, что вдругъ сдѣлалось между нею и Анатодемъ, нынче ночью и здѣсь на пруду, на этомъ огромномъ, серебряномъ, сыромъ пространствѣ съ водою, камышами и ночнымъ вѣтромъ — должно рѣшиться неминуемо и ей было страшно и сладко передъ этимъ рѣшеніемъ. Вскочивъ, она усѣлась на своемъ любимомъ мѣстѣ, на носу лодки и увидѣла, какъ вслѣдъ за нею въ ея лодку вскочили Бѣтси и пажъ и какъ остальные, и съ ними и Анатоль, остановились на

мосткахъ, въ тѣни, рѣшая — кому въ какую сѣсть лодку.

Потомъ она видѣла, какъ Анатоль передалъ корнету одинъ изъ ключей и какъ самъ онъ наклонился надъ кормою ея, Варенькиной, лодки, защелкалъ ключомъ, медленно оттолкнулъ лодку ногой, впрыгнулъ, а потомъ, обнявъ за плечо уже взявшася за весла пажа, раскачиваясь подошель къ ней.

Еще она мелькомъ, по-хозяйски, подумала: «Въ той лодкѣ будутъ обѣ сестры Томиловы и Базиль, братъ, слишкомъ по семейному, а Митю они не очень долюбиваютъ.. нехорошо выходитъ. Ну, да Богъ съ ними...»

Уже Анатоль сѣлъ противъ нея, имѣя за спиною гребущаго пажа и Бэтси на кормѣ, и, сѣвъ, онъ широко разставилъ ноги, наклонился впередъ и съ улыбкой, глядя на нее, потеръ ладони другъ объ дружку, будто сказалъ: «Итакъ...» Ей все время уже казалось, что онъ дѣлаетъ все именно такъ, какъ ей хочется, чтобы онъ дѣлалъ и что она будто загнипотизировала его, и когда онъ теперь потеръ ладони, она поняла, что предчувствовала и это. Ей сдѣлалось такъ весело, что она не удержалась и звонко разсмѣялась.

Отъ этого смѣха онъ почувствовалъ, какъ трещинка, которая оставалась въ немъ послѣ перваго ея отказа, легко, просто и весело суживается и заживаетъ, не оставивъ послѣ себя даже рубца.

— Итакъ... сказалъ онъ, самъ чувствуя, что движенія ладоней заставляютъ его сказать «Итакъ» — итакъ, мы квиты?..

— Хм!.. кокетливо сдѣлала княжна и ему при лунѣ отчетливо видно было, какъ она весело и подѣтски вздернула носикъ и это было такъ очаровательно, что ему захотѣлось покрыть поцѣлуями и этотъ носикъ, и веснушки вокругъ него, и всю чистую, смуглую нѣжность щекъ и молодого лица.

— Можетъ быть еще далеко не квиты... говорила княжна, но онъ уже не вѣрилъ ей словамъ, а только блеску глазъ, свѣтлому ихъ лунному огню, рукамъ ея, тихо скользившимъ по водѣ и купавшемся въ синемъ серебрѣ струей, молодой ея стыдливой груди подъ прохладнымъ и душистымъ дѣвичьимъ платьемъ, и тому, что въ этой груди живетъ расцвѣтшее для него сердце, полное чудесъ и любви.

Сзади послышался всплескъ веселья и голоса, дѣланый смѣхъ Машеньки, по которому было слышно, что она скучаетъ, потомъ пажъ крикнулъ за спиной:

— Да гати!.. кто скорѣе?!

И лодка, будто легонько поднявшись на дыбы, скользнула быстро, и гладко и крѣпко начали ложиться взмахи веселья и короткіе, ладные разсѣвки воды. Анатолю не оборачиваясь, увидѣлъ сбоку другую лодку, бѣлый китель правовѣда, старавшагося перегнать ихъ, Базиля, курившаго сигару, Машеньку, сидѣвшую на носу и съ торжествомъ глядѣвшую на нихъ. Внезапно пажъ надалъ такъ, что слышно было его крѣпкое, возбужденное дыханіе, лодка взвилась, скользнула и очутилась одна впереди и скорѣе уже видны были камыши, хворостяные стѣны гати и налѣво блестящій при лунѣ срубъ моста.

— Ага!.. радостно крикнула княжна и высоко подняла смуглую руку изъ воды, брызнувъ золотистымъ кропиломъ капель.

Когда возвращались паркомъ—темнота послѣ луннаго пруда казалась почти непроницаемой, но тѣмъ лучистѣе и свѣтлѣе была парча бликовъ, тутъ и тамъ нырявшихъ въ синюю тѣневую глушь, скользившихъ по стволамъ, по ольховнику и дрожавшихъ по травѣ и гравію дороги. Анатолю, догоняя остальныхъ — онъ провозился на пристанькѣ съ лодками и ключами — видѣлъ впереди неясное

мельканіе бѣлыхъ фигуръ и кителей и эти фигуры, кителя, фуражки, блики почти сливались у него въ одно. Но вдругъ онъ не такъ увидѣлъ, какъ почувствовалъ кого-то около себя. Это кто-то было все бѣлое, хрупкое и лунное и отъ этого кого-то пахло душистымъ, прохладнымъ отъ прохладной лѣтней ночи и будто росистымъ платьемъ и дѣвичьими волосами. Узнавъ и почувствовавъ княжну, Анатолий ощутилъ такое внезапное и острое волненіе отъ ночи, молодости, отъ легкаго охмеленія, отъ жизни, лунныхъ бликовъ и ея пахучей и дѣвственной близости, что онъ остановился, будто не въ силахъ понести дальше переполнявшее и блаженно отягчавшее его счастье.

И княжна остановилась, въ полъ-оборота глядя на него. Тогда онъ подошелъ къ ней вплотную, схватилъ обѣими руками, сжалъ крѣпко и властно ея маленькую нѣжную руку и спросилъ, глядя въ маячливые лунные отсвѣты на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ:

— Хочешь быть моею женой?..

Онъ увидѣлъ, какъ княжна на мгновеніе закрыла глаза, потушивъ вѣками холодныя лунныя искры зрачковъ и сжавъ губы. Потомъ она со смѣшной, дѣтской важностью медленно кивнула головой — да... — и, будто она сама испугалась этого кивка, этой торжественности, этой лунно тѣневой тишины вокругъ нихъ, она быстро и крѣпко сжала его руку, а потомъ побѣжала впередъ.

Онъ побѣжалъ за ней, неловко и грузно, спотыкаясь объ корни, тянувшіеся черезъ дорогу и еще объ что-то въ полутьмѣ, и каждый разъ, когда онъ спотыкался, они смѣялись оба, чувствуя переполнявшую ихъ молодость, смѣшливость и счастье. Впереди, за росистымъ блескомъ цвѣтника, уже обозначались облитыя луною колонны террасы, а вправо, за оградой, видно было, какъ подъ навѣсъ вѣзжаетъ карета съ зажженными блѣднобагря-

ными фонарями и кучеръ, откинувшись назадъ, съ трудомъ удерживаетъ четверку соловыхъ коней, когда Анатолий настигъ княжну и, не думая о томъ, видятъ или не видятъ ихъ, обнялъ сзади и прильнулъ горячими губами къ ея прохладной душистой шеѣ.

Потомъ они пошли рядомъ, молча и чинно, и когда затѣмъ они подымались по чиркающимъ пескомъ ступенямъ террасы, ему на мгновенье представилось, что также, какъ теперь, они когда-нибудь будутъ всходить на амвонъ алтаря и это представление наполнило его никогда не испытанной раньше торжественной радостью.

7.

За затѣненными маркизами и виноградомъ стеклами пылалъ и сверкалъ знойный лѣтній день, здѣсь-же, на верандѣ, было оливково отъ листьевъ за окнами, душисто отъ нарциссовъ въ вазахъ и прохладно. Гдѣ-то вверху, въ паутинѣ пыльных стеколъ, сонно и сыто жужжалъ слепень, а изъ синей гостиной доносился мягкій звукъ Штейнвэйя, тамъ Праскорья Валерьяновна, какъ каждый день, играла крамеровскіе этюды.

Дамы, съ еще румяными отъ послѣобѣденнаго сна щечками, сидѣли въ креслахъ у овальнаго стола, на которомъ миссъ Уойтъ складывала мозаичныя картинки. Это былъ Пезль, любимое хатнянское занятіе. Тетя Дашенька, сидя за пядцами, все еще вышивала Юсифа, а княгиня-бабушка читала «Новое Время».

— Умеръ Данила Васильичъ Назаровъ, говорила она, опуская лорнетку и обводя всѣхъ испуганными глазами. Директоръ департамента удѣловъ... Но ты подумай, Дашенька — въ Клину... Какимъ образомъ Данила Васильичъ попалъ въ Клинь?..

Она опять вооружилась лорнеткой и прочла:

— Управляющій Сызрано-Вяземской... ахъ, это не то!.. Гдѣ же это?.. Ахъ вотъ... Скончался шестнадцатаго іюля въ городѣ Клинь Московской губерніи... Когда же?.. Вѣдь никто изъ Назаровыхъ никогда не жилъ... Боже мой!.. — вскрикнула она, опять прочтя что-то черезъ лорнетку — графиня Анна Михайловна Рибопьеръ... Неужели это Аннэтъ Рибопьеръ, дочь Нушеньки Маклецовоу?..

— Да нѣтъ же—успокаивающе говорила тетя Дашенька, вставъ изъ-за пяльць, любуясь съ прищуренными глазами своимъ ковромъ и откусывая зеленую нитку—какая же дочь Нушеньки, когда ты говоришь Анна Михайловна, а Маклецовъ былъ Александръ Кириллычъ. Это, вѣроятно, тверскіе Рибопьеры, или петербургскіе...

— Сенаторъ Владиміръ Христіановичъ Буксгевденъ, опять читала княгиня скорбнымъ и взволнованнымъ голосомъ—все знакомыя фамиліи... Ужасъ, сколько покойниковъ!..

— Нѣтъ, положительно, моя пальма похожа на помело, качая головою говорила тетя Дашенька, все еще стоя и издали глядя на коверъ. Чѣмъ-бы это оживить ее?.. Хм!.. И ужасно надоѣлъ мнѣ этотъ толстый купецъ на верблюдѣ, никакъ не дошью его этотъ бешметъ или какъ это называется. Если-бы я была игуменьей, я въ видѣ эпителии накладывала-бы мовахинямъ три раза подъ рядъ вышивать такіе вотъ библейскіе ковры. .

— Великій князь Сергѣй Михайлычъ выѣхалъ въ Канны... опять читала княгиня-бабушка, съ тихимъ шелестомъ переворачивая огромные еще пахнушіе типографской краской листы газеты, въ то время, какъ миссъ Уойтъ, съ трескомъ втиснувъ послѣднюю фигуру въ свой пэзль, замерла со склоненной на бокъ головой, любуясь мозаикой.

— *Lu belle au bois dormant*... тихо прочитала она подпись и принялась за новую картинку.

Опять все было тихо и дремотно кругомъ, жужжалъ слепень, оранжево-оливково скользиль свѣтъ, мягко пробиваясь сквозь полотно маркизь и гирлянды винограда, въ дальнихъ комнатахъ изрѣдка слышался скрипъ паркета подъ лакейскими ногами, да ручейныя крамеровскія рулады. Всѣ знали, что скоро въ столовой будетъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью столъ, будетъ подавъ чай со свѣжимъ варечьемъ, съ липовымъ медомъ въ сотахъ и крендельками, что гдѣ то кто-то уже заботится объ этомъ, что на дворѣ сверкаетъ июль, зной, буйное солнце, что на поляхъ подъ ослѣпительно горящими косами падаетъ золотой, сухой колось, что гдѣ-то, еще дальше, застыла розовая пыль надъ селомъ, горять глинобитныя стѣны, блеютъ овцы, въ душныхъ, пропахшихъ пометомъ хлѣвахъ мычатъ коровы, что стреноженныя пѣганки и сивки прядаютъ въ варкѣ или на вольныхъ, прожженныхъ солнцемъ выгонахъ, поднимаютъ морды и смотрятъ на горячее, палевое полотно, на накаленный бѣгъ рельсъ, на пыльный, съ кирпичнымъ мельканіемъ товарныхъ вагоновъ, поѣздъ, уплывающій вдаль съ треплющемся на вѣтру зеленымъ флажкомъ послѣдней площадки, что далеко, солнечно и просторно лежитъ степь, огромная дымная, дрожащая даль, волны ковыля, одинокіе знойные курганы, надъ которыми съ соннымъ клегтомъ кружатся ястреба, что міръ за спущенными маркизами и оливковой сѣтью винограда—широкъ, безпредѣлень и звоень, но такъ далекъ, что ни одинъ изъ сотенъ и тысячъ звуковъ его не проникаетъ въ этотъ прохладный сумракъ веранды, въ эти величавыя старинныя комнаты со скрипомъ паркетовъ и звуками Штейнвэя, что ни одинъ шумъ суетливой жизни не нарушаетъ и не нарушитъ эту холеную тишину, шелестъ газеты въ рукахъ княгини-бабушки, тиканье каминныхъ ча-

совъ въ малиновой гостиной рядомъ, легкій шумокъ иглы, втыкаемой въ канву...

Бродили ли такія или подобныя мысли въ головѣ тети Дашеньки, нѣтъ-ли—кто знаетъ, только вдругъ она воткнула иглу въ пальму, сладко потянулась, изогнувъ назадъ спину, потомъ встала изъ-за пяльцъ, подошла къ окнамъ и воскликнула особеннымъ, слегка таинственнымъ и взволнованнымъ голосомъ:

— Наши идутъ...

Княгиня-басушка мгновенно отложила газету, встала и тоже подошла къ окнамъ, заранѣе улыбаясь тому зрѣлищу, которое ей предстояло увидѣть. Наведя лорнетку она увидѣла за цвѣтникомъ, въ тѣни стриженныхъ вязы, графа и княжну, медленно шедшихъ по дорогѣ и приближавшихся къ дому.

— Какая прелестная пара, восторженно говорила княгиня, неясно различая въ лорнетку нѣчто огромное въ сѣромъ и рядомъ хрупкое въ бѣломъ, вполне увѣренная въ томъ, что именно это сочетаніе огромнаго съ хрупкимъ—прелестно и неповторимо.

— Ты увидишь, Дашенька—говорила княгиня, нагибаясь, чтобы не мѣшали легонько качающіеся за стекломъ листья винограда—ты увидишь, что онъ прекрасно подходитъ къ ней. Онъ именно такой мужчина, который, несмотря на всѣ его слабости—любитъ однажды и необыкновенно сильно. Можетъ быть всѣ его слабости и грѣшки и были оттого, что онъ ни разу еще не любилъ по настоящему... Ты смотри, какое сіяющее лицо—говорила она, уже различая улыбку на приближающемся лицѣ графа и сама улыбаясь отъ этой улыбки племянника.—А Варенька, Варенька... *Comme elle est belle, comme elle est charmante!*.. Нѣтъ, нѣтъ, все будетъ хорошо, у меня никакихъ сомнѣній больше, это Господня воля и такъ должно

быть и все будетъ очарова... Ахъ, они опять повернули, ты подумай, Дашенька, они все еще не наговорились и не нацѣловались... сказала княгиня, кладя ручку на рукавъ сестры и, выставивъ язычекъ, разсмѣялась беззлобнымъ, добрымъ, старческимъ смѣхомъ.

Повернувшись отъ окна, она увидѣла Прасковью Валерьяновну, входившую на веранду, въ черномъ платьѣ до подбородка, съ гладкимъ пробромъ и съ безстрастнымъ, сухимъ выраженіемъ старѣющаго лица.

«Совершенная монашка», подумала о ней княгиня-бабушка и, чтобы порадовать ее, она сказала:

— Мы только что любовались нашей парочкой... какъ они прелестны и какъ они влюблены... Вотъ уже, дѣйствительно счастье...

— Да?.. сухо отвѣтила Прасковья Валерьяновна, вынимая изъ-за кушака золотые часики и мелькомъ взглядывая на циферблатъ. Что-жъ дай Богъ, сказала она своимъ низкимъ безстрастнымъ голосомъ и прибавила:

— Чай пить, бабушка...

Она подошла къ столу и, хотя ея лицо оставалось безстрастнымъ и равнодушнымъ, она наклонившись, съ любопытствомъ взглянула на мозаику миссъ Уойтъ и, видя что англичанка держитъ въ рукакъ фигурку, не зная, куда ее воткнуть, Прасковья Валерьяновна показала пальцемъ. Миссъ Уойтъ съ благодарностью взглянула на княжну Прасковью и, втыкая отрѣзокъ, залепетала:

— О іесъ, іесъ, іесъ...

Княгиня бабушка-же, оглянувшись на тетю Дашеньку, улыбнулась растерянной, безпомощной улыбкой.

8.

Это было въ концѣ іюля, въ Ильинъ день. Проснувшись, по обыкновенію, поздно, взгля-

нувъ какъ каждое утро, на старинные коричневые изразцы печи въ углу, на которыхъ пробравшись черезъ дрожащую листву и створки полуспущенныхъ жалюзи за окномъ, прыгали мягкіе, веселые солнечные блики — графъ вспомнилъ, что нынче въ уѣздномъ городкѣ, по случаю Ильина дня, ярмарка, и что Базиль Томиловъ звалъ его заѣхать за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться туда.

Тогда нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ со всѣми хатнянцами былъ въ Томиловкѣ, чувствуя себя тайнымъ, счастливымъ женихомъ и зная что объ этомъ его тайномъ женихорствѣ всѣ догадываются — онъ почти не обратилъ вниманія на слова Базіля, такъ какъ и самъ Базиль, и Ильинъ день, и ярмарка казались ему, по сравненію съ Варенькой и своимъ счастьемъ, и безконечно далекими и почти несуществующими. Въ нынѣшнее-же утро — и онъ самъ удивился этому — это далекое и почти несуществующее вдругъ придвинулось и съ нимъ все остальное, что до сихъ поръ составляло его жизнь.

Онъ вспомнилъ губернской городъ, въ которомъ жилъ и служилъ, вспомнилъ свою роскошную холостую квартиру и лакея Федора, всегда путавшаго имена приходившихъ къ графу дамъ и называвшаго ихъ по особымъ, имъ однимъ подмѣчаемымъ признакамъ, вспомнилъ шантаны, кабаки, кутежные знакомства — и весь клубокъ его нарядной, шумной и безмятежной городской жизни завертѣлся передъ нимъ, какъ юла. «Неужели-же отъ всего этого придется отказаться, подумалъ онъ почти съ ужасомъ и вдругъ къ этому ужасу и страху примѣшалось острое, стыдное, но не двусмысленно враждебное чувство къ тому человѣку, который вчера еще, какъ казалось ему, заполнялъ всю его жизнь. Человѣкъ этотъ, княжна Варенька, очаровательное, безпомощное и невинное существо, вдругъ показался ему какимъ-то грознымъ призракомъ ожидающаго

его вѣчнаго контроля, вѣчной совѣсти, вѣчнаго страданія за него и за его жизнь и существованіе такого другого, связаннаго съ нимъ навѣки и ожидающаго отъ него постоянной слитности, совмѣстности и отчетности существа — показалось ему до головокруженія душнымъ.

Онъ откинулся въ подушки, зажмурился и, потянувшись всѣмъ огромнымъ тѣломъ своимъ, стукнулся пятками объ изножье кровати и вдругъ свирѣпо выругался: «Чччортъ...» Онъ призывалъ нѣжность, сладкую, еще вчера такъ очаровательно наполнявшую его влюбленность, онъ призывалъ видѣнія самыхъ жгучихъ чувственныхъ наслажденій съ такимъ юнымъ и дѣвственнымъ существомъ, какъ Вареника, онъ думалъ — или старался думать — и о другомъ, и о необходимости продлить родъ, о томъ, что лучшей, очаровательнѣйшей и достойнѣйшей жены ему и представить трудно и что расторгнуть помолвку было бы и безчестно и глупо. Но потомъ опять представился ему вѣчный наблюдающій челоуѣкъ въ веселомъ его, знаменитомъ на всю губернскую столицу особнякѣ, вѣчная отвѣтственность передъ этимъ наблюдателемъ, страшная чинность и чистота, которая должны неразлучно послѣдовать за этимъ наблюдателемъ, вѣроятныя семейныя радости, дѣти, дюжинность и замкнутость жизни, душная степенность, душный гнетъ любви и самоотверженности и полное удушье того веселаго, шалаго, распоясаннаго сквозняка, который всегда провѣвалъ его жизнь и былъ ему такъ же любъ и неотъемлемъ отъ нея, какъ и сама эта жизнь.

«И дернуло же меня», подумалъ онъ, толчкомъ вставая съ кровати. Насвистывая кавалергардскій маршъ, онъ подошелъ къ умывальнику, не зовя лакея, вылилъ почти весь кувшинъ въ тазъ и ткнулся головой въ холодную, обжигающую, свѣжо пахнущую воду. Онъ долго мылся по поясъ, мы-

лился, плескался, фыркалъ и когда потомъ, стоя передъ трюмо, онъ тщательно вытиралъ мохнатымъ полотенцемъ свое раскраснѣвшееся, загорѣлое и свѣжее лицо и грудь, онъ уже спокойнѣе и ласконтѣе думалъ о своей помолвкѣ и опять нѣжно, радостно и виновато о княжнѣ.

«Чѣмъ-же она то виновата, думалъ онъ о ней, стараясь представить себѣ золотистый пушекъ на легкомъ загарѣ лица и очаровательную свѣжесть десенъ и зубовъ, когда, она, часто будто безъ причины не всегда понятно для него, смѣялась. «Смѣшливая моя, глупенькая моя» — думалъ онъ о ней, уже опять радуясь возможному счастью нравственнаго и тѣлеснаго обладанія такой — вѣроятно завидной для многихъ — только что расцвѣтшей весенней женщиной. Но нынче — продолжались его мысли — я поѣду къ Базилію и на ярмарку, и на ночь останусь и, вѣроятно, закучу, надо показать ей, что ни самопожертвованія, ни чрезмѣрныхъ мармеладовъ (онъ такъ и подумалъ: «мармеладовъ»..) отъ меня ей не придется ожидать, пусть привыкаетъ и поскорѣе узнаетъ, въ чемъ дѣло... Если выдержать — молодецъ будетъ и, слѣдовательно, м о ж н о будетъ, не выдержать — разойдемся...»

Чувствуя уже нетерпѣніе передъ чѣмъ-то, что — какъ казалось ему — ожидаетъ его въ уѣздномъ городѣ, графъ, одѣвшись и выйдя въ корридоръ, не направился въ сторону парадныхъ комнатъ и столовой, а повернулъ къ буфетной, чтобы пройти въ каретникъ и велѣть приготовить автомобиль. Когда онъ вошелъ въ буфетную, только старая няня Агафья стояла у одного изъ оконъ, насыпая корму въ клѣтку съ канарейкой и переговариваясь съ кѣмъ-то, находившимся въ кладовой, куда дверь была полуоткрыта. Она низко поклонилась графу, остановившемуся на секунду посреди комнаты, чтобы закурить папиросу, а потомъ продолжала разговоръ, глядя на полуоткрытую дверь кладовой, от-

куда слышался какой-то хозяйственный шумокъ. Пересыпаніе зерна или ягодъ и еще что-то.

— Дааа — протяжно говорила Агафья, старыми ревматическими пальцами закрывая клѣтку и бѣя ладошкой по прутьямъ, за которыми, нахохлившись, сидѣла канарейка — такъ я говорю, княжна: тридцать пять однѣхъ наволочковъ, да столько-же паръ простынь...

— Нууу... услышалъ графъ изъ кладовой низкій голосъ Прасковьи Валерьяновны и, хотя онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ подойти, поздороваться, попутить, какъ обычно — онъ сдѣлалъ видъ, будто не разслышалъ или спѣшить, бросилъ на кирпичный полъ спичку, вышелъ въ сѣни и спустился по ступенямъ на дворъ.

«Какая скука эта Прасковья Валерьяновна», — думалъ онъ почти брезгливо и жмурясь отъ солнца — добрая, трудолюбивая, безконечно примѣрная, но какъ она не задохнется отъ этой вѣчной кладовой, наволочковъ и хозяйства... Лишь-бы Варенька не сдѣлалась такою-же...

Уже на дворѣ съ полносочнымъ пыланіемъ назрѣвалъ знойный іюльскій полдень, сверкалъ щебень дороги, по которой онъ шелъ, направляясь къ конюшнямъ деревья парка за оградой были будто облиты струящейся ртутью, а вдали, за хозяйственными постройками открывался широкій, дрожащій солнцемъ просторъ луговъ, уже низкихъ послѣ первой косьбы и тамъ, за хворостяннымъ тыномъ денника, слышались звонкія, на весь просторъ воздуха, конскія ржанія. Онъ шелъ, чувствуя пыльный и сухой запахъ нагрѣтой солнцемъ придорожной ромашки и чебреца — и знойный день, который онъ собирался провести опять по своему, а не по ритуалу усадебной жизни, наполнялъ его молодымъ радостнымъ нетерпѣніемъ. Въ эти секунды ему казалось почти невозможнымъ отдать себя, какъ вчера еще, въ распоряженіе тѣхъ чистыхъ и непо-

рочныхъ людей, которыми онъ нынче, лицомъ къ лицу съ поѣздкой, Базилемъ и ярмаркой — тяготился, несмотря на нѣжную любовь къ нимъ.

Передъ нимъ, гоняя хворостинкой гусей, шла дворовая дѣвка, рослая и сочная, какъ все кругомъ. Анатолю были видны ея босыя загорѣлыя ноги съ еще неразвитыми икрами, завитки волосъ подъ сбившимся платкомъ и то, какъ она, идя лѣниво и небрежно, раскачивала стройными и узкими бедрами. Дѣвка наклонилась вдругъ, сорвала травянку, стегнула хворостинкой жирную гусыню, зашипѣвшую и вытянувшую шею, а потомъ оглянулась на него. Онъ увидѣлъ веселый, смѣшливый и ничуть не смущенный взглядъ голубыхъ глазъ въ пылавіи румянаго лица. «Пойдемъ вмѣстѣ»... истолковалъ онъ этотъ взглядъ, чувствуя, что онъ обжегъ его и заставилъ ускорить шаги.

Но въ это время изъ конюшни вышелъ парень съ сермяжной, открытой на груди, рубахѣ, подошелъ, шурша босыми ногами по сухой и пыльной травѣ, къ дѣвкѣ, грубовато облапилъ ее за талию и пошелъ съ нею рядомъ, раскачивая ея стройное, податливое тѣло движеніями большихъ, грубыхъ и темныхъ рукъ.

«Вотъ, подумалъ Анатолий, такъ просто и плотски свободно пойдутъ они въ луга, потомъ въ дубнякъ, уляжутся въ тѣни и лѣниво, просто, какъ звѣрье, какъ части этого пылающаго, лѣтняго, плотскаго и знойнаго дня, сольются вмѣстѣ, не зная и не чувствуя никакихъ къ тому преградъ».

Чувствуя, какъ отъ этого обычнаго деревенскаго зрѣлища и отъ своихъ мыслей о немъ, въ немъ еще сильнѣе, чѣмъ утромъ, проснулася желаніе распоясаться и хотъ на одинъ день освободиться отъ милыхъ, ласковыхъ, но слегка надѣвшихъ сѣтей добродѣтельной усадебной жизни, графъ черезъ конюшню, гдѣ его обдало пріятной нутряной прохладой, запахомъ кожи, навоза и мочи

и гдѣ на него изъ полутьмы любопытно косились топазовые ковскіе глаза—прошелъ въ каретникъ.

Уже издали онъ увидѣлъ молодого, шегольского и бывалаго своего шоффера, въ гамашахъ и въ разстегнутой курткѣ сидѣвшаго на подножкѣ фаэтона и что-то рассказывавшаго стоявшимъ передъ нимъ ковоухамъ.

— Три-и-дцать пять рублей въ мѣсяць, братцы, это вамъ не дохлый карась...—услышалъ графъ его молодой важничающій голосъ и подумалъ: «что это я нынче все натыкаюсь на разговоры о тридцати-пяти.., тамъ няня, тутъ Степанъ»...

Увидя графа, шофферъ вскочилъ, вытянулся и съ восторженно фамильярной улыбкой воззрелся на него. Графу пріятно было смотрѣть въ его молодое, безпечное, памятное по кутежамъ и приключеніямъ лицо. такъ же пріятно, какъ то, что за покрытой рогожными цыновками старинной каретой онъ увидѣлъ дутыя шины, блескъ спиць и сверканье лоснящихся синихъ стѣнъ радиатора, потому что онъ зналъ, что этотъ бывалый, вѣрный и веселый парень и эти дутыя шины легко и весело повезутъ его навстрѣчу всему тому, по чемъ онъ жадно соскучился...

9.

Въ четвертомъ часу, бѣлые отъ пыли и слегка сонливые отъ лютаго зноя, графъ и Базиль Томиловъ подъѣзжали къ уѣздному городку. Когда изъ за степныхъ кургановъ и холмовъ внезапно вынырнули мутнозолотыя соборныя маковки и вышка пожарной каланчи съ флюгеромъ — графъ и Базиль закричали «А-а-аа» и оба захохотали. Вся сонливость мгновенно пропала и въ эти минуты имъ казалось, что ни Питеръ, ни даже Парижъ не могли-бы ихъ такъ порадовать своимъ внезапнымъ

появленіемъ, какъ свой захудалый родной Овчарскъ съ его знакомыми лицами, Собраніемъ, ярмаркой, пылью, кабаками и тѣмъ, что при желаніи все это можно поставить вверхъ дномъ.

Уже проѣзжали, подъ шлагбаумомъ, мимо почтовой станціи съ легкимъ серебрянымъ шумкомъ тополей за кирпичной оградой, съ полосатой будкой и запыленнымъ двуглавымъ орломъ надъ вывѣской, уже плавно проскользнули по занозистому бѣлому отъ пыли, настилу низкаго моста, гдѣ камышь рѣченки почти достигалъ периль и гдѣ на мгновенье пахнуло водой, болотомъ и осокой, уже — съ сердатымъ моторнымъ гуломъ — поднимались на горку съ низкими домишками, сверкавшими на солнце голубыми и зелеными ставнями и слюдою оконцевъ, съ георгинами и мальвами въ пыльных палисадникахъ и съ первымъ пьянымъ мужикомъ, державшимся за кривой телеграфный столбъ и осоловѣлыми глазами неодобрительно глядѣвшимъ на нихъ. Уже въ одномъ изъ оконцевъ мелькнула, стыдливо запахивая капотъ, какая то дебѣлая уѣздная красавица, а въ воротахъ промаячила пестрая босая дѣтвора, отпихивавшая ногами лающихъ дворняжекъ, уже подплывали первыя знакомыя вывѣски — «Трактиръ И. С. Бондаренки» съ чайникомъ и протыканной вилкой огромной рыбой на блюдѣ, «Парикмахеръ Щупакъ» съ изумленнымъ лиловоусымъ господиномъ — и все это знакомое и предчувствуемое заставляло ихъ смѣяться и глядѣть другъ на друга веселыми заговорщицкими глазами: «Все, молъ, на своемъ мѣстѣ и все къ нашимъ услугамъ»..

Чѣмъ больше приближались къ торговой площади, тѣмъ чаще попадались телѣги, цыгане съ лошадьми, пьяные мужики и мѣщане, ходившіе, размахивая руками и крича, посреди улицы, бабы съ дѣтьми, старухи-богомолки, сидѣвшія на откосахъ заросшихъ травю тротуаровъ и разувавшія

лапти, шеренги обнявшихся хмельных парней съ гармошками, опять телѣги съ привязанными къ нимъ коровами, овечьи отары, мальчишки скупщики и все это суетливое, полупьяное, загорѣлое и крикливое пылало на всю улицу, такъ что воздухъ былъ золотисто-сизый и дрожащій.

— По Дворянской поѣдемъ, или по площади прикажете?.. оглянулся шофферъ, замедляя ходъ и сверкая бѣлками подъ густой палевой пудрой запыленныхъ рѣсницъ и бровей.

— По Дворянской, по Дворянской, закричали оба сѣдока, а графъ прибавилъ: послѣ пойдѣмъ на ярмарку, а теперь треба закусить, и выпить первымъ дѣломъ... Да и не протолчешься на площади, вишь сколько идетъ и ѣдетъ, ну его...

— Заку-у-симъ... вы-ы-пьемъ, съ удовольствіемъ сказалъ Базиль, разстегивая пыльникъ и медленно снимая перчатки. Я, надо тебѣ замѣтить, третью недѣлю трезвенникомъ живу, не считая, впрочемъ, Хатняго и у насъ въ среду. но это чтожъ... котъ наплакалъ. По нашему не считается...

— Не считается..— съ удовольствіемъ впадая въ холостяцкій тонъ Базиля, сказалъ Анатолий. Да и я, знаешь, того... такимъ праведникомъ живу, что боюсь, какъ-бы не появилось сіянія вокругъ головы...

Корнетъ фыркнулъ.

— Сегодня уничтожимъ въ корнѣ всякія, такъ сказать, попытки.. сказалъ онъ, проводя рукой по свѣтлымъ своимъ, коротко стриженнымъ усикамъ—фу-ты пыли-то сколько набралось..

Изъ-за угла показалось двухэтажное скромное зданіе Собранія съ тополями передъ нимъ, покрившимся балкономъ, съ знакомой огромной мѣдной ручкой дверей съ галлереей изъ молочнаго стекла. Автомобиль безшумно остановился. Въ ту-же секунду изъ открытаго верхняго окно бры-

знули на улицу гуль голосовъ, смѣхъ, чей-то восторженный голосъ, фальшиво воспѣвавшій:

— На-аа возду-у-шномъ о-океанѣ...

— Эх-хэ-э!.. весело сказалъ корнетъ, подмигивая графу и смѣющемуся, открывавшему дверцы автомобиля шоффера. Тамъ уже орудуют!..

Разминая ноги и отряхая пыльники, графъ и корнетъ поднялись на второй этажъ. Какъ всегда въ лѣтніе мѣсяцы—нѣсколько комнатъ Собранія, передняя и смежная билліардная, находились въ ремонтѣ, но нынче, въ праздничный день, рабочиыхъ не было, на полу были разложены газеты съ жирными оттисками ногъ, въ билліардной виднѣлись кисти, ведерка съ охрой и тамъ, у забрызганныхъ мѣломъ оконъ густо и сонно, по лѣтнему, гудѣли и билась объ стекла мухи.

— Интересно, кто это тамъ разоряется, сказалъ графъ и первый, ступая по газетамъ, прошелъ въ комнату, откуда слышались голоса и пѣніе. За нимъ, звеня шпорами и вытирая носовымъ платкомъ вспотѣвшее и пыльное лицо, пошелъ и корнетъ.

Въ угловой комнатѣ съ мебелью въ чехлахъ, со старинными, косо-висѣвшими на стѣнахъ, портретами какихъ-то забытыхъ, заслуженныхъ дворянъ и купцовъ, съ покрытымъ царапинами и надписями трюмо и съ дрожащими висюльками люстры—сидѣло и обѣдало большое и уже порядочно хмельное общество. Тутъ были и окрестные и мѣстные дворяне, и земскіе, и нѣсколько именитыхъ купцовъ. Когда графъ и корнетъ вошли въ комнату, ихъ встрѣтили такими восторженными и громкими криками и почти каждый, перегибаясь черезъ столъ и полувставая, говорилъ графу, извѣстному во всей губерніи и любимому всѣмъ кутящимъ народомъ, какое-нибудь особо-удачное, мѣткое и смѣшное привѣтствіе, требовавшее отвѣта,

что Анатолий, жмурясь и со смѣхомъ закрывая уши, отмахнулся и крикнулъ:

— Сейчас, сейчас, почтеннѣйшіе, дайте пыльникъ снять и очухаться!.. Вѣдь мы во-ооо какіе.. говорилъ онъ громко и весело, вытирая лицо платкомъ и показывая пыльные слѣды на немъ.

— Ну ладно, идите, и возвращайтесь скорѣе, кричалъ имъ, пыхтя сигарой, предводитель. Къ вамъ дѣло есть...

Графъ и корнетъ, улыбаясь и подмигивая кому попало — «будетъ, молъ дѣло»... — направились корридоромъ къ буфетной, откуда уже выходилъ семеня ножками и оглядываясь, экономъ Иванъ Трофимычъ. Это былъ куцый и толстый человѣчекъ въ вѣчномъ сюртукѣ, съ вѣчнымъ, будто всегда однимъ и тѣмъ-же низкимъ отложнымъ воротникомъ, открывавшимъ его жирную, съ заплывшимъ кадыкомъ, бурую шею. У этого Ивана Трофимыча былъ извѣстный во всемъ уѣздѣ нервный тикъ, заставлявшій его почти непрерывно легонько кивать головою, будто онъ постоянно говорилъ:

— Какъ-же, какъ-ж, какъ-же...

И теперь, встрѣчая графа и корнета, а потомъ проводя ихъ въ уборную, посылая мальчика за полотенцами и щетками, разспрашивая о дѣлахъ, онъ легонько и степенно кивалъ головой.

— На ярмарку изволили пріѣхать, ваше сіятельство, спрашивалъ онъ графа и самъ-же отвѣчалъ себѣ: «Какъ же, какъ-же!» — Неважная нынче ярмарка, одна видимость. какъ-же, какъ-же..

— Развѣ? — удивился графъ, воюя съ рукомыникомъ, пускавшимъ слишкомъ высокія или слишкомъ низкія струи и все брызгавшимъ въ ту сторону, куда не надо было — а намъ казалось... фу ты чортъ, сказалъ онъ, нажимая педаль и прицѣливаясь къ струѣ. Намъ казалось... Вѣдь народу, голубчикъ мой, пропасть, а?.. говорилъ онъ, уже поймавъ струю и прополаскивая глаза.

— Народу-то пропасть, какъ-же, какъ-же отвѣчалъ экономъ— да какой-же толкъ?.. Это развѣ конскій торгъ.. какъ-же, какъ-же.. это, извините за выраженіе, одна цыганщина!..

— Да ну ихъ, вытираюсь и фыркая говорилъ Анатоль, весело подмигивая корнету— намъ лошадей не покупать, намъ, Иванъ Трофимычъ, рюмку другую водки выпить, вотъ и все наше дѣло, а водка, надѣюсь, найдется. .

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, собирая вокругъ глазъ мѣшечки, улыбнулся экономъ и опять закивалъ степенно: какъ-же, какъ же...

Когда, освѣженные, вычищенные и нарядные, графъ и корнетъ снова вошли въ угловую комнату, ихъ встрѣтили уже не какъ неожиданность, а какъ пріятную составную часть компаніи, безъ которой, эта послѣдняя была бы неполной. Предводитель, съ раскраснѣвшимся породистымъ лицомъ и съдыми бакенбардами, шумно придвинулъ стулъ и, усадивъ графа рядомъ съ собою, сейчасъ же съ таинственнымъ и значительнымъ видомъ зашепталъ ему что-то на ухо. Корнетъ очутился между молодымъ земскимъ начальникомъ съ прыщавымъ лбомъ и однимъ изъ помѣщиковъ, двоюроднымъ дядей, добродушно и съ влажными глазами обнявшимъ его и громко, по военному, крикнувшимъ: — садись.

И графу и корнету сейчасъ же налили въ рюмку а потомъ еще и еще, торопя ихъ нагнать и всѣ наперебой стали рассказывать дальнѣйшую программу дня и о томъ, что уже было пропущено ими и какъ это жаль, что столько было пропущено. Еще хмельное общество казалось графу и корнету смѣшнымъ и безпричинно восторженнымъ, еще они замѣчали все ясно и безъ тумана, видѣли, какъ часто ктонибудь изъ компаніи вставалъ, подходилъ къ трюмо, глядѣлся на себя, ухарски крутилъ усы и самодовольно, что-то напѣвалъ или насвистывалъ своему отраженію, а потомъ возвращался

къ столу, молодецкато—бочкомъ или верхомъ—садился на стуль и залпомъ выпивалъ рюмку. Еще важность споровъ за столомъ казалась вновь прибывшимъ преувеличенной и самая соль этихъ споровъ не совсѣмъ уловимой, еще специфическія словечки и намеки нынѣшняго дня не всѣ были усвоены, а потому было непонятно и не слишкомъ смѣшно, когда толстый помѣщикъ Дерябовъ, чокаясь съ купцомъ Крышинымъ, говорилъ, вѣроятно кому-то подражая, преувеличенно въ носъ: «За стоеросовое!» и когда всѣ надъ этимъ такъ бурно, до слезъ хохотали.

Но выпили еще, и когда какіе-то другіе — кажется, земскій начальникъ и сосѣдній предводитель Крымовъ — чокаясь англійской горькой оба, какъ по командѣ, опять сказали въ носъ: «За стоеросовое!» — это уже показалось графу и корнету по настоящему смѣшно. Послѣ этого уже появилась, пріятная, ласковая и теплая муть въ глазахъ и все казалось необычайно милымъ, добродушнымъ и смѣшнымъ, уже можно было уловить всѣ намеки и понять всѣ остроты и уже хотѣлось самому выдвинуться, пропѣть чтонибудь или сказать спичъ...

Потомъ, послѣ кофе съ ликерами, когда за открытыми окнами снизившееся солнце уже по вечернему тепло и румяно золотило стекла фотграффа Лобача напротивъ Собранія и рои комаровъ розово качались надъ пылью улицы — всѣ шумно встали, намѣреваясь пройтись и еще разъ взглянуть на ярмарку. Предводитель зычнымъ командующимъ голосомъ приказывалъ появившемуся изъ буфетной Ивану Трофимычу оставить кабинетъ на вечеръ и приготовить ужинъ на двадцать персонъ.

— Понялъ?! кричалъ предводитель, съ высоты своего огромнаго роста кладя холенія руки на плечи куцаго эконома и тряся его—на двадцать, на тридцать персонъ.. говорилъ онъ со смѣхомъ, подмигивая остальнымъ — тамъ еще прибавятся, да и

актерокъ поддѣлимъ изъ Миража, такъ и знай. Да что ты все головой мотаешь, а?.. Вотъ ужъ, прости Господи, привычка... Прррямо держись... рывкнулъ предводитель съ налившимися отъ смѣха глазами, беря испуганнаго эконома за подбородокъ и заставляя его не шевелиться.

Но только онъ опустилъ руку, какъ экономъ опять закивалъ: «Какъ-же, какъ-же, какъ-же...» Компания съ шумомъ и смѣхомъ, давая предводителю пройти впередъ, выходила изъ Собранія.

10.

Та веселая, зыбкая муть въ глазахъ, которую Анатолий почувствовалъ уже во время обѣда, еще усилилась, когда онъ вышелъ на улицу. Низкіе дома, румяное тепло вечера, комариные рои надъ розовой пылью булыжной мостовой, пожарная колонча за деревьями сквера, лимонный крендель надъ старой, памятной еще по дѣтству булочной толстаго нѣмца Шрадера, а потомъ площадь съ нѣсколькими десятками будокъ и палатокъ, затихающій шумъ торжка, мужики, ведущіе подъ уздцы спотыкающихся, непривыкшихъ къ мостовой молодыхъ коней, коровы съ палевымъ качаніемъ вымени, лиловыя бабы съ пряниками, цыгане, дивчины съ монистами, карусель съ флажками, вся рябь и зыбь, красокъ, звуковъ, движенія была какъ будто игрушечная, не совсѣмъ реальная и очень смѣшная.

Очутившись на торжкѣ, графъ рѣшилъ, что этотъ смѣшной игрушечный торжокъ надо какъ-нибудь использовать по своему. Отдѣлившись отъ остальной компаніи, онъ подошелъ къ толстопузому пятилѣтнему мальцу, стоявшему съ понуримъ и покинутымъ видомъ у телѣги, поднялъ его на руки и спросилъ:

— Пряничковъ хочешь?..

Малець испуганно, засопѣвъ носомъ, взглянулъ на него, но потомъ улыбнулся на секунду и очень серьезно отвѣтилъ:

— Хоцу...

Графъ поднялъ его на прилавокъ будки и велѣлъ бабѣ дать ему пряниковъ.

— Кто еще хочетъ пряниковъ?.. спрашивалъ Анатоль, оглядываясь кругомъ и подманивая пальцемъ двухъ дѣвочекъ въ цвѣтныхъ платочкахъ, вынырнувшихъ откуда-то изъ-за палатки, чтибы лучше видѣть, что это огромный господинъ будетъ дѣлать съ Митькой. Но графъ такъ долго манилъ пальцемъ, пока онѣ, преодолевъ смущеніе, не подошли къ прилавку и не получили по пряничному сердцу съ глазурью. А тутъ онъ услышалъ за собою чей то гнусавый голосокъ:

— Дяденька, да-а-ай...

И увидѣлъ босого парнишку съ измазаннымъ лицомъ и огромными просящими синими глазами. Парнишка-же потянулъ за собою и дѣвченку въ отцовскихъ опоркахъ и съ золотушной сыпью на щекахъ и тогда со всѣхъ сторонъ начали показываться безмолвные просящіе глаза. Въ это время на тротуарѣ раздался удивленный громкій голосъ:

— Что это онъ дѣлаетъ?!

И предводитель Крымовъ и земскій захохотали, а тамъ показались и остальные. Но графъ отмахнулся отъ нихъ, очень серьезно и дѣловито разговаривая со своими новыми знакомыми.

Послѣ пряниковъ онъ съ огромной толпой ребятъ ходилъ къ колбаснымъ жаровнямъ, потомъ къ тире и карусели и тогда увидѣлъ, что и земскій уже, и корнетъ, и помѣщикъ Дерябовъ и другіе окружены и то и дѣло вынимаютъ кошельки. По торжку послѣдней злобой дня разнеслась вѣсть: «Господа угощаютъ!» и уже бабы, завидя господъ ихъ съ толпой ребятъ и подростковъ, кричали и зазывали наперебой.

Анатоль, ощущая уже то знакомое упоение, которое всегда являлось къ нему, когда онъ видѣлъ пышный и веселый расцвѣтъ какой-нибудь своей затеи, чувствовалъ въ то же время, что онъ слишкомъ трезвъ, чтобы по-настоящему смаковать это свое упоение. Онъ оглянулся. Недалеко, около чистильщика сапогъ, вислоусаго армяшки въ бархатной жилеткѣ, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ деревенскихъ парней, поглядывавшихъ то на чистильщика, то на свои сапоги и, очевидно, не рѣшавшихся подойти, хотя армяшка, переставляя баночки и размахивая щеткой, кричалъ имъ:

— Иди, душа... не стѣснайся, душа... гланць наведу!..

Расплатившись съ карусельщикомъ, Анатоль подошелъ къ парнямъ.

— Ну што, братцы? — спросилъ онъ засунувъ руки въ карманы пиджака и небрежно кивая головой — трѣба сапоги почистить, а?.. Ну, армяшка, наводи, говорилъ онъ, кладя на подставку ногу и глядя на парня, стоявшаго рядомъ.

У парня этого было открытое, смышленное лицо и на вопросъ графа, покупалъ онъ или продавалъ на ярмаркѣ, онъ охотно и толково отвѣтилъ съ видимымъ желаніемъ потолковать съ бариномъ. Когда армяшка окончилъ графскіе ботинки, Анатоль жестомъ руки пригласилъ и парня воспользоваться. Тотъ ухмыльнулся, сдвинулъ фуражку на затылокъ, но потомъ увѣренно поставилъ ногу въ запыленномъ грубомъ сапогѣ на подставку. Уже другой кто то изъ парней приблизился къ графу, вставляя свое слово въ разговоръ о лошадяхъ, и о цыганахъ и черезъ нѣсколько минутъ, уже съ вычищенными въ лоскъ сапогами, осторожно минуя навозъ и лужи парни вслѣдъ за графомъ шли въ трактиръ «Ярославль», откуда изъ открытыхъ оконъ — неся имъ навстрѣчу вкусный ярмарочный хмельной гуль. Разговорчивые шли по бокамъ графа, толкуя уже о тракторахъ и о знакомой экономіи, другіе

трое, робкіе, смущенно шли сзади, подталкивая другъ друга локтями и ухмыляясь.

Въ трактирѣ уже зажигались лампы, бѣгали полные половые, въ чаду, въ крикахъ, въ махорочномъ дыму и остромъ кабацкомъ запахѣ, будто плыли и вертѣлись разгоряченныя лица и такое все было кривое, угарное, удалое и лохматое, что только и оставалось либо самому пріобщиться къ лохматому и сдѣлаться имъ, либо бѣжать безъ оглядки. Но ни графъ, ни парни не думали бѣжать. Они сѣли за столикъ — еще одинъ свободный нашелся у окна — и когда появилась водка и нехитрая кабацкая закуска, всѣ набросились на то и на другое съ жаромъ.

Графъ зналъ въ себѣ эту радость отъ опрощенія, отъ новаго и идущаго въ разрѣзъ съ привычнымъ, а потому онъ совершенно не удивлялся себѣ, наслаждаясь возможностью въ себѣ примитивнаго. Это примитивное — кабакъ, водка, парни и нехитрые, простые, душевные, черноземные разговоры — казалось ему въ эти минуты цѣннѣе, нужнѣе и милѣе всѣхъ ухищреній его жизни. Онъ видѣлъ торговую площадь за окномъ, застрѣхи будокъ, парусиновую карусель, толпу, оглобли лошадей, видѣлъ мутнѣвшее и сизѣвшее небо съ первыми блѣдными искрами свѣтлыхъ изумрудныхъ звѣздъ, онъ слышалъ гулъ вокругъ и за окнами добродушные крики, добродушное ухаеье гармошекъ, свистки, деревенское пѣніе, онъ видѣлъ близко около себя добродушныя, загорѣлыя, будто давно знакомыя лица парней — и все это наполняло его почти умиленіемъ. Правда, трое робкихъ парня еще глядѣли на него, какъ на диковинку, смущались и только изрѣдка невнятно переговаривались между собою, два-же ближнихъ къ нему, тѣ, съ которыми онъ разговаривался уже у армяшки, совершенно перестали смущаться, говорили съ нимъ почти какъ съ равнымъ и, онъ отъ времени до времени съ удовольствіемъ замѣчалъ уже какіе-то панибратскіе оттѣнки въ обращеніяхъ къ нему парней. Это было

то круглое, румяное и хмѣльное въ жизни, что онъ любилъ и отъ чего чувствовалъ обжигающую мальчишескую радость. Онъ зналъ, что пріобщается къ жизни болѣе правдоподобной и настоящей, чѣмъ та, которая обычно составляетъ его дни, и эта правдоподобная, ладная, нынче хмельная, но ничуть не страшная во хмелю жизнь, представлялась ему рѣдкимъ для него, сочнымъ и необычайно вкуснымъ плодомъ, растущимъ, вѣроятно, повсюду, но только изрѣдка доступнымъ ему.

Чувствуя, какъ крѣпкая его, выносливая голова, крѣпко хмелеетъ, онъ говорилъ со словоохотливыми парнями о сахарномъ заводѣ Андреевки и о томъ, что человѣкомъ нельзя замѣнить машину. Тема эта казалась ему чрезвычайно глубокосмысленной, парни до крайности развитыми и онъ, глядя на крѣпкія, молодые и умныя лица парней, на ихъ опрятныя косоворотки и руки, чувствовалъ, что стоять только захотѣть, и всѣ преграды между людьми должны и могутъ быть разрушены и что онъ помѣщикъ и графъ, отъ времени до времени разрушающій эти преграды—поступаетъ правильно.

Разговаривая съ парнями, уже такъ-же, какъ они, облакачиваясь на столъ, заѣзжая иногда пальцами въ волосы, такъ же, какъ они выговаривая нѣкоторыя слова, Анатолий иногда оглядывался по сторонамъ, видѣлъ ту-же туманную, красноватую муть трактира, потныя лица, огромнаго рыжаго купца, кругло открывавшаго ротъ и кому-то кричавшаго:

— Эй ты, скотопромышленникъ... такой-сякой...

Видѣлъ часто пробѣгавшаго и глупо ухмылявшагося полового съ блѣднымъ монашескимъ лицомъ, еще другія менѣе отчетливыя пятна, чувствуя керосиновый чадъ, слыша почти непрерывный скрипъ блока у выходныхъ дверей, онъ иногда оглядывался на дверь, бессознательно кого-то поджидая, и каждый разъ видѣлъ знакомаго овчарскаго газетчика, сидѣвшаго на грязныхъ и пыльныхъ ступенькахъ у дверей, вынимавшаго изъ кар-

мана штановъ пустую сотку и дѣлавшаго видъ, что пьетъ и что онъ пьянъ. У газетчика этого, глухонѣмого парня, было идиотское и жалкое лицо и Анатоль, видя его сумку, изъ которой отчетливо торчалъ одинъ помятый и, вѣроятно, старый номеръ «Русскаго слова», видя его жалкіе, идиотскіе и безстыдные жесты и то, какъ всѣ проходятъ мимо него, какъ мимо бездомнаго пса, только-только не награждая его пинкомъ, слыша его мычаніе — «Ама-ааа...а-ам ааам...» — Анатоль постепенно началъ ощущать безпокойство и какой то странный смутный зудъ стыда. Уже трактиръ, облитый столь кислый запахъ огурцовъ были почти непріятны ему и въ то-же время, ему остро и мучительно жаль было тѣхъ словоохотливыхъ и развитыхъ парней, которые сидѣли за его столомъ и такъ довѣрчиво смотрѣли ему въ лицо довѣрчивыми и ясными глазами.

Довольно, сказалъ онъ себѣ, чувствуя, что ему какъ мучениковъ и какъ друзей хочется обнять парней и въ то-же время стыдась своей внезапной чувствительности.

Онъ всталъ, подошелъ къ трактирщику, заказавъ еще пива для остающихся, а потомъ вернулся къ столу. То, что онъ внезапно всталъ и расплатился за всѣхъ какъ баринъ, сразу отодвинуло отъ него не только тѣхъ робкихъ и смущавшихся его парней, съ которыми онъ не сказалъ ни одного слова, но и тѣхъ приблизившихся къ нему и разговорчивыхъ, которые уже казались ему друзьями.

— Вотъ что, братцы, сказалъ онъ съ напускной веселостью и ухарствомъ, внутренне поморщившись отъ казеннаго слова «братцы» — вотъ что... мнѣ нужно идти въ одно мѣсто, гдѣ меня ждутъ, а вы пожалуйста еще посидите, я еще заказалъ пива, выпьете за мое здоровье... А за симъ прощенья просимъ... — говорилъ онъ, крѣпко пожимая руки парнямъ и чувствуя неестественность своихъ словъ и движеній.

Парни почтительно вставали и неловко, съ

опущенными глазами, широкими шершавыми ладонями пожимали его мягкую и холеную руку. «Совсѣмъ не то, что я хотѣлъ, подумалъ Анатоль, на мгновенье еще разъ взглянувъ на одного изъ словоохотливыхъ парней. Тотъ, поймавъ его взглядъ, уже смущаясь передъ остальными, что его выдѣлили, неловко улыбнулся, опустилъ глаза и переставилъ рюмку съ недопитой водкой.

Графъ, чувствуя на своей спинѣ взгляды, о которыхъ онъ не зналъ, добродушны-ли они, смѣшливо—равнодушны-ли или презрительны — пошелъ къ выходу. Проходя мимо газетчика, онъ быстро сунулъ ему монету и слыша за собою обрадованное несносное мычаніе—«Амамо аа... аамъ...», онъ вышелъ изъ трактира.

11.

Дальнѣйшее было совсѣмъ путано и безтолково.

Анатоль направился въ кинематографъ, гдѣ по случаю ярмарки должны были быть кромѣ картинъ еще и фокусники, пѣвицы и танцовщицы и куда до ужина въ клубъ собирались его друзья. Тамъ маленькій, плѣшивый и золотозубый господинъ, администраторъ, дѣлая испуганные глаза и почему-то называя свѣтлостью, подъ руку повелъ его въ залу къ ложамъ, и онъ очутился во тьмѣ, тыкался объ колѣни и стулья, его со всѣхъ сторонъ подхватывали руки и куда-то усаживали. Онъ узнавалъ знакомые голоса и пятна лицъ, блѣдно освѣщенные экраномъ. и всѣ эти знакомые голоса и лица спрашивали его гдѣ онъ пропадалъ и онъ говорилъ всѣмъ, захлебываясь и повторяясь, что побывалъ, подобно Орфею, въ аду. Чувствуя пріятность отъ знакомыхъ и привычныхъ голосовъ и словъ, онъ началъ смотрѣть на экранъ, увидѣлъ столовую съ огромнымъ буфетомъ и тещу, бросающую тарелками въ черноусаго щуплага господинчика въ ста-

ромодномъ сюртукѣ, а потомъ какія-то ущелья, всадниковъ съ широкими поясами и кобурами револьверовъ, и слѣпого старика, трагически потрясавшаго палкой и на кого-то, вѣроятно, накликавшаго гибель, но отъ всего этого графу неожиданно захотѣлось спать, глаза казались налитыми горячимъ свинцомъ и они помимо воли закрывались

Такъ онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, только изрѣдка открывая ихъ и видя гдѣ-то далеко и неясно, сквозь полусонную муть, женщину съ тончайшей таліей, ходившую по роскошному будуару и ломавшую руки, опять старика, умирающаго и благословляющаго бурно дышавшую дѣвушку, господина, попавшаго въ яму съ известкой и махавшаго оттуда цилиндромъ Но и старикъ, и цилиндръ и опять всадники, и ущелья мѣшались въ одно, страшно тяжелое для глазъ, мигающее и неуловимое и онъ сквозь сонъ что то спрашивалъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ корнета, но и корнетъ, и всѣ остальные, только бурно и утомительно хохотали надъ его словами.

Потомъ опять сдѣлалось свѣтло и какъ-будто легче и его толкали въ бокъ, чтобы онъ сидѣлъ прямо. Онъ увидѣлъ фокусника, окруженнаго безчисленными пестрыми предметами, назначеніе которыхъ было совершенно туманно, фокусникъ махалъ палочкой и засучивалъ рукава фрака, потомъ что-то переливалъ, но ему, Анатолю, казалось, что онъ можетъ сдѣлать все гораздо проще и лучше фокусника и онъ все силился встать, чтобы пройти на сцену, и уже громко говорилъ что то недозволенное:

— Эй, петь!.. Малдой чѣоэкъ!.. Эй ты... орфей въ аду... Пстой!..

И ему казалось, что это очень смѣшно и правильно и что на него напрасно шикаютъ и удерживаютъ за руки.

Потомъ какая-то взволнованно дышавшая дама, похожая на дѣвушку изъ картины, долго отшвы-

ривала ногой шлейфъ на занозистомъ полу сцены и потомъ пѣла:

«...По-о мни... что лэ-э-томъ... фѳа-а-локъ... ужнѣтъ...»

А онъ, Анатоль, обращивался и спрашивалъ всѣхъ своихъ милыхъ, смѣшныхъ, путающихся друзей:

— Запомнишь?.. Лѣтомъ фѳалокъ ужъ нѣтъ!.. Понимаешь?.. Такъ и запишемъ!..

И онъ искалъ у себя и у другихъ записную книжку, чтобы записать о фѳалкахъ, и чувствовалъ, какъ дурачливая, шалая волна приликала къ груди.

Окончилось все это тамъ-же, гдѣ и началось, въ клубѣ, и въ той-же комнатѣ съ заслуженными дворянами и купцами на стѣнахъ и съ трюмо въ углу. И тогда казалось, что постоянно и была эта комната, и никакой ярмарки, трактира, улицы не было и не могло быть. Опять были столы съ закуской и напитками и Анатоль подходилъ, бралъ въ руку тонкое горлышко шустовской Рябины, становился противъ, трюмо, подмигивалъ себѣ и еще кому-то и пилъ изъ горлышка, но потомъ какая-то рыжеватая женщина обнимала его сзади длинными напудренными руками, отнимала бутылку и уводила къ дивану, а онъ называлъ ее фѳалкой и такъ звѣрски мялъ и тискалъ въ своихъ огромныхъ потныхъ лапахъ, что у женщины появлялись слезы на подведенныхъ и будто стеклянныхъ глазахъ.

И частые, страшные и неожиданные были провалы памяти, свѣта, сознанія, всего окружающаго, но потомъ изъ проваловъ опять выплывалъ корнетъ, ѣвшій, обливаясь сокомъ, грушу и отплясывающій какой-то негритянской танецъ, и земскій съ дамской пляпой на головѣ, игравшій на мандолинѣ или на гитарѣ, и опять какъ будто фокусникъ, размахивавшій вѣромъ, потомъ коверъ, на которомъ полуобнаженная женщина танцевала фанданго — несмотря на провалы онъ зналъ, что это фанданго — танцевала и странно, будто обжигаясь на коврѣ, ступала маленькими, нарумяненными, осто-

рожными голыми ногами, и ноги эти, подвижные пальцы и посѣрѣвшія отъ пыльнаго ворса ковра пятки, были похожи на экзотическіе цвѣты или плоды, на бананы, и Анатолю тянулось къ нимъ длинными но безсильными руками и падалъ съ дивана.

А потомъ совсѣмъ близко была женщина въ полутьмѣ, въ сладкой истомѣ ощущаемая хмельнымъ тѣломъ, ощущаемая совсѣми запахами, извивами, со всею страстью и духотой, и звѣрская безжалостность къ ней и вѣжная жалость, и сквозь эту безжалостность и жалость, сквозь мракъ и липкость провала вдругъ — обжигающе-стыдно — вставала память о княжнѣ, дрожью и судорогой тѣла ощущаемая, какъ ударъ, но приносящая натуманенному мозгу, какъ дуновенье прохладнаго вѣтра, надежду на спасеніе отъ мрака, липкости и стыда.

12.

Княжна проснулась рано и сейчасъ-же вспомнила вчерашнее, отъѣздъ графа въ Овчарскъ и ту обиду, которую она почувствовала отъ его неожиданнаго отъѣзда. Вспомнила она и то, какъ непривыченъ былъ ей длинный лѣтній вечеръ безъ него, медленная прогулка съ княгиней бабушкой и миссъ Уойтъ къ вѣтряной мельницѣ и обратно, какимъ сиротливымъ ей казался малиновый, дымный закатъ солнца въ степи, какимъ покинутымъ и неживымъ паркъ и какимъ долгимъ ужинъ, за которымъ никто не говорилъ о графѣ, будто въ немъ и въ его отъѣздѣ было что-то, о чемъ не совсѣмъ прилично было упоминать...

Одѣвшись княжна спустилась внизъ и сейчасъ же направилась на террасу и въ паркъ, зная, что въ столовой еще никого нѣтъ, да и не желая

ни съ кѣмъ встрѣчаться. Ей казалось, что до тѣхъ поръ, когда она встрѣтится съ людьми, ей надо что-то очень важное обдумать и рѣшить, и что отъ этого рѣшенія зависитъ вся дальнѣйшая ея жизнь.

Но она прошла паркъ, прошла и мимо оранжереи, гдѣ садовникъ Архипъ, пылая рыжимъ волосомъ и оголяющимся лбомъ на ослѣпительномъ утреннемъ солнцѣ копалъ парники и поклонился ей, защитивъ глаза ладонью, она вышла на тропинку и уже приближалась къ дубняку, граничившему съ пляхомъ, но никакого не только рѣшенія не было въ ней но даже опредѣленной мысли—на что ей, собственно, надо рѣшиться.

Одна постоянная мысль была въ ней и мысль эта развѣтвлялась до безконечности: «Анатоль уѣхалъ на ярмарку въ Овчарскъ и—мнѣ говорила Дуня — до сихъ поръ не пріѣхалъ и я совершенно не знаю, что онъ дѣлалъ тамъ цѣлый день, вечеръ и ночь, но я не знаю, надо-ли мнѣ все знать о немъ, или не надо, можно-ли мнѣ любить его, не зная, или нельзя больше любить и нужно что-то потребовать отъ него. Я знаю, что вчера, и ночью, и нынче утромъ, когда его все еще нѣтъ, — мнѣ грустно и тревожно, въ то время какъ ему вѣроятно, очень весело. Но какъ же ему можетъ быть очень весело, безъ меня и совершенно не грустно, и что такое его веселье безъ меня? Вѣдь онъ легкомысленный, это говорятъ всѣ, и веселье его тоже легкомысленное.. Нѣтъ, лучше не думать, а просто рѣшить. Но что-же рѣшить».. думала она, идя по опушкѣ дубняка, видя какъ носки ея бѣлыхъ туфель потемнѣли отъ пыли и росистой травы и чувствуя, какъ ей жаль и этихъ туфель, и себя, и своего одиночества и того, что эта прогулка ея, и мысли, и грусть совершенно не подходятъ къ дѣвушкѣ, которая обручена и которая, поэтому, должна быть очень счастлива. Она же чувствовала, что она почти несчастна и ей казалось обиднымъ

и непонятнымъ какъ это онъ, Анатолий, такой большой, независимый, богатый, счастливый и знаменитый ничего не дѣлаетъ — вотъ въ эту ея обидную, жалкую и несчастную минуту — ничего не дѣлаетъ для того, чтобы она сейчасъ-же перестала быть несчастной и сдѣлалась бы опять его счастливой и избалованной невѣстой.

Она сорвала вѣтку ольховника, содрала листья и кое-гдѣ кожицу, такъ что ея розовые, только что умытые пальцы смугло позеленѣли на кончикахъ, она размахивала этой вѣткой, звонко разсѣкая воздухъ и сжимая зубы, будто шелкала и била по чему-то враждебному ей — и сама вѣроятно, не знала, что глаза ея полны свѣтлыхъ и злыхъ слезъ...

Въ дубнякѣ, откуда шла сырая тѣневая прохлада, иногда слышались дробные и дѣловитые стуки дятла, вправо, за ольховникомъ, тянулась высокая стѣна ржи, золотое, сухое сверканье съ пестрой сыпью куколя и васильковъ, за нимъ безконечно стлались новые поля, степь, курганы, просторъ безоблачнаго, почти бѣлаго и прожженного солнцемъ неба, но княжна почти не видѣла всего этого не ощущала роскоши этого молодого сияющаго утра, она все шла впередъ, думая все о томъ-же, и передъ нею, сквозь дубки молодняка и поросль уже виднѣлась широкая лента сухо сверкающаго пыльнаго шляха. На шляху же что-то ярко и сине лоснилось но она не могла разобрать — что, и шла все дальше, но вдругъ, уже у послѣднихъ деревьевъ рощи, она узнала это синее и сверкающее.

Это былъ автомобиль графа и въ немъ она увидѣла его самого, Базиля и какую-то даму въ широкополой шляпѣ. Она хотѣла побѣжать навстрѣчу, чувствуя только радость отъ того, что увидѣла его пыльникъ, затылокъ и руки въ перчаткахъ, но что то, кромѣ этой радости, тревожное

въ ней заставило ее остановиться у кустовъ и не двинуться дальше.

Княжна стояла съ сильно бьющимся сердцемъ и сквозь перевивы вѣтвей глядѣла на то, что было такъ близко отъ нея и въ то-же время, такъ далеко, и далеко потому, что никто изъ тѣхъ, на кого она глядѣла, не зналъ о ея присутствіи и все что происходило тамъ, происходило такъ, какъ-будто ея не было и не могло быть. Она увидѣла, какъ Базиль съ соннымъ и потнымъ лицомъ и съ фуражкой на затылкѣ, хваталъ за рукавъ Анатоля, стоявшаго на подвожкѣ, тянулъ обратно и говорилъ страннымъ грубымъ голосомъ, котораго она, княжна, раньше никогда не слышала у него:

— Да сиди, да что ты рыпаешься.. ну, не все ли равно, часомъ позже или раньше... успѣешь!. Да и дрыхнуть еще вѣроятно всѣ, а твоя Дульцинея тоже!..

« ..Дульцинея—это^{ея}, думала княжна, почти слыша свое сердце—и какъ онъ смѣетъ, противный.. »

— Заѣдемъ къ Гаврилкѣ, еще выпьемъ... это три версты . говорилъ корнетъ, все не выпуская графа и стараясь, перегнувшись съ передняго сидѣнія, захлопнуть дверцу.

При этомъ у него съ головы слетѣла фуражка и, онъ съ пьянымъ краснымъ и глупымъ лицомъ и открытымъ ртомъ застылъ, глядя на покотившуюся въ пыль фуражку и раскинувъ руки. Шофферъ, улыбаясь выскочилъ и поднялъ фуражку, а въ это время дама—княжна успѣла уже разглядѣть ея накрашенное, грубое и вызывающее лицо—потянула къ себѣ на сидѣнье графа, хохоча и картаво визжа:

— И вѣжно, оставайтесь, это шямо невѣжливо съ вашей стогоны, гьяфъ...

И вдругъ она потянулася къ нему, и крикнула:

— Огфей въ аду... Огфей, а?..

Какъ-то отвратительно затормошила его и поцѣловала покрашенными, будто, липкими губами.

Квяжна глядѣла на Анатоля, на то, какъ онъ съ безвольной, неумной и хмельной улыбкой позволилъ тормозить и цѣловать себя, на то, какъ онъ небрежно, но привычно обнялъ за плечо ужасную женщину, а потомъ махнулъ рукой шофферу, и ей казалось, что она видитъ передъ собою его трупъ. Она видѣла, какъ автомобиль, поднимая пыль и зажужжавъ поплылъ—пыль почти коснулась ея—она услышала, какъ вмѣстѣ съ пылью и синимъ сверканьемъ кузова уплыли голоса и какъ Базиль зацѣль:

— Non, tu n, est pas jolie, ma Ninette!

И какъ Анатоль и женщина съ покачивающимися надъ пылью головами подняли руки, будто дирижируя и тоже зацѣли, она видѣла, какъ все это неожиданное, грубое, пьяное и страшно враждебное ей, быстро удаляясь, исчезло въ сверкающемъ золотѣ утренняго солнца надъ шляхомъ—но она все еще стояла въ кустахъ и омерзевше, ужась и страхъ рвали и комкали ея сердце Она повернулась, хрустнувъ хворостинками подъ ногами и сучьями и жалкій, безсильный, злой стонъ вырвался почти помимо воли изъ ея груди.

Маленькая лягушка прыгнула изъ-подъ ея ногъ и съ разкоряченными лапками и вздувающимися жабрами застыла въ травѣ у тропинки. Близко, въ кустахъ, что то беззаботное и вопросительное высвистнула иволга, но и лягушка, и иволга, и кусты ольховника, и лѣсъ, солнечные блики, тепло и золото ржи, всѣ знакомые и еще мгновенье назадъ простыя и понятныя явленія, предметы и краски показались ей тусклыми, грѣшными и тягостными и то страшное, леденящее чувство, будто она увидѣла безобразный трупъ любимаго человѣка, все

росло въ ней, давило ее и прохватывало липкимъ холодомъ. Съ ощущеніемъ, будто то ужасное и липкое что она увидѣла, гонять ее впередъ, она побѣжала въ лѣсъ, не различая дороги, не раздвигая руками кустовъ и поросли, а двигаясь куда то въ гущу, обжигаясь бьющими ее въ лицо вѣтвями и шершавыми пахучими листьями, спотыкаясь и застрѣвая, но неудержимо убѣгая отъ самой себя и отъ своей тоски. Такъ, въ страстномъ и страшномъ стремленіи, цѣль котораго только неясно еще сознавалась ею, она пробѣжала дубнякъ и очутилась вдругъ на лужайкѣ, которую она всегда видѣла съ балкона своей комнатки, но на которой она этимъ лѣтомъ еще ни разу не побывала.

Лужайка эта, спускаясь въ ложбину, доходила до самого парка и пруда, острыѣ мысомъ вклинявшася тамъ, внизу, въ солнечномъ свѣтломъ просторѣ,—въ заливные, покрытые ромашкой луга. И вотъ нынче, въ это ужасное утро, она очутилась случайно и страшно на лужайкѣ, всегда видимой ей изъ окна и съ балкона, на свѣтлый просторъ которой ей всегда хотѣлось пойти, чтобы подняться на холмикъ, растянуться въ тѣни дубняка и глядѣть—глядѣть на хрустально горящую чашу пруда, на стѣны парка, на бѣлую рябь ромашки въ свѣтломъ бархатѣ травъ, на облака и небо. При этой мысли, такъ живо и остро воскресившей въ ней ея еще вчерашнюю счастливую, беззаботную и нетронутую жизнь, она снова вся содрогнулась и сжалась. «Неужели, обожгло ее тоскою, неужели я, наконецъ, очутилась здѣсь, на этой самой любимой и свѣтлой лужайкѣ, чтобы погибнуть на ней.. Но какъ-же это сдѣлать, чтобы погибнуть»,—думала она, горячими глазами вглядываясь въ зеленый просторъ—«вотъ такъ просто, бѣжать, бѣжать, въ топъ, въ болото, въ камышъ, а тамъ на мостки, гдѣ бабы потомъ будутъ мыть бѣлье—и броситься въ эту чешуйчатую на солнце

и ослѣпительную воду... Господи... Нужно-ли?.. Да, нужно, потому что я не могу смотрѣть въ лицо ни ему, ни бабушкѣ, никому, ни одному человѣку больше, потому что никто не можетъ отнять у меня этотъ ужасъ, а онъ, онъ никогда не сможетъ сдѣлаться прежнимъ Анатодемъ и всегда будетъ въ глазахъ и ушахъ автомобиль, Базиль, фуражка, и эта отвратительная покрашенная женщина, и этотъ шавсонъ и хриплые голоса. Нужно, нужно!», — кричала она себѣ и, подхлестанная этимъ крикомъ, она сбѣжала внизъ, въ ложбину, навстрѣчу, какъ ей казалось, зеленой, солнечной, бархатной смерти.

Но чѣмъ ближе были камыши, топъ, мостки, чѣмъ ближе, ослѣпительнѣе и серебристѣе сверканье воды—тѣмъ медленнѣе и неувѣреннѣе дѣлались ея шаги и то неудержимое, что несло ее впередъ. Уже зеленый бархатъ подъ бѣгущими ногами началъ хлопать и чавкать, обрызгивая ея бѣлыя туфли смуглой жижицей, уже близко и остро началъ ощущаться сырой, илистый запахъ еще не нагрѣтой солнцемъ воды и камышей и то, что издали казалось такъ просто и легко, вблизи сверканіемъ своимъ, запахами, знакомыми и обычными очертаніями начало выростать въ преграду, которую невозможно преодолѣть. Отбѣжавъ въ сторону, взбѣжавъ на холмикъ, гдѣ подъ ногами опять была упругая, ласковая росистая трава — квяжна остановилась, заломивъ руки въ тоскливомъ молодомъ отчаяніи надъ своимъ безсиліемъ.

«Не могу кричало въ ней—не могу отбросить жизнь даже нынче, въ это ужасное, темное утро..». И въ этомъ отчаяніи, со смѣшавшимися чувствами желанія смерти и страха передъ нею, она ничкомъ бросилась на землю и прижалась пылающимъ лицомъ къ ласковому, омытому росой и свѣжо пахнувшему травинамъ. Лежа такъ, она закрыла

глаза, только чувствуя нѣжное шекотанье и прохладу подь собою и то, какъ буйное, поднимающееся въ высь солнце ласково и крѣпко жжетъ и лижетъ затылокъ.

Попикъ.

Ихъ собрали по переулкамъ и задворкамъ, изъ погребовъ, чердаковъ и лавокъ, отовсюду, гдѣ настигла ихъ смерть. Свалили на выщербленную, занозистую подводу, на которой раньше возили скоть на убой, покрыли дырявой рогожей, такъ что черезъ нее, какъ черезъ сито торчали мертвые носы, руки и ноги, и свезли на еврейское кладбище — раннимъ и пасмурнымъ мартовскимъ утромъ.

Тамъ, на влажныхъ по оттепели соснахъ черной лохматой тучей, сидѣло воронье и картаво каркало. На холмѣ, съ котораго уже сползалъ снѣгъ, оставляя рыжія лысины песковъ — стояло кирпичное строеньице, похожее на фонарь и черезъ его широкія окна пучилось слезоточивое аспидное небо. Горожане-католики называли этотъ фонарь жидовской каплицей и пугали ею дѣтей, какъ буквой или висѣлицей. Въ немъ, въ обыкновенное время, два старыхъ еврея съ трахомными глазами обмывали трупы передъ погребеніемъ. Завѣянный талымъ снѣгомъ ползъ частоколъ могильныхъ плитъ и косые буквы на нихъ были похожи на запятые и квадраты. А за глинобитной, утыканной бутылочными осколками стѣной, въ туманной мглѣ утра, маячили брандмауеры свѣчного завода, продырявленные гаубицами, и на нихъ, полустертые дождями, бѣжали буквы: Гильзы Катыка...

Кацапы-ассенизаторы, привезшіе погромные

трупы, и свалившіе ихъ у кладбищенской стѣны, долго топтались въ снѣгу, хрипло переговариваясь а потомъ отправились на слободку за самогономъ — пропить заработанные керенки.. А трупы остались лежать у стѣны — 39 человекъ — и подъ ними еле слышно шелестѣлъ снѣгъ, оттаивая, западая и ломаясь, какъ соты подъ тяжестью меда. Лежали вповалку, раскинувъ руки и ноги, какъ безобразныя маріонетки послѣ кукольной трагедіи. Кто хорошо зналъ городъ, узналъ бы многихъ изъ лежавшихъ, памятныхъ по прошлому, по мирному житію рухнувшихъ лѣтъ.

Вотъ владѣлецъ прачешной «Рекордъ», Мойше Лихтмахеръ съ Вокзальной. Тотъ, у котораго на вывѣскахъ были нарисованы толстогубые негръ и негритянка: онъ въ ценящейся мыломъ лохани моетъ какую-то тряпку, она — съ круглыми черными локтями на отлетѣ — зажала въ черныхъ кулакахъ громадный лоснящійся утюгъ и гладитъ, сверкая зубами. Когда-то Мойше заказывалъ эти вывѣски, вѣроятно подражая какому-нибудь кievскому коллегѣ, и любовался ими когда онѣ еще лоснились свѣжей краской. Это было тогда, когда, вправивъ промысловое свидѣтельство въ золотую багетовую рамку, онъ открывалъ свое заведеніе въ которомъ все еще было новенькое, опрятное и ладное. Дѣло пошло. Изъ прачешной въ приѣмную комнату съ зеркалами и швейцарскими видами потянулся паръ, темня потолокъ и стѣны. Мухи изрѣшетили промысловое свидѣтельство, уличная грязь забрызгала негровъ на вывѣскѣ, въ приѣмную вселился кислый запахъ, а стѣны прачешной покрылись плесенью.. А теперь Лихтмахера убили. Теперь онъ лежитъ у кладбищенской стѣны съ торчащей вверхъ сѣдой бородой, похожей на крыло убитой дичи, влажное отъ сукровицы. Теперь жена его и дѣти скулятъ гдѣ-нибудь въ задней каморкѣ между кучами недомытаго бѣлья, а въ приѣмной, полутемной отъ спу-

щенной шанирной ставни, не звякнетъ колокольчикъ, витрина выбита солдатскимъ камнемъ и только негритянка съ круглыми черными локтями на отлетѣ попрежнему взмахиваетъ утюгомъ и скалить зубы. .

Рядомъ съ Лихтмахеромъ лежитъ часовой мастеръ Полякъ, брюшковатый, въ куденькомъ пиджачкѣ, поднявшемся и показавшимъ отвислый задъ. Лицо доброе, беспомощное, немножко похожъ на Золя. Даже теперь, мертвое — чуть чуть смѣшное, съ полными щеками, будто набитыми недоѣденнымъ кускомъ. Всю жизнь свою, съ лупою въ правомъ глазу, сидѣлъ надъ часами, за маленькимъ столикомъ съ массою крючочковъ, винтиковъ, какихъ-то штучекъ, сидѣлъ на круглой табуреткѣ, обитой дырявой клеенкой. Пока другіе жили жизнью, мятежной и звонкой, онъ сидѣлъ надъ колесиками, надъ винтиками и крючочками, съ лупою въ глазу, а вокругъ него, въ маленькой тѣсной лавченкѣ, суетливо тикало два десятка часовъ и пахло затхлымъ, непровѣтреннымъ, еврейскимъ. А рядомъ, въ комнатѣ когда только ни войдешь къ часовщику — единственный сынъ поляка громко зубрилъ, готовясь къ экзамену экстерномъ. Сквозь тиканье часовъ въ затхлой духотѣ, слышался картавый голосъ юноши:

— Квадгать гипотенузы гавень суммѣ квадгатовъ катетовъ...

Или-же — изрѣдка — онъ пиликалъ на скрипкѣ, извлекая изъ нея тонкіе, убогенькіе звуки: гаммы или ноктюрнъ Фильда.. Утромъ, вечеромъ — тикъ, такъ, скрипъ, скрипъ — все одно и то же въ затхлой, остановившейся тишинѣ.

Дальше лежатъ незнакомые, синагогальные какіе-то, въ лапсердакахъ, старые. Потомъ, уйдя головою въ снѣгъ, юноша — кажется, гимназистъ. Изъ-подъ куртки проступаютъ костлявыя ключицы,

а надъ воротомъ, надъ впадиной затылка чернымъ войлокомъ темнѣютъ курчавые волосы.

И тихо, тая, шелеститъ подъ лицомъ его снѣгъ, ломаясь, и сквозь скважистую его пелену пробивается терпкое дыханіе земли.

Ржавымъ, поющимъ звукомъ скрипнули кладбищенскіе ворота. Вошло три человекъ. Въ туманной мглѣ утра, надъ сѣдыми лохмами снѣговъ они казались такими-же неживыми и несуразными, какъ трупы у стѣны. Маленькіе всѣ, древніе, въ мшавомъ тряпѣ, простеганные вѣтрами. Шли медленно, бессильно, задыхаясь. Гдѣ-то встрѣтились, какой-то другъ къ другу зажглись жалостью, пошли вмѣстѣ родные по страстотерпѣнію. Древній Мордко, синагогальный сторожъ, хромою, въ длиннополомъ сюртукѣ, съ вывороченными красными вѣками слезящихся глазъ. Безумная Рива въ рыжемъ мшавомъ платкѣ, въ смѣшныхъ нѣкогда нарядныхъ башмакахъ на высокихъ французскихъ каблукахъ. Старый попикъ, отецъ Виссаріонъ. Шелъ попикъ въ подбитой облѣзлымъ мѣхомъ ряскѣ, опираясь на посошекъ и въ обезкровленномъ голодомъ и старостью лицѣ его дотлѣвали голубыми огнями потухшіе глаза. Былъ онъ академикомъ и духовнымъ писателемъ, нѣкогда славился всякимъ проповѣдничествомъ и аскетизмомъ. Нынче-же все шелъ по городу — съ ранняго утра и до сумерекъ читалъ воззванія новыхъ властей, качалъ головой, шевелилъ сухими недоѣдавшими губами, когда приходилось ему видѣть, какъ солдатъ, ломовой, извозчикъ, заѣхавъ по втулку въ грязь стегалъ кнутовищемъ моклочистую свою голенастую пеганку — долго и краснорѣчиво убѣждалъ его не бить, пощадить скотинку. За людей давно пересталъ просить просиль за скотинку..

Шли всѣ въ рядъ по тропкѣ, забрызганные грязью, скользя въ таломъ снѣгу. И длинное что-то говорила Рива, длинное и непонятное на жаргонѣ

безумныхъ. Вѣтры подхватывали ея слова, рвали ихъ на части, отчего они казались еще несуразнѣе. И воронье на лохматыхъ соснахъ отвѣчало имъ картавымъ карканьемъ, будто передразнивало. Говорила Рива вѣчное свое. ночное и дневное, отъ безумныхъ мыслей, отъ безумной тоски. Но когда подошли къ трупамъ — вдругъ закричала гортаннымъ клокочущимъ крикомъ, упала въ снѣгъ и заерзала костлявыми пальцами по ряскѣ отца Виссаріона. Цѣпко сжала мокрый ворсъ ряски хищными пальцами, прижалась безобразнымъ морщинистымъ лицомъ, залилась длинными страстными слезами.

— Овайзмэръ, овайзмэръ... кричала Рива и прятала лицо свое въ ряску и обхватывала колѣни попка тонкими, какъ щупальцы руками.

— О чемъ плачешь, милая, спросилъ попикъ и обнялъ сѣдую и вшивую голову еврейки. О чемъ плачешь-то, а... Чѣмъ могу помочь тебѣ я, нищій человекъ... Какая худая.. Какая-же она худая. сказалъ, одались онъ, обращаясь къ Мордкѣ. Да, Мордко, нагол мы всѣ.. Но вотъ она то зачѣмъ, чѣмъ она-то виновата... Я—попъ, ты—сторожъ при синагогѣ, мы хотѣли быть при Богѣ, котораго они не признають.. Ну, а она.. безумная-то... Худая какая повторилъ онъ опять, погладивъ еврейку по спинѣ и стараясь ея поднять. Можетъ быть завтра уже уложить ее въ вашъ черный еврейскій гробъ, одинъ для всѣхъ... Не плачь, не плачь милая. Не меня проси, а Бога, своего Бога, вѣчнаго Бога надъ вами и нами, того, ради котораго бьютъ и васъ и насъ, того, ради котораго мы умремъ нищими, голыми людьми сѣзь маковой росинки въ нутрѣ, пухлые отъ голода, гнойные отъ язвъ прокаженные передъ ними сытыми, но благіе передъ Іеговой, который зачтетъ намъ нашу убогость.. Слышишь ты, милая, онъ сильнѣе ихъ всѣхъ, тѣхъ, что мортятъ насъ и язвятъ и бьютъ...

— Ой, батюшка, сказалъ Мордке, почесывая

бороду, какъ вы хорошо сказали... Въ самый разъ. И какъ-же я васъ хорошо понялъ, батюшка, какъ я васъ хорошо понялъ...

И вдругъ отошелъ, тихонько ткнулъ ногой въ одинъ изъ труповъ и сказалъ:

— Дубицкій... Это-же нашъ Дубицкій, раввинъ изъ Большой синагоги. Вы же и знали Дубицкаго...

Попикъ поднялъ голову и взглянулъ. И вдругъ, бережно отнявъ руки отъ головы еврейки, онъ приподнялъ старую свою мѣховую шапченку и перекрестился.

— Какъ-же мнѣ не знать Дубицкаго, сказалъ онъ, нахлобучивая шапку и заправляя подъ нее волосы. Праведный человекъ былъ, большой другъ мой. Я-же къ нему и шелъ... Я-же зналъ, что онъ убить. Мордке, слушай Мордке.. давай выкопаемъ ему могилку отдѣльную... могилку-то, а... Вонъ и заступы валяются у стены, а...

Засуетились старики. Примѣрили мѣстечко по-рожнее, затыкали лопатами по мерзлой землѣ, закопали кряхтя и обливаясь потомъ. Долго копали, дѣловито и безмолвно. А безумная Рива, уместясь на могильную плиту, сжавшись въ комокъ подъ мпавымъ своимъ рыжимъ платкомъ, тихо скулила, глядя кроличьими своими воспаленными глазами въ одну точку. День занимался Уже проплылъ въ мгlistомъ воздухѣ—тамъ, за брандмауерами острой спиралью заводской гудокъ и зажужжали гдѣ-то, выѣзжая изъ парка, утренніе хмурые трамваи. По новому, отряхнувъ сонъ, закаркало воронье, снявшись черной тучей съ мокрыхъ кропиль со-сенъ и шумно захлопавъ крыльями. А въ блѣдномъ аспидѣ неба, за растаявшими лохмами тучъ, зажглись свѣтлой бронзой тонкіе жгуты заревыхъ лучей...

Оглавление.

	Стр.
Зоинъ романъ	3
Вальсъ Глилки	21
Мужъ за стѣной	30
Перекрестокъ	55
Дѣвочка Оля	62
Третій	68
Сила мечты	75
Разсказъ о смѣшливой княжнѣ	106
Поцикъ	169

М. ДИДКОВСКИЙ.

Книжный магазинъ.

Рига, Крѣпостная, 43/45. Телефонъ 2-2-6-0-1.

Календари на 1930 годъ.

Всеобщій Русскій Календарь

(настольный справочникъ

— квижка) . . Ls 1.—ам. долл. 0,25 и 0,30

Отрывные:

Зарубежнаго Союза Инва-

лидовъ . . . . . Ls 1.70 ам. долл. 0.36

Сѣверный Медвѣдь . . . . . Ls 1.50 ам. долл. 0.30

Градъ Китежъ . . . . . Ls 1.50 ам. долл. 0.32

Глобусъ . . . . . Ls 0.75 ам. долл. 0.18

Добро . . . . . Ls 0.70 ам. долл. 0.15

Дѣтскія книги — въ большемъ выборѣ — новейшихъ и довоенныхъ изданій.

Русскіе счеты всѣхъ размѣровъ. — Альбомы для открытокъ и фотографій.

Принимаются заказы на всѣ изданія — мѣстные и заграничныя.

На складѣ всегда книжныя новости.

Цѣны — каталоговыя.

Принимаются заказы:

1) на печатаніе книгъ.

2) на переплетныя работы.

Послѣднія новости:

С. Р. Минцловъ. **Огненный Путь**, романъ Ls 2.— ам. долл. 0.60.

С. Р. Минцловъ. «Свистопуць», юмористическіе рассказы Ls 2.— ам. долл. 0,60,

Андрей Задонскій. **Зоинъ Романъ**. Ls 1.—ам. долл. 0,45.

Бичеръ-Стоу. **Хижина Дяди Тома**, въ переплетѣ Ls 4.— ам. долл. 0,85.

С. Р. Минцловъ. **Кладъ**, повѣсть Ls 3.—, ам. долл. 0.50.

В. И. Крыжановская. **Изъ Царства Тьмы**, романъ Ls 2 —, ам. долл. 0.60.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. **Голубой Мундиръ**. Ls 2.—, ам. долл. 0,60.

www.books2ebooks.eu